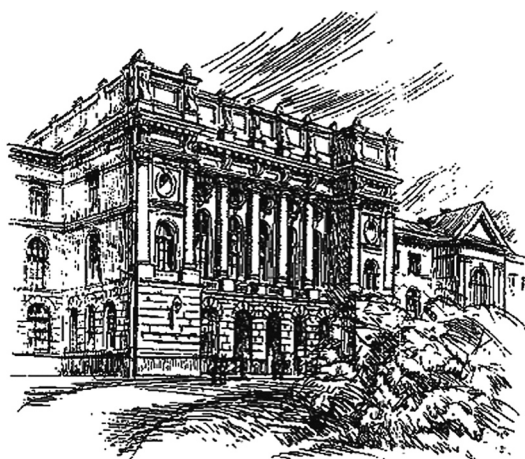


МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

4 (255) 2016

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2016

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагарьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Рудской А.И.*, чл.-кор. РАН;
Тендлер М.Б., ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дестярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Бордовская Н.В., академик РАО; *Бордовский Г.А.*, академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Поршнева О.С.*, д-р ист. наук,
профессор УрФУ (Екатеринбург); *Тряпицына А.П.*, чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор; *Ван Ци*, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гозберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ; *Даринская Л.А.*, д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Кулик С.В.*, д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Михайлов А.А.*, д-р ист. наук, профессор Военной
академии Генерального штаба ВС РФ; *Осокина Е.*, д-р ист. наук, профессор Университета Южной
Каролины (США); *Погодин С.Н.*, д-р ист. наук, профессор; *Попова Н.В.*, д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ; *Романенко И.Б.*, д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Стрельченко В.И.*, д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор; *Ульянова С.Б.*, д-р ист. наук, профессор;
Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал издавался в составе сериального издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ», в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Журнал, сохраняя преемственность, продолжая научные и публикационные традиции сериального издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ», издается под сдвоенным международным стандартным серийным номером ISSN 1994-2354 (сериальный), ISSN 2304-9758. Журнал имеет двуязычное оформление и публикует статьи на русском и английском языках.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки

РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 – Исторические науки и археология, 09.00.00 – Философские науки, 13.00.00 – Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

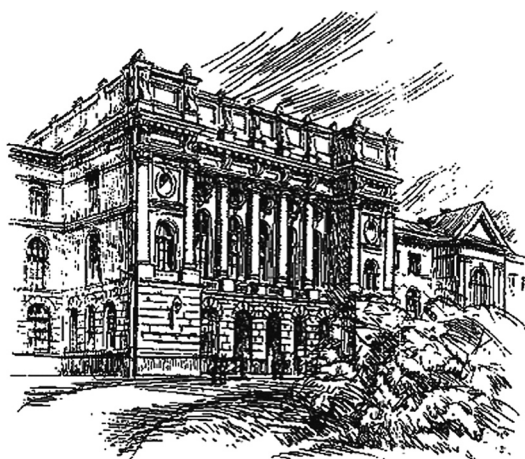
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 294-47-72.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION



**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

4 (255) 2016

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2016

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc. (tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc. (tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc. (tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc. (phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc. (phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board; *Bordovskaya N.V.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education; *Bordovsky G.A.*, academician of the Russian Academy of Education; *Dudnik S.I.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Porshneva O.S.*, Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg); *Tryapitsyna A.P.*, Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Education.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief;
Shipunova O.D., Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU; *Darinskaya L.A.*, Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University; *Dianova V.M.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Gogoberidze A.G.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Khalyapina L.P.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Kulik S.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Markov B.V.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Mikhailov A.A.*, Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff; *Osokina E.*, Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA); *Pogodin S.N.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Popova N.V.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Porokhnaya V.S.*, Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute; *Romanenko I.B.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Savchuk V.V.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Strelchenko V.I.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Surygin A.I.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Ulyanova S.B.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Wang Qi*, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China).

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal, which is published under both International Standard Serial Numbers (ISSN 1994-2354 and ISSN 2304-9758), aims to maintain continuity and keep up the tradition of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal.

It is a bilingual journal which publishes articles in both Russian and English.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties

has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015: 07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2016



Содержание

История

История российского социума

Марасанова В.М. Потеря импульса судебной реформы 1864 года в отражении документов Ярославского и Рыбинского окружных судов.....	9
Ульянова С.Б. Трудовые ресурсы советского индустриального проекта (вторая половина 1920-х — начало 1930-х годов).....	19
Лозовская Д.С. Вопросы политехнического образования в Российской империи в начале XX века.....	26
Прохорова Е.В. Организация торгово-санитарного надзора в Петербурге — Петрограде — Ленинграде в первой трети XX века.....	34
Спичак А.В. Отчеты о состоянии Тобольской епархии 1856—1915 годов: общее и особенное в содержании и оформлении.....	44
Трояновский К.В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты западных губерний в правительственной политике России в первой половине XIX века.....	53
Лебедева Л.В. Трансформация хозяйственного уклада середняцких хозяйств в период нэпа (по материалам Пензенской губернии).....	61
Микуленок Ю.А. Эмоциональный репертуар членов жактов в условиях жилищного голода 1920-х годов (на примере южных городов России).....	68

Международные отношения

Ширма Е.Ю. Отношения Великобритании и Франции в системе европейской интеграции (1951—1992 гг.): историографический аспект.....	74
Чернов И.В. Испаноязычная общность и латиноамериканские нации: лингвополитический анализ.....	87

Историко-биографические исследования

Сидорчук И.В. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919—1920, 1922—1934 гг.).....	96
Гулякин С.С. Политическая деятельность Улофа Пальме в Социал-демократическом молодежном союзе Швеции в 50-х годах XX века.....	108

Философия

Проблемы XXI века

Миронов А.В. Моральное безразличие как социальный фактор.....	115
--	-----

Философские и культурологические исследования

- Лезгина М.Л., Иванов В.Г.** Эпистемологический анализ развертывания математической идеи в новое время 122
- Мурейко Л.В.** Мимезис и рекурсия: к проблеме социальной коммуникации в эпистемологическом аспекте 132

Педагогика

Проблемы высшей школы

- Бондаренко М.А.** Речевые дисциплины в системе гуманитарной подготовки студентов 139
- Сысоев П.В.** Спорные вопросы реализации образовательных программ по сетевой форме обучения ... 148
- Землинская Т.Е., Ферсман Н.Г.** Методики вузовского обучения в контексте клипового мышления современного студента 153
- Гришина Н.Ю.** Методика обучения иностранному языку с учетом когнитивных стилей студентов гуманитарного профиля 161
- Обухова Ю.О., Танова А.Г.** Внеучебная деятельность студентов в современном университете: интересы и ожидания (на примере студентов СПбПУ) 168

Профессиональное образование

- Любин А.В.** Деятельность куратора учебной группы в медицинском вузе 176

Хроника

- Кулик С.В., Лагушкин С.Г., Самыловская Е.А., Эйдемиллер К.Ю.** Арктика: история и современность (Обзор международной научной конференции) 184



Contents

History

History of the Russian Society

Marasanova V.M. <i>Loss of impulse of judicial reform 1864 in reflection of the documents of the Yaroslavl and Rybinsk district courts</i>	9
Ulyanova S.B. <i>Workforce in the soviet industrial project (the second half of 1920s – early 1930s)</i>	19
Lozovskaya D.S. <i>Issues of polytechnic education in the Russian Empire at the beginning of the XX century</i>	26
Prokhorova E.V. <i>The organization of the food control in St. Petersburg – Petrograd – Leningrad during the first three decades of the XX century</i>	34
Spichak A.V. <i>Reports on the state of Tobolsk diocese 1856–1915 as historical source</i>	44
Troyianowskiy K.V. <i>The problem of western provinces petty nobility's positioning in social hierarchy of the Russian empire in the first half of the XIX century</i>	53
Lebedeva L.V. <i>The transformation of the economic life of middle peasants during the period of the nep (On materials of the Penza province)</i>	61
Mikulenok Yu.A. <i>Emotional repertoire inhabitant of zhakt in the housing hunger in the 1920s (on the example of the south of Russia)</i>	68

International Relationships

Shirma E.Yu. <i>The relationship of Great Britain and France in the context of European integration (1951–1992) was: historiographic aspect</i>	74
Chernov I.V. <i>Spanish-speaking community and the nations of Latin America: linguo-political analysis</i>	87

Historical and Biographical Studies

Sidorchuk I.V. <i>Nicholas Marr on the post of director of the State Academy for the History of Material Culture (1919–1920, 1922–1934)</i>	96
Gulyakin S.S. <i>Olof Palme's political activities in Swedish Social Democratic Youth League in the 1950s</i>	108

Philosophy

Challenges of the XXI Century

Mironov A.V. <i>Moral indifference as a social factor</i>	115
--	-----

Philosophical and Cultural Studies

- Lezgina M.L., Ivanov V.G.** *The epistemologic analysis of evolving of mathematical idea in modern times....* 122
Mureyko L.V. *Mimesis and recursion: the problem of social communication in the epistemological aspect* 132

Pedagogy

Problems of Higher School

- Bondarenko M.A.** *Speech disciplines in the system of students' humanitarian education* 139
Sysoyev P.V. *Controversial issues in implementation of the network education programs* 148
Zemlinskaya T.Ye., Fersman N.G. *Teaching methods and techniques in the context of teachng students with clip thinkng cognitive style* 153
Grishina N.Yu. *Methods of foreign language teaching based on cognitive styles of humanitarian students .* 161
Obukhova Yu.O., Tanova A.G. *Students' non-learning activities in modern university: intrests and expectations* 168

Professional Education

- Lyubin A.V.** *Curator's work with student group in a Medical Academy.....* 176

Chronicle

- Kulik S.V., Lagushkin S.G., Samylovskaya E.A., Eidemiller K.Yu.** *The Arctic: history and present (Review of the international scientific conference)* 184

ПОТЕРЯ ИМПУЛЬСА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕНТОВ ЯРОСЛАВСКОГО И РЫБИНСКОГО ОКРУЖНЫХ СУДОВ

В статье рассмотрены результаты судебной реформы 1864 г. на примере окружных судов Ярославской губернии – Ярославского и Рыбинского. Эти суды в числе первых были созданы в России, и изучение их работы помогает полнее представить деятельность судебной системы на губернском уровне. Показаны как достижения новых судебных институтов, так и недостатки, нараставшие в их деятельности к концу XIX в. Охарактеризованы личности председателей двух окружных судов. Отмечены увеличение нагрузки на судей и остальных сотрудников судов в связи с ростом числа рассматриваемых дел и изменений в законодательстве, относительно низкий уровень жалования и соответственно условий жизни судебных служащих, сложности с формированием списков присяжных заседателей. Автор статьи приходит к выводу, что заметный на первых порах импульс судебной реформы 1864 г. в направлении создания правового государства и развития правового сознания в обществе был постепенно утрачен.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА; ОКРУЖНЫЕ СУДЫ; СУД ПРИСЯЖНЫХ; ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Судебная власть – неотъемлемый элемент государства, и вместе с ним она прошла долгий путь становления и развития. От слаженно работающей судебной системы зависит не только обеспечение правопорядка и законности, но и успешное развитие всех сфер жизни общества. Поэтому для определения перспектив развития судебной системы в Российской Федерации столь важно изучение как современного ее состояния, так и исторического опыта судебных преобразований.

Знаменитые строки указа Александра II от 20 ноября 1864 г. обозначили главную цель верховной власти и правительства при проведении судебной реформы: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вооб-

ще утвердить в народе... то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем каждого, от высшего до низшего» [См.: 10, с. 502]. Несомненно, новые судебные уставы заложили принципы судопроизводства, которые даже при монархической форме правления явились правовой гарантией защиты интересов личности от произвола и беззакония.

Исследователи признали судебную реформу 1864 г. одной из наиболее прогрессивных и успешных в отечественной истории [См., например: 8, 9, 15]. При этом основное внимание они, как правило, уделяли главным положениям реформы и начальному этапу ее проведения. Однако уже в 1880–1890-х гг. стали отчетливо видны несовершенства судебной системы, которые так и не были устранены на

практике. Постоянное внесение изменений и дополнений в судебные уставы урезало многие положения судебной реформы 1864 г., и судебная система с течением времени стала в меньшей степени соответствовать не только первоначальным замыслам ее разработчиков, но и российским реалиям.

Цель нашего исследования — анализ делопроизводственных материалов типичных для Центральной России окружных судов — Ярославского и Рыбинского — с точки зрения нарастания несовершенств в их работе к концу пореформенного периода. Эти суды одними из первых были созданы в России, и изучение их работы помогает полнее представить деятельность судебной системы на губернском уровне со всеми ее достижениями и недостатками.

Как известно, судебные уставы Александра II 1864 г. впервые вводили в российское законодательство понятие судебной власти. В статье 1 «Учреждения судебных установлений» провозглашалось: «Власть судебная принадлежит мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату — в качестве верховного кассационного суда». Судебные уставы подробно регламентировали вопросы создания и деятельности судебных учреждений, в том числе структуру окружных судов и судебных палат, права и преимущества должностных лиц судебного ведомства, требования к кандидатам на службу по судебному ведомству, порядок занятия должностей и увольнения, ответственность должностных лиц и т. д. [10, 18–21, 23].

В «Учреждении судебных установлений» глава «Об окружных судах» начинала второй раздел — «Об общих судебных местах» (ст. 77–80). Юрисдикция окружных судов распространялась на губернию или несколько уездов. 19 октября 1865 г. Александром II были утверждены «Временные штаты для судебных мест». Согласно этому документу, в Российской империи учреждались бессловные окружные суды. По количеству служащих в штате они делились на четыре разряда: суды первого разряда предназначались для столичных городов — Москвы и Санкт-Петербурга; суды второго разряда — для губерний, где учреждался один окружной суд; суды третьего разряда создавались в губерниях, где планировалось открыть еще один окружной суд; суды четвертого разряда — в уездных городах.

В 1866 г. реализация судебной реформы началась в столичных судебных округах — Санкт-Петербургском и Московском. По всей стране введение новых судебных уставов растянулось на три десятилетия. Всего к началу XX в. в Российской империи было создано 84 окружных суда и 10 судебных палат. В Ярославской губернии были открыты 2 окружных суда — в губернском центре (суд третьего разряда) и в уездном городе Рыбинске (суд четвертого разряда) [24, 25]. Под юрисдикцией Ярославского окружного суда находились 6 из 10 уездов Ярославской губернии, а еще 4 уезда — Рыбинский, Угличский, Мышкинский и Мологский — входили в округ Рыбинского окружного суда (действовал до 1890 г.; затем этот округ был ликвидирован, и все уезды отошли к ведению Ярославского окружного суда).

Работу Ярославского и Рыбинского окружных судов за весь период их существования позволяют проанализировать делопроизводственные материалы, которые составляют фонд 346 «Ярославский окружной суд (1864–1918)» в Государственном архиве Ярославской области. Компетенции, структуру и функции Ярославского окружного суда определяло Положение о судоустройстве и судопроизводстве по судебным уставам 1864 г. На его основе был разработан и принят 7 декабря 1866 г. «Особый наказ Ярославского окружного суда» (обновлялся в 1871 и 1888 гг.) [16], который соответствовал нормам, изложенным в Своде судебных уставов, и в то же время конкретизировал их.

На первых порах новые суды в провинции были окружены доверием и публичным вниманием. Судебные заседания для решения уголовных и гражданских дел происходили публично, т. е. гласно. Это было новым принципом судопроизводства. В зал суда допускался любой желающий. «Ярославские губернские ведомости» писали, что у местных жителей заседания Ярославского окружного суда «возбуждают сильное участие, в особенности по уголовным делам». Появление материалов о деятельности судов в периодической печати стало одним из воплощений принципа гласности суда. В начале 1867 г. Ярославский окружной суд получил циркуляр министра внутренних дел «О разрешении в губернских ведомостях особого юридического отдела». В газете «Ярославские губернские ведомости» в



феврале того же года появился «Юридический отдел». В этом разделе газеты публиковались сообщения о состоявшихся в Ярославском окружном суде процессах и вынесенных приговорах, сообщалось о назначениях по судебному ведомству в Ярославской губернии, давались объявления «о слушании дел», печатались списки мировых судей и присяжных заседателей, стенографические отчеты о некоторых преступлениях, отчеты о числе совершенных преступлений по всем уездам губернии.

При этом гласность, конечно, не была неограниченной. Законодательством определялся круг дел, которые рассматривались только в закрытом судебном заседании: о «богохулении», оскорблении святынь и порицании веры; преступлениях против прав семейных, чести и целомудрия женщин; развратном поведении; противоестественных пороках и сводничестве. Эти ограничения не носили политического характера и были продиктованы особым характером рассматриваемых дел. В дальнейшем принцип гласности судопроизводства был еще более ограничен. Так, по закону от 12 февраля 1887 г. в зал заседаний суда запретили доступ малолетним ученикам средних и низших учебных заведений, несовершеннолетним, студентам и женщинам. Помимо этого, заседание могло быть закрытым по постановлению председателя окружного суда или по распоряжению министра юстиции. Это только один из примеров того, как первоначальные установки судебной реформы со временем ограничивались и «забывались». В 1880-х гг. уже никто не вспоминал о былой популярности судебных заседаний. Присяжные заседатели даже начали тяготиться выполнением своих обязанностей.

Несомненно, результативность работы новых судебных мест зависела не только от законодательства и продуманной структуры, но и от кадрового состава судов. Как и в настоящее время, поступление на государственную службу по судебному ведомству и прохождение ее являлись сложным процессом, имеющим свои правила, процедуры и стадии. К государственным служащим предъявлялись требования по таким параметрам, как происхождение, образование, опыт, личностные качества и др. В суде уделялось внимание кадровому резерву служащих (в окружных судах работали кандидаты на судебные должности).

Формирование корпуса судей и других членов судов заняло долгий период времени [12]. 1860–1870-е гг. стали временем профессиональных юристов, хорошо знавших законы и готовых служить общественным интересам. Так, председателем Ярославского окружного суда еще до его официального открытия, состоявшегося 2 октября 1866 г., был назначен Карл Карлович Поппе, ранее служивший в Московской судебной палате [7, л. 55–68]. Он занимал пост председателя суда в течение 5 лет – с 1866 по 1871 г. До назначения в Ярославль К.К. Поппе привлекался Н.А. Буцковским для подготовки судебной реформы и по поручению министра юстиции Д.Н. Замятина занимался составлением «предположений» по введению в действие судебных уставов в Вятской губернии. В период службы в Ярославле Поппе поместил в «Своде замечаний о применении на практике судебных уставов» 1867 и 1868 гг. несколько замечаний о толковании и применении на практике статей «Уложения о наказании». Кроме того, в «Своде замечаний о применении на практике судебных уставов» 1868 г. были опубликованы его соображения об установлении со стороны суда более целесообразного наблюдения за ходом следственной части. Личность К.К. Поппе, первого председателя Ярославского окружного суда, свидетельствовала о том, что при открытии окружных судов в провинции правительство стремилось направить в них лиц, которые не только имели высшее юридическое образование, но и обладали высокими моральными качествами и большим практическим опытом работы в судебных учреждениях.

После К.К. Поппе председателем Ярославского окружного суда в течение 8 лет являлся Николай Михайлович Окулов [6, л. 44–55], прекрасно знавший специфику данной службы. Более того, он был уроженцем Ярославской губернии. Изучение архивных документов позволило установить, что в 1866 г. Н.М. Окулов стал первым прокурором Рыбинского окружного суда и занимал эту должность в течение 2 лет. Следующий председатель Ярославского окружного суда, Борис Алексеевич Лопухин, занимал этот пост более 10 лет – с 1878 по 1889 г. [5, л. 47–52], а его преемник Николай Авксентьевич Манасеин был председателем суда в течение 25 лет [2, л. 2–11]. (Обратим внимание на то, что Н.А. Манасеин имел сводного брата, ко-

торый был его полным тезкой. Их отец, Авксентий Петрович Манасеин, был женат дважды, и в каждом браке у него родилось по сыну, которых называли Николаями. Оба брата прославились на юридическом поприще. Конечно, более широкую известность получил старший из братьев – Николай Авксентьевич Манасеин (1835–1895), министр юстиции Российской империи и одновременно генерал-прокурор Правительствующего сената, а в последний год жизни – член Государственного совета. Министром юстиции Н.А. Манасеин являлся с 1885 по 1894 г., т. е. в период преобразований Александра III, несколько ограничивших основные положения судебной реформы 1864 г. Именно в этот период его сводный брат Н.А. Манасеин (1847–1919) и стал председателем Ярославского окружного суда.) Последним председателем Ярославского окружного суда (с 1915 по 1917 г.) был действительный статский советник Аполлинарий Васильевич Бакланов [3, л. 2–9].

Первым председателем Рыбинского окружного суда в 1866 г. был назначен Ковалевский. С 1871 по 1874 г. судом руководил барон Владимир Фёдорович Раден. В 1875 г. его сменил Николай Петрович Томсен, который возглавлял суд до его упразднения в 1890 г., т. е. более 15 лет [4, л. 42–46]. Как видим, к концу пореформенной эпохи налицо была тенденция к «сверхстабильности» корпуса председателей окружных судов с длительными сроками пребывания в одной и той же должности. Выдающихся ученых, сравнимых с цивилистом К.К. Поппе, на постах председателей окружных судов уже не встречалось, но обширным практическим опытом они, несомненно, обладали.

Текущая кадровая ситуация на средних и низших должностях в судебной системе была значительно выше, чем среди судей. Бесспорно, положительное воздействие на подготовку кадров окружного суда оказывало наличие Ярославского Демидовского юридического лица, из стен которого вышла большая часть сотрудников судебного ведомства в губернии [11, 13]. Часто на открывающиеся в судах вакансии подавали заявления сразу несколько претендентов.

Что касается типичных причин ухода со службы, то это возраст, болезнь, семейные (домашние) обстоятельства, «исключение из списков за смертью» и т. п. Среди других причин отметим пьянство («Дела по переписке секрет-

но и конфиденциально» за разные годы). Самой заметной текучестью кадров была среди канцелярских служащих. Их рабочий день длился шесть часов – с 9.00 до 15.00, далее в помещении окружного суда должны были оставаться дежурные для приема документов. Однако данный порядок часто нарушался. Например, в отношении прокурора Ярославского окружного суда от 4 января 1874 г. указывалось: «...с 3-х до 9 часов пополудни в окружном суде должны находиться дежурные чиновники, нередко случается, что они там не остаются, и потому пакеты и дела, адресованные мною в суд, не могут быть своевременно сданы. Я вчера лично не мог застать дежурного чиновника в 3 часа 45 минут». К сожалению, с увеличением числа канцелярских служащих, даже несмотря на общий рост их образовательного уровня, стали отмечаться «неприличные поступки, выражающиеся в перебранке, ссорах, препирательствах, в площадной даже ругани» сотрудников.

Основными средствами повышения эффективности работы окружных судов являлись структурно-организационные перестройки, меры по сокращению объемов делопроизводства и переписки, а также увеличение численности чиновников и повышение их окладов. Однако с учетом увеличения нагрузки на суды и инфляционных процессов даже оклады председателей и судей окружных судов признавались правительством недостаточными.

В первые пореформенные годы расходы на содержание судебных чиновников были значительно увеличены по сравнению с дореформенным периодом. Согласно судебным уставам 1864 г., председатель должен был получать 4,5 тыс. рублей в год, товарищ председателя – 3,4 тыс. рублей, а член окружного суда – 2,2 тыс. рублей. Несмотря на инфляцию, размеры окладов судей долгое время не пересматривались. Председатель Ярославского окружного суда Н.М. Окулов в 1870-х гг. получал содержание в размере 4,5 тыс. рублей в год в составе: жалованье – 2,5 тыс. рублей, «столовые» – 1 тыс. рублей и «квартирные» – 1 тыс. рублей. Почти через 50 лет, в 1915 г., А.В. Бакланову при назначении на должность было установлено содержание в составе: жалованье – 2,7 тыс. рублей в год, «столовые» – 750 рублей, «квартирные» – 750 рублей и добавочные – 300 рублей [3, л. 2–9]. В сумме это



давало всё те же 4,5 тыс. рублей. Для сравнения отметим, что в 1880-х гг. оклад губернатора в среднем составлял от 5 до 8 тыс. рублей, а вице-губернаторов — от 2570 до 4350 рублей. При этом губернатор всегда имел казенную квартиру или получал «квартирные» деньги. Следовательно, судьи, не имевшие собственного состояния, могли испытывать заметные финансовые затруднения. Накануне Первой мировой войны товарищ председателя окружного суда получал около 4,2 тыс. рублей в год, члены окружного суда — 3,3 тыс. рублей.

Ярославский окружной суд находился в губернском центре, и жителям отдельных, подчас весьма удаленных, местностей приходилось добираться до него долго, и стоило это дорого. В 1870 г. был изменен порядок финансирования. Ранее суточные членам суда выделялись из сумм государственного земского сбора по требованиям окружного суда через несколько инстанций — особое о земских повинностях присутствие, уездные кассы, казенную палату и даже губернатора. Теперь по-старому, через уездные казначейства и казенные палаты, выдавались только «квартирные» и «прогонные» деньги, а для получения суточных было необходимо специальное требование губернатора. С 1880 г. финансирование поездок для членов судов еще более заметно снизилось, и после этого они выезжали в уезды значительно реже.

Острой проблемой для судов являлось увеличение количества рассматриваемых дел в связи с ростом преступности, что привело к возрастанию количества «неразрешенных» дел и переписки. Причинами роста количества дел в судах были изменения в уголовном и гражданском законодательстве (появление новых статей), рост социальной напряженности и экономических проблем, а также повышение правовой культуры населения и факторы демографического характера, а именно существенный рост населения. В частности, новым моментом в российском уголовном законодательстве стало введение ответственности за нарушение правил об акцизных сборах, правил безопасности путей сообщения, за повреждение телеграфа и телефона. В гражданском законодательстве появились законы о порядке производства межевых дел, несостоятельности, привилегиях на открытия или изобретения, положение о наследственном законодательстве и т. д.

В конце XIX в. ежедневно в суде рассматривалось по 5–7 уголовных дел, при этом состав как членов суда, так и следователей и канцелярских чиновников оставался неизменным. В 1870-х гг. на одного судью приходилось не более 140–160 дел в год, в 1880-х гг. — около 250–270 дел, а в 1913 г. — уже свыше 1 тыс. дел, т. е. нагрузка за 40 лет увеличилась более чем в 6 раз! Не снижало нагрузки даже трехкратное увеличение численности персонала Ярославского окружного суда — с 40 до 120 человек с учетом канцелярских служащих — за 30 лет его деятельности.

Во второй половине XIX в. в Ярославской губернии наблюдалась относительная стабильность — консервативный правительственный курс, невысокий уровень «аграрных беспорядков» и протестного движения промышленных рабочих, четко налаженная работа правоохранительных органов и т. п. В результате в Ярославском окружном суде уголовных дел было гораздо больше, чем гражданских. Например, за 1872 г. уголовное отделение рассмотрело около 500 дел, а гражданское — 360 дел [17, с. 103]. Типичную картину показывает «Ведомость о числе и роде преступлений в Ярославской губернии за 1878 год»: за один год в губернии было зарегистрировано 591 преступление (61 % из них составили кражи). За тот же год Ярославским окружным судом были осуждены 620 человек (546 мужчин и 74 женщины), а оправданы 152 человека (мужчин — 123, женщин — 29). Ситуация не претерпела существенных изменений в последующие десятилетия, хотя с 1870-х гг. начали появляться политические дела. Изучение данных по уездам, городам и губернии в целом показало, что изменения в характере преступности стали отчетливо заметными только с 1905 г. Они были связаны не столько с положением внутри Ярославской губернии, сколько с изменением общественно-политической ситуации в стране, что приводило к росту недовольства населения и активизации политических выступлений.

Наращение несовершенств судебной системы заметно и в отношении суда присяжных. Конечно, введение института присяжных заседателей стало важным направлением преобразования и демократизации суда, внесло заметный вклад в формирование нового правосудия и нового правосознания. При этом в Россий-

ской империи были учреждены лишь четыре округа и соответственно четыре судебных палаты, способные принимать решения о предании суду, подведомственному суду присяжных [22]. В Ярославской губернии суд присяжных был введен одним из первых в России – с февраля 1867 г. Всего до конца XIX в. было образовано 59 судов присяжных, на всю территорию империи институт присяжных заседателей не распространился. И общее число статей «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», подсудных присяжным заседателям, с 1864 до 1889 г. сократилось с 410 до 300.

Согласно законодательству, присяжные заседатели избирались из «местных обывателей всех сословий, состоящих в русском подданстве». Для присяжных заседателей устанавливался возрастной ценз от 25 до 70 лет. Анализ материалов по Ярославской губернии показал, что возраст присяжных заседателей колебался от 27 до 62 лет, но в основном это были люди в возрасте от 40 до 50 лет. Низкий уровень грамотности населения не предполагал введение образовательного ценза. Но в Ярославской губернии все присяжные заседатели были грамотными, и других примеров выявить не удалось. Для присяжных заседателей устанавливались также ценз оседлости и служебный ценз.

Большинство присяжных заседателей в России составляли крестьяне – 57,4 % на первую половину 1880-х гг. Выборочное изучение списков присяжных по Ярославской губернии за 1860–1870-е гг. подтвердило преобладание крестьян среди присяжных заседателей [1]. Например, список очередных присяжных заседателей по Рыбинскому уезду в первой четверти 1867 г. включал: крестьян – 29 человек (53 %), купцов и мещан – 21 (38 %); остальные категории – 5 человек (9 %). Из списков присяжных заседателей за 1870–1871 гг. видно, что из внесенных в них 460 человек категории «дворяне и чиновники» и купцы составили поровну – по 24 %, мещане – 12 %, прочие – менее 1 %, а крестьяне пока преобладали – 39 %. Однако к концу XIX в. доля крестьян в составе присяжных заседателей постепенно снижалась.

Имущественный ценз не имел особого значения для присяжных заседателей. Их ежемесячный доход в провинции должен был составлять не менее 16,7 рублей, что было не очень большой для того времени суммой. В дальней-

шем правительство приняло ряд мер по ограничению круга лиц, имевших право выполнять обязанности присяжных заседателей.

Специальные комиссии составляли общие и очередные списки присяжных. В общих списках перечислялись лица, которые могли быть присяжными заседателями, в очередных – лица, подлежащие призыву в суд. Комиссии создавались в каждом уезде. В Ярославской губернии они появились соответственно в десяти уездах. Списки присяжных передавались председателю Ярославского окружного суда. В первых числах декабря они печатались в «Ярославских губернских ведомостях». После составления общих и очередных списков комиссия распределяла присяжных равномерно по четвертям года. Это соответствовало числу сессий в году, но законодательство не определяло строго количество сессий, и они могли проходить трижды в год с учетом «каникулярного» времени. С 1874 г. министру юстиции по согласованию с председателем окружного суда и министром внутренних дел было предоставлено право увеличивать установленный законом комплект присяжных по уездам при условии, что не будет превышен их тройной комплект.

Когда стало понятно, что присяжный заседатель – это не почетная должность, а общественная повинность, многие потенциальные присяжные начали пытаться уклониться от выполнения этих функций. Присяжные заседатели, внесенные в общие списки, часто предпочитали заплатить штраф, чем тратить время и выступать присяжными в суде. Штрафы, установленные судебными уставами 1864 г., были высокими. За неявку в суд без законных оснований в первый раз присяжный заседатель подвергался штрафу от 10 до 100 рублей, во второй – от 20 до 200 рублей. Нередко чиновники, дворяне и купцы, внесенные в списки, появлялись к началу судебных заседаний с фиктивными свидетельствами начальства о командировках или поддельными медицинскими справками о болезни. Неявка присяжных заседателей на заседания сохранялась на всем протяжении деятельности суда присяжных. Крестьяне же в большинстве своем выполняли обязанности присяжных добросовестно, но не со всеми вопросами могли разобраться в силу более низкого уровня образования. В очередные списки присяжных заседателей, как правило, вносились



крестьяне и мещане, а в запасные — чиновники, дворяне и купцы, и при этом преимущественно на третью четверть года, когда большинство судов в связи с летними полевыми работами не проводило выездных сессий.

Присяжным заседателям в процессе отводилась роль общественного мнения. Поскольку присяжные заседатели не всегда ориентировались на закон, а учитывали традиции и обычаи, оправдательные приговоры выносились ими гораздо чаще, чем судами без участия присяжных. Доля оправдательных приговоров по уголовным делам в заседаниях Ярославского окружного суда с участием присяжных составляла 25 %, а без них — 2–3 %. В правительственных кругах присутствовало мнение о неудовлетворительной деятельности суда присяжных, шли дискуссии: следует ли сохранить эту форму суда и, если следует, на каких основаниях он должен быть организован в дальнейшем?

То, что внутри судебной системы нарастали несовершенства и проблемы, осознавалось и властью, и обществом [14, с. 220–230]. Как признавал Н.В. Муравьев, министр юстиции и генерал-прокурор (1894–1905), на начальном этапе своей карьеры служивший на должности прокурора Ярославского окружного суда, в 1864 г. «Россия получила весьма стройный процессуальный кодекс, вполне пригодный для действия в любом государстве Западной Европы, но недостаточно приспособленный к условиям нашего отечества с его историческим складом, огромными пространствами и сравнительно редким разноплеменным населением». Во Всеподданнейшем докладе, утвержденном 7 апреля 1894 г., министр подчеркивал, что «в основу предпринимаемой реформы должно быть положено начало незыблемого утверждения государственного характера и правительственного направления суда и судебного ведомства» и «при правильном устройстве суд должен быть прежде всего верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли монарха, всегда направленной к охране закона и правосудия». К тому же содержание новых судебных учреждений налагало

значительные затраты на казну, а лица судебного ведомства так и оставались материально необеспеченными.

В результате проведенного нами исследования были выявлены как достижения, так и проблемы в деятельности Ярославского окружного суда, в целом типичные для судов первой инстанции. Среди этих проблем можно назвать постоянное увеличение нагрузки на судей и остальных сотрудников судов в связи с ростом числа рассматриваемых дел, а также неизбежное затягивание сроков их рассмотрения и рост количества нерассмотренных дел. Преступность («народная нравственность») и развитие уголовного и гражданского законодательства влияли на работу Ярославского окружного суда с точки зрения интенсивности нагрузки на судей и других служащих, количества судебных заседаний в сессию, соотношения уголовных и гражданских дел, роста числа политических преступлений и т. д. Долгое пребывание судей в должности не стимулировало их к поиску более эффективных методов работы. Справедливое недовольство сотрудников судебного ведомства на местах вызывали долгие и недостаточно оплачиваемые командировки, неудовлетворительная транспортная доступность отдаленных судебных участков, низкий уровень жалования и соответственно жизни. Кроме того, работе судов мешала несогласованность их действий по ряду вопросов с коронной администрацией, полицией, земствами и органами прокурорского надзора. Служба в суде не стала ни «призванием», ни «служением», а была сложной, ответственной и не самой высокооплачиваемой работой. Практика внесения многочисленных поправок в судебные уставы 1864 г. с течением времени нарушала стройность и целостность судебной системы. В результате заметный на первых порах импульс судебной реформы в направлении создания в России правового государства и развития правового сознания в обществе был постепенно утрачен. Изменения в политической системе и общественных отношениях начались лишь во время революции 1905–1907 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 1. Д. 43.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 7. Д. 26.
3. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 7. Д. 30.
4. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 7. Д. 127.
5. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 7. Д. 260.
6. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 7. Д. 333.
7. Государственный архив Ярославской области. Ф. 346. Оп. 7. Д. 369.
8. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. М.: Статут, 2004. 316 с.
9. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов. 1864–1914. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1914. 295 с.
10. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 3. От свода законов к судебной реформе 1864 г. М.: Мысль, 2003. 830 с.
11. Лушников А.М. Развитие российского юридического образования и его финансово-правовой составляющей (XIX – начало XX в.): историко-правовой очерк // Вестн. Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 16–21.
12. Марасанова В.М. Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 1. С. 25–28.
13. Марасанова В.М. Подготовка кадров для окружных судов Российской империи // Вестн. Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 5–9.
14. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк. СПб.: Сенатская тип., 1902. 351 с.
15. Немыгина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX в. Саратов: Изд-во СЮИ МВД РФ, 1999. 256 с.
16. Особый наказ Ярославского окружного суда. Ярославль: Тип. Ярославского губернского правления, 1888.
17. Пичуев А.Н. Окружные суды Ярославской губернии: страницы истории (1866–1917) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2009. № 321. С. 101–104.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. В 55 т. СПб., 1830–1885; Собрание III. В 33 т. СПб., 1885–1916.
19. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юр. лит., 1984–1994.
20. Свод законов Российской империи. В 16 т. СПб., 1876.
21. Судебная реформа. В 2 т. / под ред. Н.В. Давыдова, Н.А. Полянского. М., 1915.
22. Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. М.: Тип. А.М. Мамонтова и К°, 1881. 639 с.
23. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. В 2 т. СПб., 1871–1875.
24. Шелоумова М.Л. Судебная реформа 1864 г. в России (по материалам Ярославской губернии): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. 23 с.
25. Ярославские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1866. 10 ноября.

МАРАСАНОВА Виктория Михайловна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой *рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова*.

Россия, 150000, Ярославль, ул. Советская, 14

e-mail: vmm@uniyar.ac.ru



LOSS OF IMPULSE OF JUDICIAL REFORM 1864 IN REFLECTION OF THE DOCUMENTS OF THE YAROSLAVL AND RYBINSK DISTRICT COURTS

The article discusses the results of the judicial reform of 1864 through the example of the district courts of the Yaroslavl province – Yaroslavl and Rybinsk. They were among the first courts established in Russia, and studying of them helps to conceive the judicial system activity at the province level. Both the dignities of the new judicial institutions and drawbacks, increasing in their activity at the end of the 19th century, are shown. Personalities of the chairmen of the district courts are characterized. The increasing burden on judges and all court personnel in connection with the growing number of cases and changes in legislation, the relatively low level of wages and, thus, living conditions of judicial employees, the problems with the formation of the jury lists are described. The article finds that at first there was a notable impulse of the judicial reform given for the formation of the state of law and the development of the legal awareness in the society, but then it was spent.

JUDICIAL REFORM OF 1864; DISTRICT COURTS; TRIAL BY JURY; YAROSLAVL PROVINCE.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 1. D. 43.
2. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 7. D. 26.
3. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 7. D. 30.
4. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 7. D. 127.
5. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 7. D. 260.
6. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 7. D. 333.
7. Gosudarstvennyy arhiv Yaroslavskoy oblasti [State Archive of Yaroslavl Region]. F. 346. Op. 7. D. 369.
8. Dzhanshiyev G.A. *Osnovy sudebnoy reformy* [Fundamentals of the judicial reform]. Moscow, Statute Publ., 2004. 316 p. (In Russ.)
9. Koni A.F. *Ottsy i deti sudebnoy reformy: k pyatidesyatiletiyu sudebnykh ustavov. 1864–1914* [Fathers and Sons of the judicial reform: for the fiftieth anniversary of Court Regulations. 1864–1914]. Moscow, I.D. Sytin Partnership Publ., 1914. 259 p. (In Russ.)
10. Kutafin O.Ye., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty* [Judicial power in Russia: History, Documents]. In 6 vol. Of vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 2003. 830 p. (In Russ.)
11. Lushnikov A.M. [The development of Russian low education and its financial and low components (XIX – beginning of the XX century): Historical and low essay]. *Vestnik of P.G. Demidov Yaroslavl State Univ.* Ser. Humanitarian Sciences, 2012, no. 2 (20), pp. 16–21. (In Russ.)
12. Marasanova V.M. [Staff of the chairmen and the members of the district courts of the Yaroslavl province in the second half of the XIX century]. *Vestnik of N.A. Nekrasov Kostroma State Univ.*, 2015, vol. 21, no. 1, pp. 25–28. (In Russ.)
13. Marasanova V.M. [Preparation of the staff for the district courts of the Russian Empire]. *Vestnik of P.G. Demidov Yaroslavl State Univ.* Ser. Humanitarian Sciences, 2016, no. 1, pp. 5–9. (In Russ.)
14. *Ministerstvo yustitsii za sto let. 1802–1902: istoricheskiy ocherk* [Ministry of Justice for the hundred years. 1802–1902: Historical Review]. St. Petersburg, Senate printing office, 1902. 351 p. (In Russ.)
15. Nemytina M.V. *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [Court in Russia: the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries]. Saratov, SYuI MVD RF Publ., 1999. 256 p. (In Russ.)
16. *Osobyi nakaz Yaroslavskogo okružhnogo suda* [Special Decree of the Yaroslavl District Court]. Yaroslavl, Yaroslavl provincial government printing office Publ., 1888. (In Russ.)
17. Pichuyev A.N. [District courts of the Yaroslavl province: the pages of history (1866–1917)]. *Vestnik of Tomsk State Univ.*, 2009, no. 321, pp. 101–104. (In Russ.)
18. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye II. In 55 vol. St. Petersburg, 1830–1885; Sobraniye III. In 33 vol. St. Petersburg, 1885–1916. (In Russ.)

19. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian legislation of XIX–XX centuries]. In 9 vol. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984–1994. (In Russ.)

20. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Law of the Russian Empire]. In 16 vol. St. Petersburg, 1876. (In Russ.)

21. *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]. In 2 vol. Moscow, 1915. (In Russ.)

22. Timofeyev N.P. *Sud prisyazhnykh v Rossii* [Jury in Russia]. Moscow: Tipografiya A.M. Mamontova and K° Publ., 1881. 639 p. (In Russ.)

23. Filippov M.A. *Sudebnaya reforma v Rossii* [Judicial Reform in Russia]. In 2 vol. St. Petersburg, 1871–1875. (In Russ.)

24. Sheloumova M.L. *Sudebnaya reforma 1864 g. v Rossii (po materialam Yaroslavskoy gubernii)*. Avtoref. kand. dis. [Judicial Reform 1864 in Russia (on the materials of the Yaroslavl province). Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2004. 23 p. (In Russ.)

25. *Yaroslavskiye gubernskiye vedomosti*. Nonofficial part. 1866. Nov. 10. (In Russ.)

MARASANOVA Viktoriya M. – *P.G. Demidof Yaroslavl State University.*

Sovetskaya ul., 14, Yaroslavl', 150000, Russia

e-mail: vmm@uniyar.ac.ru



ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х – НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ)*

В статье рассмотрена проблема кадрового обеспечения советского индустриального проекта в 1920-х – начале 1930-х гг. Дан анализ процесса индустриальной трансформации структуры рабочих мест и соответствующих ему изменений в составе рабочего класса. На основе опубликованных и архивных источников прослежена адаптация «старых» и «новых» рабочих к специализированным, оборудованным, механизированным рабочим местам, к упорядоченному и регламентированному индустриальному стилю труда. Показано, что на рубеже 1920–1930-х гг. «новые» рабочие стали играть ключевую роль в заводском сообществе за счет успешной адаптации к интенсивному режиму труда и разрушения традиционной цеховой культуры.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО; ЗАВОДСКОЕ СООБЩЕСТВО; ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ; «НОВЫЕ» РАБОЧИЕ; ЦЕХОВАЯ КУЛЬТУРА.

Индустриализация стала одним из самых важных сюжетов советской истории, вызовом, на который общество ответило масштабными переменами во всех сферах жизни. Советская программа форсированного развития промышленности в конце 1920-х – начале 1930-х гг. являлась своеобразным сочетанием политического и экономического, элитарного и массового, романтического и мобилизационного аспектов. Взятые в совокупности, они представляют собой поле для широкого системного исследования.

Проблема индустриализации неразрывно связана с изучением ее кадрового потенциала, социального и профессионального облика различных страт промышленного сообщества. Советский индустриальный проект потребовал обеспечения трудовыми ресурсами, соответствующими новой «архитектуре» производственных процессов.

В XX в. подавляющее большинство новых рабочих мест создавалось в промышленности, множество работников мигрировало из деревни

в город, порождая феномен «новых» рабочих. В России, где еще в 1880-х гг. рабочий воспринимался как «крестьянин, отошедший на заработки», в первой трети XX столетия проблема перехода «от фермы к фабрике» (Р. Аллен) и адаптации работников к специализированным, оборудованным, механизированным рабочим местам, к упорядоченному и регламентированному индустриальному стилю труда оказалась особенно острой. Эта острота отразилась и на взаимоотношениях внутри заводских сообществ, сложных многообразных связях между различными группами людей, которые были заняты в промышленном производстве (рабочими, мастерами, инженерами, администраторами). С полным правом их можно назвать акторами советского индустриального политического проекта.

Несмотря на внимание современной историографии к истории рабочей повседневности [1–3], к проблеме взаимоотношений рабочего класса и власти [4–8], к различным аспектам сталинской индустриализации [9–11], проблема возрастной и профессиональной дифференциации заводских сообществ в связи с динамикой развития промышленности остается недостаточно изученной.

После Гражданской войны, в первой половине 1920-х гг., восстановление трудовых

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00383 «Советский индустриальный политический проект: разработка и начало реализации (1921–1932 гг.)».

коллективов фабрично-заводских предприятий осуществлялось прежде всего за счет возвращения «старых» рабочих. Этому во многом способствовала деятельность профсоюзов, носившая антикрестьянскую, антиженскую, антиподростковую направленность [12, с. 21]. К 1926 г. на смену тем, кого воспринимали как «резервную армию труда», пришли вернувшиеся с фронта и из деревень опытные рабочие. Но этот ресурс оказался быстро исчерпан.

Промышленность при наличии безработицы столкнулась с нехваткой квалифицированной рабочей силы. Потребность в такой силе в 1925/26 х. г. составляла 433 тыс. человек, причем удовлетворялась она только на четверть. И ситуация не менялась к лучшему. На 1 января 1931 г. в авиационной промышленности, например, только 3 % рабочих обладали высокой квалификацией, 30 % – средней, 46 % были полуквалифицированными и 21 % – неквалифицированными [13, с. 244].

Пользуясь своей востребованностью, квалифицированные рабочие искали лучшего места. Дефицит кадров был так велик, что, случалось, администрация предприятия отказывала им в расчете, чтобы удержать [14, с. 168]. По всей крупной промышленности рабочий в среднем оставался на одном предприятии около года, затем переходил на другое производство, нередко даже в другую отрасль.

Непрерывный рост занятости характерен для всего периода нэпа. Параллельно с возвращением кадровых рабочих в производство вовлекалась городская молодежь, достигшая трудоспособного возраста. Однако в большей степени спрос на рабочую силу удовлетворялся за счет детей крестьян. Еще в конце 1950-х гг. Л.С. Рогачевская на основе изученных данных о работе бирж труда так охарактеризовала источники пополнения рабочего класса: 34 % посланных в 1926 г. на заводы и фабрики рабочих были выходцами из деревни (удельный вес этой группы был выше в провинции, особенно на Урале, – местами более 50 %). В целом же исследователь определяла долю крестьян среди «новых» рабочих, влившихся в промышленность в 1926–1927 гг., в 40 % [15, с. 56]. Если в 1921–1925 гг. цензовая промышленность страны ежегодно вбирала в себя по 200–300 тыс. «новых» рабочих, то за следующие 14 лет, с 1926 по 1939 г., из села в город переселилось 18,5 млн человек [16, с. 229].

Впрочем, исследования текстильного производства, проведенные О.И. Шкартаном и К. Уордом, опровергают традиционный стереотип о преобладании выходцев из деревни. Напротив, согласно данным переписи рабочих и служащих, текстильная промышленность занимала в 1929 г. второе место после машиностроения по удельному весу кадровых рабочих [17, с. 26; 18]. Это подтверждают материалы исследования восьми хлопчатобумажных фабрик с общей численностью рабочих 50 тыс., проведенного в 1927–1928 гг. в связи с введением 7-часового рабочего дня: 71 % переведенных на укороченный рабочий день и уплотненную работу трудились по той же профессии и до перевода, «новых» рабочих было только 9 % [19, л. 74].

К «новым» рабочим в это время относились также бывшие городские мещане и представители интеллигенции, дети рабочих, молодежь, «старые» рабочие, покинувшие производство 10–12 лет назад. В целом считалось, что «новый» рабочий – тот, кто имеет производственный стаж не более 3–4 лет [20].

Насколько новички изменяли лицо рабочего класса? До сих пор в литературе на этот вопрос нет однозначного ответа [21, с. 73; 22, с. 336; 23; 24, с. 19–21].

Проблема «новых» рабочих актуализировалась в советской трудовой политике в середине 1920-х гг. Кампании по рационализации производства, режиму экономии, переходу на уплотненную работу при 7-часовом рабочем дне в конце этого десятилетия остро поставили вопрос о квалификации рабочих. Объясняя отсутствие желаемого повышения производительности труда, организаторы кампаний сваливали вину на изменение социального состава пролетариата в связи с приходом неквалифицированной деревенской молодежи, вносящей «рваческие тенденции и недисциплинированность» в рабочую среду: «Посудите сами, какое дело крестьянину до завода? Ему побольше бы получить, да коровенку в деревне купить, лошадку завести, домишко поправить, а на завод ему наплевать» [25, с. 65].

Конечно, не стоит идеализировать «новых» рабочих. Устремившийся из деревни миграционный поток, пополнявший тесные коммуналки и необустроенные городские окраины, привносил в рабочий класс настроения, отражавшие психологию оторванного от своих кор-



ней и потерявшего в городской обстановке человека. Новоиспеченные горожане составляли особую субкультуру: бывшие крестьяне держались в городе обособленно, работали артелями, селились общинами, воспроизводили в быту привычные крестьянские повседневные практики [26]. Всё это вызывало антипатию со стороны «потомственных горожан», которые связывали с мигрантами и всплеск безработицы, и обострение жилищного кризиса, и рост уличной преступности.

Немало проблем было связано с «новыми» рабочими и на производстве. Попав в заводскую среду, они оказывались в положении аутсайдеров из-за отсутствия квалификации и недостаточной грамотности. Большинство из них (80–90 %) поступали на заводы и фабрики чернорабочими, а значит, имели крайне низкие заработки, что вызывало недовольство. Например, на XXIII Ленинградской губернской партконференции (1926 г.) один из делегатов говорил, что «новые» рабочие «чувствуют себя на наших заводах, как продавцы рабочей силы. Они получают сравнительно низкую зарплату вследствие своей малой квалифицированности (а в городской жизни быстро развиваются потребности даже у выходцев из деревни) и чувствуют себя обойденными даже по сравнению со своими соседями по станку, рабочими высокой квалификации, получая в 2–3 раза меньше их. Благодаря этим настроениям вновь прибывшие на фабрику рабочие создают на наших заводах и фабриках понижающий тон, они, конечно, вызывают понижение активности участия рабочих в промышленном строительстве» [27, с. 85].

Новичкам было трудно адаптироваться в фабричной среде. Журнал «Охрана труда» в 1925 г. писал: «Современные условия промышленного труда сильно осложнились — усовершенствованная техника внесла большие улучшения в эти условия, но вместе с тем вызвала скученность работающих на небольшой площади. <...> Тяжелые условия промышленного труда сказались на утомлении организма вследствие чрезмерного напряжения, вредного влияния газов и паров, опасности механизмов и отдельных работ» [28]. Важно и то, что, как заметил С. Коткин, в условиях индустриализации «обучение навыкам труда стало гораздо большим, чем вопрос о замене циклического дере-

венского времени и сельскохозяйственного календаря 8-часовой сменой, 5-дневной рабочей неделей и 5-летним планом» [29, с. 256]. Власть пыталась привить «новым» рабочим ценности, которые противоречили их традиционной культуре и видению мира. Хотя культурные веяния, возникавшие за фабричными воротами, вторгались на фабрики, многое в практике набора, технике обучения и цеховой культуре в целом не менялось [23]. Один из участников Орехово-Зуевской рабочей конференции (1926 г.) отмечал, что «рабочий низшей категории должен ждать десятки лет, обливаясь на получающих высшую категорию» [30, л. 41].

«Новые» рабочие изменили облик пролетариата, однако это произошло не сразу. Пока на промышленных предприятиях доминировала традиционная цеховая культура, они были обузой, с трудом встраивались в заводскую иерархию, встречали негативное к себе отношение. Но во второй половине 1920-х гг. ситуация изменилась, и теперь уже «старые» рабочие стали тормозом для внедрения новых методов труда.

В 1920-х гг., когда политика в области заработной платы (особенно с 1924 г.) сводилась к периодическому снижению расценок, единственной возможностью вырваться из беспросветной нищеты было повышение профессионального уровня, увеличение индивидуальной выработки, исключавшее прогулы и перекуры, или выдвигенчество (вариант, связанный с общественно-политической активностью, работой в профсоюзной организации, вступлением в партию или комсомол и пр.). В этих условиях «новые» рабочие проявили бóльшую приспособляемость. Например, в 1926 г. на специальном совещании по вопросу о работе среди новых слоев рабочих в Ленинградском губкоме ВКП(б) выступавшие говорили о том, что процент прогулов выше у «старых» рабочих, которые «чувствуют себя на заводе крепче», «не боятся сокращения, так как цех в них нуждается. Что же касается „нового“ рабочего, то он старается особенно крепко держаться за производство, он меньше зарабатывает, ему нельзя много гулять, да и сокращения он боится больше, чем „старый“ рабочий». В случае конфликтов инициаторами выступают чаще «старые» рабочие. Новички более уважительно относятся к мастерам и другим представителям администрации [31, л. 9–12].

Опасность потерять место грозила мало-квалифицированным, не имеющим большого производственного стажа новичкам в большей степени, нежели кадровым рабочим, и особенно членам партии. Именно они, по некоторым данным, являлись нарушителями трудовой дисциплины и зачинщиками забастовок. Но, будучи «политическим авангардом», эти категории рабочих представляли собой «священную корову», покуситься на которую было невозможно, не разрушив основных идеологических постулатов большевизма. Поэтому все беды производства связывались с «новыми» рабочими, объявленными носителями «непролетарской психологии».

С другой стороны, у «новых» рабочих было большое преимущество по сравнению со старшим поколением: они не знали «капиталистического гнета, дореволюционной пролетарской выучки», не имели опыта работы в старом режиме и были более восприимчивы к нововведениям технического и организационного характера. Если «старые» рабочие могли заявить, что советская власть эксплуатирует их хуже бывших хозяев, или отказаться работать на непривычном им конвейере, то заводская молодежь и вчерашние крестьяне были готовы трудиться в предлагаемых им обстоятельствах, а свое недовольство условиями и тяжестью труда выплескивать в распространенном в цехах и на городских улицах хулиганстве.

Именно в этой среде молодых, но относительно квалифицированных рабочих, которые занимали промежуточное положение между «старыми», потомственными, и «новыми» рабочими, выходцами из деревни, зародилось движение ударников. В 1920-х гг. они находились в непривилегированном положении,

подвергались определенной дискриминации в оплате труда и стремились улучшить свое социальное положение. Именно эти группы рабочих (в основном члены партии и комсомола) объединялись в ударные бригады для защиты своих интересов, начинали соревнование, требовали более высоких темпов индустриализации, готовы были терпеть «временные трудности» [32, с. 113–121].

Стремление молодых рабочих отстаивать собственные интересы, нежелание подчиняться старшим по возрасту подавлялись до тех пор, пока юношеский энтузиазм не потребовался для того, чтобы сломать традиционную цеховую культуру во имя форсированной индустриализации. До этого в официальном дискурсе был распространен тезис о том, что молодые рабочие трудятся спустя рукава: «Что им завод? – каторга, где заставляют работать, потому что многие из них вообще до этого нигде не работали» [25, с. 65]. Но с началом 1-й пятилетки (1928–1932) власть сделала ставку на заводскую молодежь, ее энтузиазм, безбывность, готовность к работе в новых условиях конвейерной системы.

Таким образом, «новые» рабочие представляли собой дискриминируемую группу в рамках традиционной цеховой культуры, в которой переход от одного статуса к другому был длительным и трудным. Но в ходе реализации советского индустриального проекта эта культура была сломана.

Изучение сложного процесса адаптации «новых» рабочих к производственным процессам на фабрике, к городской жизни, к новым социальным отношениям позволяет понять механизм трансформации стиля индустриального труда, формирования нового типа рабочего, характерного для эпохи первых пятилеток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерева Л.Н. Стекольные заводы Удмуртии в 1920-е годы: организация производства и повседневные практики рабочих // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 12. История. Вып. 31. С. 50–55.
2. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 239 с.
3. Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005. 343 с.

4. Лютов Л.Н. Власть и общество в годы нэпа (1922–1929) через призму настроений провинции (на материалах Симбирско-Ульяновского Поволжья). Ульяновск: Изд-во А.В. Качалина, 2010. 448 с.
5. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб.: Европейский дом, 2006. 570 с.
6. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.



7. Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М.: РОССПЭН, 2013. 783 с.
8. Офицерова Н.В. Советский индустриальный проект: политические субъекты и акторы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. 2016. № 3. С. 30–34.
9. Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.
10. Грегорн П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
11. Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 357 с.
12. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классово-принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.
13. Соколов А.К. «Особое напряжение»: кадры советского военпрома в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Социальная история. 2007. М.: РОССПЭН, 2007. С. 219–258.
14. Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК – ОГПУ. М.: Наука, 2009. 479 с.
15. Рогачевская Л.С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926–1927 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 255 с.
16. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1. 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
17. Шкаратан О.И. Изменения в социальной структуре рабочего класса СССР. 1917–1965 гг. (историко-социологическое исследование). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 40 с.
18. Ward C. Russia's Cotton Workers & the New Economic Policy. Cambridge, 1990. 322 p.
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7058. Оп. 1. Д. 38.
20. Беренделин П. О новых слоях рабочего класса // Под знаменем коммунизма. 1927. № 2. С. 70–71.
21. Деревнина Л.И. Рабочие Ленинграда в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925 гг.: численность, состав и материальное положение. Л.: Наука, 1981. 192 с.
22. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.
23. Hoffmann D.L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1994. 282 p.
24. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
25. Жига И. Новые рабочие. М.; Л.: Моск. рабочий, 1928. 160 с.
26. Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 480 с.
27. Стенографический отчет XXIII чрезвычайной конференции Ленинградской губернской организации ВКП(б). 10–12 февраля 1926 г. Л.: Прибой, 1926. 120 с.
28. Шевалев Н.А. Что такое техника безопасности // Охрана труда. 1925. № 1. С. 3.
29. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2001. С. 250–328.
30. Российский государственный архив социально-политической документации. Ф. 17. Оп. 60. Д. 827.
31. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16. Оп. 1. Д. 209.
32. Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge Univ. Press, 1988. 384 p.

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: sbulyan@yandex.ru

S.B. Ulyanova

WORKFORCE IN THE SOVIET INDUSTRIAL PROJECT (THE SECOND HALF OF 1920S – EARLY 1930S)

The paper dwells on the problem of personal support of the Soviet industrial project in the 1920s – early 1930s. The author analyzes the process of industrial transformation in the structure of employment and corresponding changes in the composition of the working class. The author draws attention to the adaptation of “old” and “new” workers to specialized, equipped, mechanized work places, to new – ranked and regulated – industrial work style. The author concludes that during the period under review newcomers began to play a key role in factory communities because of successful adaptation to a more intensive mode of labour and a certain destruction of traditional workshop culture.

SOVIET SOCIETY; FACTORY COMMUNITY; INDUSTRIALIZATION; “NEW WORKERS”;
WORKSHOP CULTURE.

REFERENCES

1. Bekhtereva L.N. Stekol'nyye zavody Udmurtii v 1920-ye gody: organizatsiya proizvodstva i povsednevnyye praktiki rabochikh. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo univ.*, 2009, no. 12. Istoriya. Iss. 31, pp. 50–55. (In Russ.)
2. Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu. “Krepost' sotsializma”: povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 239 p. (In Russ.)
3. Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2005. 343 p.
4. Lyutov L.N. Vlast' i obshchestvo v gody nepa (1922–1929) cherez prizmu nastroyeniy provintsiy (na materialakh Simbirsko-Ulyanovskogo Povolzhya). Ulyanovsk, A.V. Kachalin Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
5. Yarov S.V. Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-kh gg. St. Petersburg, Yevropejskiy dom Publ., 2006. 570 p. (In Russ.)
6. Livshin A.Ya. Nastroyeniya i politicheskiye emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 344 p. (In Russ.)
7. Neutatz D. Moskovskoye metro: ot pervykh planov do velikoy stroyki stalinizma (1897–1935). Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 783 p. (In Russ.)
8. Ofitserova N.V. Sovetskiy industrial'nyy proyekt: politicheskiye subyekty i aktory. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo univ.* Ser. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki, 2016, no. 3, pp. 30–34. (In Russ.)
9. Samuelson L. Tankograd: sekrety russkogo tyala, 1917–1953. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 375 p. (In Russ.)
10. Gregory P. Politicheskaya ekonomiya stalinizma. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 400 p. (In Russ.)
11. Goldman V. Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernyye otnosheniya v sovetskoj industrii (1917–1937 gg.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 357 p.
12. Fitzpatrick Sh. Klassy i problemy klassovoy pri-nadlezhnosti v Sovetskoj Rossii 20-kh gg. *Voprosy istorii*, 1990, no. 8, pp. 16–31. (In Russ.)
13. Sokolov A.K. “Osoboye napryazheniye”: kadry sovetskogo voyenproma v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh godov. *Sotsial'naya istoriya*, 2007. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. Pp. 219–258. (In Russ.)
14. Kolodnikova L.P. Sovetskoye obshchestvo 20-kh godov XX veka: po dokumentam VChK – OGPU. Moscow, Nauka Publ., 2009. 479 p. (In Russ.)
15. Rogachevskaya L.S. Iz istorii rabochego klassa SSSR v pervyye gody industrializatsii. 1926–1927 gg. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 255 p. (In Russ.)
16. Naseleniye Rossii v XX veke: istoricheskiye ocherki. In 3 vol. Of vol. 1. 1900–1939. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 463 p. (In Russ.)
17. Shkaratan O.I. Izmeneniya v sotsial'noy strukture rabochego klassa SSSR. 1917–1965 gg. (istoriko-sotsiologicheskoye issledovaniye). Leningrad, LGU Publ., 1968. 40 p. (In Russ.)
18. Ward C. Russia's Cotton Workers & the New Economic Policy. Cambridge, 1990. 322 p.
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii. F. 7058. Op. 1. D. 38.
20. Berendelin P. O novykh sloyakh rabochego klas-sa. *Pod znamenem kommunizma*, 1927, no. 2, pp. 70–71. (In Russ.)
21. Derevnina L.I. Rabochiye Leningrada v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva. 1921–1925 gg.: Chislennost', sostav i material'noye polozheniye. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 192 p. (In Russ.)



22. Cohen S. Bukharin. Politicheskaya biografiya. 1888–1938. Moscow, Progress Publ., 1988. 574 p. (In Russ.)
23. Hoffmann D.L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Cornell Univ. Press, 1994. 282 p.
24. Fitspatrik Sh. Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
25. Zhiga I. Novyye rabochiye. Moscow, Leningrad, Moskovskiy Rabochiy Publ., 1928. 160 p. (In Russ.)
26. Normy i tsennosti povsednevnoy zhizni: stanovleniye sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-ye gody. St. Petersburg, Zhurnal "Neva" Publ., 2000. 480 p. (In Russ.)
27. Stenograficheskiy otchet XXIII chrezvychaynoy konferentsii Leningradskoy gubernskoy organizatsii VKP(b). 10–12 fevralya 1926 g. Leningrad, Priboy Publ., 1926. 120 p. (In Russ.)
28. Shevalev N.A. Chto takoye tekhnika bezopasnosti. *Okhrana truda*, 1925, no. 1, p. 3. (In Russ.)
29. Kotkin S. Govorit' po-bolshevistski. *Amerikanskaya rusistika*. Samara, Samarskiy univ. Publ., 2001. Pp. 250–328. (In Russ.)
30. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy dokumentatsii. F. 17. Op. 60. D. 827.
31. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 1. D. 209.
32. Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge Univ. Press, 1988. 384 p.

ULYANOVA Svetlana B. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: sbulyan@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.3
УДК 37.031.4+94(47).083

Д.С. Лозовская

ВОПРОСЫ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всесторонне изучить проблемы политехнического образования в России в начале XX в. Методологическую основу статьи составляет принцип научной объективности при работе с источниками, исключая влияние конъюнктуры при анализе и интерпретации эмпирических данных. Сравнительно-исторический, формально-логический и структурно-функциональный методы, наряду с описательным, позволили систематизировать значительный объем фактической информации, выявить основные тенденции думских дискуссий. Проанализированы некоторые архивные документы, связанные с деятельностью Государственной думы Российской империи. Раскрыты подходы к политехническому образованию со стороны представителей различных политических партий. Показаны основные направления дискуссий, касавшихся перспектив развития отечественной политехнической школы. Выявлены проблемы, мешавшие ее развитию, в том числе недооценка важности политехнического образования. Рассмотренные архивные материалы вводятся в научный оборот впервые. Они дополняют и развивают наше представление об отечественной политехнической школе в начале XX в. Автор статьи приходит к выводу, что реформа политехнического образования в России стала наиболее насущной после начала Первой мировой войны. Планы строительства системы политехнических школ в России так и не были осуществлены. Из-за недостаточного количества инженерно-технических специалистов российская экономика не смогла в полной мере выполнить все оборонные задачи. Материалы статьи могут использоваться для изучения истории реформ в высшей политехнической школе.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ; ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА;
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; РЕФОРМА.**

Наличие в стране достаточного количества собственных инженерно-технических кадров является одним из слагаемых ее безопасности. В России высшее техническое образование пытались создать еще во времена Петра I, в начале XVIII в., однако значительная часть инженеров Российской империи всё же получали свое образование за границей, поскольку это считалось и более престижным, и менее затратным. До середины XIX в. среднее техническое образование в нашей стране фактически отсутствовало. Первое такое училище было открыто лишь в 1869 г. в Санкт-Петербурге. Недостаток квалифицированных кадров стал тормозом развития промышленности.

Из чуть более 10 лет работы четырех созывов Государственной думы Российской империи (1906–1917) на относительно мирное вре-

мя приходится около 8 лет: с 1907 (окончание Первой русской революции) по 1914 г. (начало Первой мировой войны). Наличие в России в это время законодательного органа народного представительства говорит о том, что парламент стал по сути одной из ветвей власти.

Успешность реформ, проводившихся в начальный период третьиюньской монархии (1907–1915), в значительной степени зависела от правительства П.А. Столыпина и поддерживавших его в Думе октябристов, членов Союза 17 октября. Разумеется, Столыпин не был либералом, более того, он говорил о том, что западноевропейский либерализм следует считать «чужеродным цветком» на дереве вековой русской государственности [См.: 1, с. 12]. Тем не менее Столыпин, как глава правительства, в полной мере осознавал необходимость серь-



езных перемен в политическом и социальном устройстве Российской империи.

Идеи П.А. Столыпина можно отнести к умеренно-конституционным. Он был готов пойти на укрепление в законодательном порядке гражданских прав и свобод, постепенное разделение властей, демократизацию земской избирательной системы, обновление и расширение местного самоуправления, защиту частного интереса посредством проведения судебной реформы [1, с. 12].

С началом работы III Государственной думы (1907–1912) фракция кадетов продемонстрировала готовность сотрудничества с октябристами. По убеждению П.Н. Милюкова, можно было оказывать поддержку правительственным законопроектам, не расходившимся с программой партии. Следует отметить, что завершающая часть действовавшей программы Конституционно-демократической партии была посвящена проблемам просвещения (пп. 50–57). К сфере организации в России политехнического образования можно отнести пункт 51 «Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения; свобода преподавания» и, безусловно, пункт 57 «Развитие профессионального образования» [2, с. 48].

Из-за своей малочисленности фракция кадетов в III Государственной думе могла только вносить на рассмотрение палаты законопроекты, без особых шансов добиться решения о принятии соответствующих законов. Следовательно, ни один из этих законопроектов без одобрения октябристов не мог быть даже обсужден на пленарном заседании.

Важную, а иногда и решающую роль в повседневной работе Думы играли комиссии — постоянные и временные, где происходило предварительное обсуждение всех поступающих в нее законопроектов и законодательных предположений, выдвинутых депутатами.

Комиссия по народному образованию называлась временной, но, несмотря на свое название, она действовала на постоянной основе. Финансирование, программы и внутренний распорядок университетов и гимназий, реальных училищ и начальных школ — вот некоторые из вопросов, рассматривавшихся членами комиссии. Во время работы IV Государственной думы (1912–1917) в деятельности этой комис-

сии принимал активное участие В.В. Милютин, сторонник развития политехнического образования в России.

В.В. Милютин родился 21 июля 1873 г. В 1895 г. окончил Санкт-Петербургский технологический институт и получил специальность инженера-технолога. В 1911–1916 гг. работал в должности управляющего городским водопроводом в Санкт-Петербурге. Занимался научной и педагогической деятельностью: публиковал в газетах и журналах свои статьи, преподавал специальные предметы в Охтенском механико-техническом ремесленном училище в Санкт-Петербурге. 20 октября 1912 г. В.В. Милютин был избран в IV Государственную думу от Новгородской губернии. Он осознавал важность реформ для страны, но к активным оппозиционерам, конечно, не относился — входил в Союз 17 октября. В Думе стал членом нескольких комиссий: о путях сообщения (с 1-й сессии, секретарь), по народному образованию, по военным и морским делам, по рабочему вопросу, для рассмотрения законопроекта о шлюзовании порожистой части реки Днепр, бюджетной. Участвовал в обсуждении законопроекта о профессиональном образовании (в мае 1916 г.) [3, с. 375–376].

Милютин входил в состав Постоянной комиссии по техническому образованию, которую в начале XX в. возглавлял известный деятель профессионального образования в России А.Г. Неболсин.

Императорское Русское техническое общество (ИРТО) (1866–1929) с самого начала своей деятельности занималось развитием науки, техники и промышленности в России. С 1868 г. при ИРТО была учреждена Постоянная учебная комиссия по техническому и профессиональному обучению [4]. Вопросы политехнического образования трактовались членами этой комиссии достаточно широко: здесь было и стремление дать рабочим-подросткам образование, которое будет в состоянии обеспечивать их хорошей высокооплачиваемой работой, и опасение из-за засилья в этой системе немецких специалистов, и искреннее желание укрепить конкурентоспособность российской экономики.

К началу XX столетия ИРТО ежегодно тратило на свои технические училища и рабочие школы не менее 100 тыс. рублей. Половину от этой суммы составляли членские взносы

частных лиц и коммерческих организаций, поддерживавших деятельность этого общества, еще четверть — пожертвования крупнейших государственных заводов, которым требовалась подготовка квалифицированных рабочих, оставшуюся четверть вносило Министерство просвещения [4]. Первая мировая война с самого начала убедительно показала, что в новых условиях ведения боевых действий не только отвага солдата или талант его командира являются факторами победы. Военная техника, военная промышленность, хорошо подготовленные технические кадры играли теперь не менее, а часто даже более важную роль.

Чрезвычайная однодневная сессия Государственной думы и Государственного совета, состоявшаяся 26 июля 1914 г. и посвященная выделению военных кредитов в связи с острым политическим кризисом, предшествовавшим Первой мировой войне, продемонстрировала их полное единение с властью. Начавшаяся 28 июля 1914 г. война против Германии и ее союзников была объявлена в России «великой и народной». В газетах того времени крупно выделялись слова: «Отечественная война 1914 года», т. е. проводилась параллель с Отечественной войной 1812 г.

Нижняя палата российского парламента стала центром притяжения и поиска консолидации различных политических, экономических и национальных сил [5, с. 7]. Дума поддерживала инициативы общественных и благотворительных организаций, сотрудничала с активом Союза земств и городов (Земгор), военно-промышленными комитетами, предлагала власти реальные проекты неотложных реформ. Многие думцы были готовы взять на себя всю полноту ответственности за будущее страны и во время, и после войны. При этом Государственная дума не могла собираться регулярно. Исполнительная власть была вынуждена прибегать к чрезвычайно-указному праву.

Лидер кадетской партии П.Н. Милюков отмечал, что в эти дни в Думе, как и повсюду в стране, был взрыв национального чувства, чувства здорового патриотизма: «В этой борьбе мы все заодно, мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника...

Мы боремся за освобождение Европы и славянства от германской угрозы. В этой борьбе

мы едины... Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить нашу страну единой и неразделенной. Отложим внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия» [6, с. 25].

Это был достаточно крутой поворот для партии кадетов. 26 апреля в Думе кадетская фракция проголосовала против кредитов на большую военную программу, направленную на быстрое, до 1918 г., преодоление военно-технического превосходства Германии (в тяжелой артиллерии и т. д.). В новых условиях — условиях войны взаимоотношения Думы, правительства и монарха получили название «Священное единение».

Таким образом, несмотря на эйфорию и веру в скорую победу, которая присутствовала в первые месяцы войны, большинство думцев в целом осознавали, что без подготовленных квалифицированных отечественных инженерно-технических кадров выиграть это вооруженное противостояние с промышленно развитой Германией и ее союзниками будет нелегко.

Надежды на успешную реформу политехнической школы значительно возросли после того, как пост министра народного просвещения Российской империи в январе 1915 г. занял П.Н. Игнатъев. Этот человек придерживался достаточно либеральных взглядов, поэтому был весьма популярен среди интеллигенции, в общественных и интеллектуальных кругах. Игнатъев уделял большое внимание соответствию среднего образования потребностям общества и интересам экономики, особенно в условиях войны, признавал необходимой преемственность программ средней школы и последующих этапов профессиональной подготовки. Кстати, это было одним из программных требований кадетской партии (п. 52): «Между различными ступенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от низшей ступени к высшей» [2, с. 48].

П.Н. Игнатъев предложил в школе вводить уроки труда как средство воспитания, а не профессиональной ориентации учащихся. Его идеи встретили поддержку, в том числе и со стороны членов Комиссии по техническому образованию.

В.В. Милютин, узнав, что ему предстоит встреча с чиновниками, отвечавшими за орга-



низацию учебного процесса, в своем письме выразил благодарность лично министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву «за возможность познакомиться с господами попечителями учебных округов» [7, л. 13].

Состоялось несколько таких встреч. Милютин писал: «Для меня было приятно с ними познакомиться и обменяться мнениями по интересующему меня вопросу о профессиональном образовании. Собеседование носило большей частью характер частных разговоров то с одним, то с другим из попечителей.

Однако была и общая беседа, в которой затрагивались вопросы общего образования: выяснялась возможность децентрализации округов, уменьшения бумажных сношений...» [Там же].

Встреча думца-инженера с работниками образования преследовала несколько целей. В.В. Милютин отмечал, что «характер этой беседы был — искреннее желание всех присутствующих помочь новому министру в его стремлении оживить Министерство народного просвещения, избавить его от канцелярщины, приблизить к обществу и требованиям современной жизни» [Там же].

Подобный оптимизм во многом был связан с тем, что Министерство народного просвещения Российской империи с 1910 по 1914 г. возглавлял Л. Кассо — убежденный консерватор и ретроград, считавший любые реформы в высшей и средней школе не только лишними, но и опасными. Он всячески стремился ограничить либеральные уступки, сделанные в годы революции 1905—1907 гг. Действия Кассо были противозаконны, он увольнял либеральную профессуру и практиковал массовые отчисления студентов, заподозренных в политической неблагонадежности. В воспоминаниях А. Валентинова имеется следующая примечательная реплика одного петербургского студента, относящаяся к 1911 г.: «В университет я не хожу... Нечего там делать... Эта сволочь, Кассо, разогнала всех порядочных людей... Скучно, серо...» [Цит. по: 8, с. 76].

Таким образом, новый министр рассматривался (во многом совершенно справедливо) как сторонник реформ, в том числе и в сфере профессионального образования. Но неправильно считать, что в решении этого вопроса всё зависело от государства. В.В. Милютин признавал следующее: «По профессиональному образованию

меня очень заинтересовало указание некоторых из попечителей, что многие земства в ответ на обращенную к ним просьбу — составить план насаждения профессионального образования — отозвались очень холодно и равнодушно и ничего почти не представили по этому вопросу» [7, л. 13].

На местах иногда встречалась недооценка важности политехнического образования, имелись случаи недоверия к Министерству народного просвещения. Милютин признавал, что он «со своей стороны, указал на те причины, которые могли создать такое отношение в земствах, притом и не во всех... Новгородское земство представило такой план, и он до сих пор министерством не начат даже приводиться в исполнение» [Там же].

Можно назвать еще одну важную причину, которая мешала развитию политехнического образования в России. Это недостаточность финансирования. Власть привыкла, что часть денег поступает от заинтересованных лиц: промышленников и предпринимателей, инженерного сообщества, но в условиях войны количество спонсоров сократилось. Поэтому вполне можно согласиться с В.В. Милютиным, который писал об этом: «Я считаю, что земство, зная, с каким трудом и через сколько времени получается разрешение на открытие по его ходатайству какой-либо профессиональной школы, не могло поверить, что сеть профессиональных учебных заведений, если бы она была им разработана, получила бы скорое осуществление и ведомство, до последнего времени столь экономное в расходовании им средств, дало бы для этого нужные средства, и сочло, что ему придется содержать эту сеть профессиональных школ на свои собственные средства» [Там же. Л. 13—13 об.].

Следует отметить, что деятельность земств по распространению профессионального и специального образования очень долго связывалась с двумя противоположными друг другу течениями, тесно соединяющими ее с земской деятельностью по развитию общеобразовательных школ [9, с. 153].

Первое течение заключалось в стремлении профессионализировать начальную народную школу. Его сторонники считали одной из задач школы распространение не только общего, но и профессиональных знаний. Вопросы о распространении через народную школу ремесленных и, в особенности, сельскохозяйственных зна-

ний обсуждались в конце XIX в. многими земствами, но практические результаты оказались весьма скромными и часто сводились лишь к устройству при народных школах садов. В конце 1890-х гг. всеобщее признание получил принцип, что народная школа должна быть исключительно общеобразовательной и что всякий «профессиональный уклон» является прямым нарушением ее действительных задач.

Второе течение в образовательной деятельности земства было тесно связано с общей школой. Его представители считали, что вначале нужно решить все имеющиеся проблемы в организации начального образования. Слабость и недостаточность существовавших общеобразовательных школ являлись фактором, в значительной степени влиявшим на организацию земствами профессиональных школ. Не хватало материальных средств и квалифицированных учительских кадров для того, чтобы вести все общеобразовательные предметы на должном уровне.

Профессиональных земских школ насчитывалось немного. Они были в основном сельскохозяйственными, но встречались и фельдшерские, акушерские, мореходные, торговые [9, с. 158–159]. Нескольким земствам (особенно Вятскому и Московскому) удалось достичь хороших результатов в деле совершенствования техники местных кустарей путем создания учебно-показательных мастерских – своеобразных учреждений, представлявших результат самостоятельного земского творчества.

Однако для экономики страны этого было крайне недостаточно. В.И. Чарнолуский в своей книге «Земство и народное образование» (1910) признавал, что «дело распространения технического образования не получило еще детальной, планомерной разработки; не выработалось еще также и определенной системы взаимоотношений в этой области между губернскими и уездными земствами» [Там же. С. 157].

Вопрос среднего специального образования во многом зависел как от финансовых возможностей земств, так и от конкретных потребностей каждой губернии: «существует большое разнообразие и в отношении характера профессиональных школ, содержимых земствами: одни земства обращают больше внимания на сельскохозяйственное образование, другие – на ремесленное и т. д.» [Там же. С. 159].

Главное достоинство земской профессиональной школы заключалось в том, что она была доступна каждому, в том числе и малоимущим группам населения. Все заинтересованные в развитии политехнического образования в России с удовлетворением отмечали, что «в построении своих собственных профессиональных школ земства, в общем, проводят тот же принцип бесплатности обучения, какой положен ими в основу ядра земской просветительской организации – земской народной школы» [Там же. С. 160].

Кроме дефицита средств, отсутствия необходимого количества специалистов, развитию политехнического образования в России мешала излишняя консервативность общества. Большинство населения страны составляли крестьяне, считавшие, что их главной проблемой является недостаток земли. Сельские жители часто даже к сельскохозяйственным школам относились с некоторым пренебрежением. Уход же в город, на завод, часто рассматривался как некий вынужденный поступок, совершенный от безысходности. Пропагандисты политехнического образования полностью осознавали эту проблему: «*Средств на это нет, да и польза школьного ремесленного образования, за малочисленностью профессиональных школ, не вполне ясна еще всему населению, и оно не отпустит тех нужных средств, которые необходимы на первоначальную постройку и оборудование этих школ, и земство потому не решилось затрачивать силы и время на выработку такой сети профессиональных школ. К тому же большинство земств не обладает теми специалистами, которые могли бы такую сеть разработать*» [7, л. 13].

Еще одной причиной, которая заметно влияла на самую многочисленную категорию населения Российской империи, крестьянство, являлась столыпинская аграрная реформа. Возможность получения необходимой профессии должна была предотвратить люмпенизацию части сельского населения: «*Имея же в виду заканчивающееся уже расселение крестьян на хутора и отруба и предстоящее запрещение дробить земельные участки меньше установленной величины, приходится спешить с созданием условий, которые могли бы давать остальным членам семьи, без земли, найти выгодный для себя и государства заработок*» [Там же. Л. 14]. Вывод из этой ситуации делался следующий: «*Таким*



заработком только и может быть ремесло, кустарные промыслы, и потому скорейшее создание школ для ремесленников и кустарей, а также и для нашей крупной промышленности является самой неотложной задачей не одного ведомства народного просвещения, но и всего объединенного правительства и всего общества» [7, л. 14].

Важность кадрового наполнения отечественной промышленности со всей убедительностью показал ход начавшейся Первой мировой войны. После поездки по стране В.В. Милютин отметил, что ему «было приятно услышать, что все попечители сочувствуют стремлению Министерства народного просвещения по развитию в России профессионального образования.

Так как если и говорить об уничтожении засылки немцев, то это засилье сильнее всего выражается в нашей технико-промышленной жизни, в ее отсталости. Борьба со всеми этими причинами должна вестись не запретительными циркулярами — обход их всегда возможен, а созданием в России собственной технической промышленности» [Там же. Л. 13].

Но по-прежнему очень болезненно стоял вопрос финансирования реформы в сфере профессионализации средней и высшей школы. С одной стороны, реалии войны насущно требовали получения быстрого и эффективного результата, с другой же — было совершенно понятно, что новые технические учебные заведения смогут выпустить квалифицированные кадры только через несколько лет. В.В. Милютин призывал к максимальной консолидации всех сил, средств и возможностей: «*Министерство, по-видимому, очень серьезно думает над этим вопросом, и я думаю, что, когда земское население увидит делаемые им шаги и их пользу для населения, оно пойдет на широких размерах и денежными ассигнованиями, и своей инициативой навстречу министерским начинаниям в деле насаждения повсеместно профессионального образования» [Там же].*

Подготовка необходимого числа инженеров в России в значительной степени осложнялась недостаточным количеством средних учебных заведений (классических гимназий и реальных училищ) в стране. А ведь только их выпускники имели право поступления в вузы. Не всё было просто и с планируемым созданием профессионально-технических училищ. Ведь в большинстве рабочих семей подросток рассматривал-

ся как потенциальный работник. Требовалось сделать так, чтобы лишние годы обучения не становились непосильной обузой для родителей. Поэтому и была «высказана еще мысль, что часто крестьянин или рабочий легче отдаст сына в мастерскую учеником, чем в ремесленную школу, так как в первой его содержит, кормит, поит и одевает хозяин, а в последних всё это должна, но не в силах делать семья. Только установлением большого количества стипендий можно достигнуть облегчения для семьи создавать из своих детей ремесленников» [Там же. Л. 14].

Кроме денег, для успешного проведения реформы не хватало и специалистов, не только преподавателей специальных дисциплин, но и организаторов самого учебного процесса. На совещании, где присутствовал В.В. Милютин, в этом отношении было предложено следующее: «*Одной из начальных мер... явилось бы, как это было высказано некоторыми из попечителей и поддержано остальными, создание при округах по одному особому окружному инспектору-специалисту, в ведении которого находились бы все профессиональные училища округа, а также создание инструкторов для руководства различными отраслями профессиональных умений» [Там же. Л. 13 об.].*

Одним из активных сторонников политехнизации образования в России был и депутат Государственной думы третьего и четвертого созывов (1907–1917) от Казанской губернии, бывший приват-доцент Казанского университета И.В. Годнев. Говоря о насущных проблемах, возникших в стране после начала войны, он рассуждал о послевоенном мире, о том, какой Россия выйдет из войны. По мнению Годнева, это будущее зависит и от уровня экономического развития страны, и от того, сумеет ли власть изменить образ жизни народа. Выступая докладчиком бюджетной комиссии по росписи кредитов на 1916 г., он утверждал, что будущее России во многом зависит от того, насколько правильно будет организовано Министерство торговли и промышленности и какие у него будут полномочия, предложил программу действий данного министерства, включавшую в себя в том числе и «развитие высшего профессионального технического, коммерческого и ремесленного образования» [5, с. 54].

В.В. Милютин полностью разделял это мнение. Обращаясь к опыту европейской исто-

рии, он напоминал, что «промышленность эта может быть создана только при посредстве и через профессиональную школу. Надо помнить, что если Германия и победила Францию при помощи своего народного училища, то в настоящее время она только потому пока и может бороться с союзниками, что ее профессиональная школа создала и поставила ее промышленность на ту высоту, при которой ее технические средства оказываются очень сильными» [7, л. 13 об.].

К сожалению, все эти планы строительства системы политехнических школ в России так и не были осуществлены. Косность правительства и катастрофический недостаток времени не позволили сделать это. Уже после Октябрьской революции 1917 г. большевики через систему борьбы с неграмотностью, рабфаки и фабрично-заводские училища смогли значительно увеличить количество профессиональных инженерно-технических работников в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголевский А.В., Ковалев Б.Н. Русский конституционализм в период думской монархии. М.: Гардарики, 2003. 492 с.
2. Программы главнейших русских партий М.: Б-ка свободного народа, 1917. 64 с.
3. Государственная дума Российской империи 1906–1917: энцикл. / ред. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
4. Вольнец А. Комиссия РТО по техническому образованию. URL: <http://rusplt.ru/sdelano-russkimi/komissiya-rto-po-tehnicheskomu-obrazovaniiyu-20256.html> (дата обращения: 05.03.2016).
5. Первая мировая война и Государственная дума Российской империи. Материалы международной научной конференции. М.: Изд-во Гос. думы, 2015. 240 с.
6. Государственная дума, IV созыв: стенограф. отчет заседания от 26 июля 1914 г. СПб.: Гос. тип., 1914. 45 с.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 975. Оп. 1. Д. 8628.
8. Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Тр. науч. конф. студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М.: Изд-во МГУ, 1999. 181 с.
9. Чарнолуский В.И. Земство и народное образование. Ч. 1. СПб.: Изд-во Т-ва «Знание», 1910. 187 с.

ЛОЗОВСКАЯ Дарья Станиславовна – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: dasha.lozovskaya@gmail.com

D.S. Lozovskaya

ISSUES OF POLYTECHNIC EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The relevance of this study is due to the need to thoroughly study the issues of polytechnic education in Russia at the beginning of the 20th century. The methodological basis of the article is the principle of scientific objectivity when dealing with sources, excluding the impact of conditions on the analysis and interpretation



of empirical data. Comparative-historical, formal-logical and structural and functional methods, along with a descriptive one, allowed the author to organize a considerable amount of factual information and identify the main sentiments in the Duma debate. The archival documents of the State Duma of the Russian Empire are analyzed in the article. Different approaches to polytechnic education by representatives of the political parties are disclosed. The basic course of discussions about the prospects of development of the national polytechnic school is shown. The problems hindering its development including the underestimation of the importance of polytechnic education are revealed. The archival materials presented in the article are first introduced into scientific use. They complement and develop our understanding of the national polytechnic school at the beginning of the 20th century. The reform of polytechnic education in Russia became the most urgent after the First World War. Plans to build a polytechnic school system in Russia were not implemented. Therefore, the Russian economy was not able to fully perform all tasks in the defense due to the lack of engineers and technicians. The material presented in the article can be used for studying the history of reforms of Higher Polytechnic School.

STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE; THE FIRST WORLD WAR; POLYTECHNIC EDUCATION; REFORM.

REFERENCES

1. Gogolevskiy A.V., Kovalev B.N. *Russkiy konstitutsionalizm v period dumskoy monarhii* [Russian constitutionalism during the parliamentary monarchy]. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 492 p. (In Russ.)
2. *Programmy glavneyshikh russkikh partiy* [Programs of the most important Russian parties]. Moscow, Free people library Publ., 1917. 64 p. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii 1906–1917* [The State Duma of the Russian Empire 1906–1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 735 p. (In Russ.)
4. Volynets A. *Komissiya RTO po tekhnicheskomu obrazovaniyu* [Board for Technical Education]. Available at: <http://rusplt.ru/sdelano-russkimi/komissiya-rto-po-tehnicheskomu-obrazovaniyu-20256.html> (accessed 03.05.2016).
5. *Pervaya mirovaya vojna i Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konf. [The First World War and the State Duma of the Russian Empire. Collection of articles of the Int. scientific conf.]. Moscow, Publishing house of the State Duma, 2015. 240 p. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennaya дума, IV sozyv. Stenograficheskiy otchet zasedaniya ot 26 iyulya 1914 g.* [The 4th State Duma: the verbatim record. Meeting of July 26, 1914]. St. Petersburg, Government Printing Office Publ., 1914. 45 p. (In Russ.)
7. [Russian State Historical Archives]. F. 975. Op. 1. D. 8628.
8. Romanov Ju.V. *Nauka i vlast': nasledie L.A. Kasso*. Trudy nauchnoy konf. studentov i aspirantov “Lomonosov-99”. Istoriya. [Science and Power: The Legacy of Kasso. Collection of articles of the scientific conference of students and graduate students “Lomonosov-99”. History]. Moscow, Moscow State Univ. Publ. House, 1999. 181 p. (In Russ.)
9. Charnoluskiy V.I. *Zemstvo i narodnoe obrazovanie* [Zemstvo and public education]. Pt. 1. St. Petersburg, The Publ. House of the Association “Knowledge”, 1910. 187 p. (In Russ.)

LOZOVSKAYA Dar'ya S. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: dasha.lozovskaya@gmail.com

DOI 10.5862/JHSS.255.4

УДК 94.47

Е.В. Прохорова

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВО-САНИТАРНОГО НАДЗОРА В ПЕТЕРБУРГЕ – ПЕТРОГРАДЕ – ЛЕНИНГРАДЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Статья посвящена проблемам становления и развития института торгово-санитарных врачей в первой трети XX в. в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Проанализировав доступные материалы, а также не публиковавшиеся ранее источники, автор статьи приходит к выводу, что, хотя в России сменился правящий режим, на протяжении всего рассматриваемого периода прослеживались внутреннее единство и преемственность системы торгово-санитарного контроля. Но в связи с тем, что организационно-правовые принципы пищевого надзора в нашей стране изначально были заложены неправильно, деятельность санитарно-продовольственных специалистов отличалась формализмом. Актуальность вопроса создания постоянно действующей службы контроля в сфере оборота пищевых продуктов обусловлена прежде всего тем, что сегодня продовольственная безопасность – одно из приоритетных направлений государственной экономической политики Российской Федерации.

ТОРГОВО-САНИТАРНЫЙ КОНТРОЛЬ; ПЕТРОГРАД; РЕФОРМА 1923 ГОДА; САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДОТДЕЛ; ПОЛНОМОЧИЯ; САНИТАРНЫЕ ОРГАНЫ.

В России сегодня уделяется особое внимание проблеме доброкачественности продуктов питания. 4 июля 2016 г. был подписан специальный документ – «Стратегия повышения качества пищевой продукции до 2030 г.», направленный на то, чтобы усовершенствовать нормативную базу и государственное регулирование в сфере обеспечения качества съестного [1]. Проект «Стратегии» был разработан Федеральной службой по надзору в области защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), сотрудники которой осуществляют санитарный надзор за местами изготовления, хранения и продажи пищевых продуктов.

Основы данной организации начали закладываться еще в конце XIX в.: в 1886 г. в Санкт-Петербурге городской думой была образована самостоятельная *Санитарная комиссия*, в обязанности которой входило главным образом проведение оздоровительных мероприятий, связанных с предупреждением и ликвидацией заразных болезней. Город был разделен на округа, находившиеся в ведении «окружных санитарных попечителей». Появились особые «домовые книги», в которых санитарные врачи

отмечали каждый случай инфекционного заболевания, зарегистрированного на вверенных им участках, а также описывали принятые ими меры. Специальная инструкция возложила на врачей не только проведение противоэпидемических мероприятий, но и ежемесячную отчетность об их проведении по установленной форме [2]. В ноябре 1891 г. в Петербурге открылась *городская лаборатория*, занимавшаяся мониторингом общегородского уровня инфекционных заболеваний и изучением качества съестной продукции, продаваемой на рынках города. Однако с учетом огромных объемов потребляемой столичными жителями провизии становилась понятной настоятельная потребность в организации системы всеохватного пищевого надзора. Поэтому в 1900 г. в дополнение к Санитарной инспекции был учрежден *Торгово-санитарный надзор*. Изначально на должность торгово-санитарных врачей было приглашено 12 человек [3], а сам институт находился в ведении Санитарной комиссии, связь с которой поддерживалась через вышеупомянутых «санитарных попечителей». Стоит отметить, что единой медико-санитарной системы в России вплоть до 1922 г. не существовало и далеко не



во всех городах действовал санитарно-пищевой контроль, однако на примере Петербурга можно проследить становление и развитие организации в целом.

Приступив к занятиям по контролю за пищевыми предприятиями, специалисты столкнулись с многочисленными трудностями. Изначально не было четко прописанной инструкции, ограничивающей круг их деятельности. Врачам вменялось в обязанность вести постоянное наблюдение за продовольствием в Петербурге, следить за его качеством, не допускать реализации испорченных и фальсифицированных продуктов. Осмотру подлежали все заведения, где могла изготавливаться, храниться и продаваться съестная продукция. Это предполагало постоянный контроль за рынками, базарами, магазинами, лавками, складами, трактирами, ресторанами, число которых увеличивалось с каждым годом. Несмотря на то что врачи имели право свободно посещать все вышеупомянутые места для осмотра и составления акта, если это было необходимо, на практике специалисты старались лишней раз не доводить до этого, поскольку санитарно-пищевому инспектору приходилось составлять протокол в присутствии полицейского чина, иначе документ считался недействительным. Если же протокол был правильно подписан, то карательные меры в виде штрафа в 5–10 рублей не пугали коммерсантов, готовых платить такие суммы, по мнению врачей, ежедневно [4, с. 178]. Санитарные врачи нуждались в расширении прав по привлечению торговцев к судебной ответственности и не раз поднимали данный вопрос на своих заседаниях. Но чаще всего недобросовестные продавцы оставались ненаказанными.

Еще одним недостатком сложившейся системы пищевого контроля стала нехватка докторов, максимальное количество которых в дореволюционное время составляло 20 человек. Их работа существенно осложнялась малым государственным финансированием. Доходило до того, что инспекторам приходилось просить дворников отвозить в городскую лабораторию пробы изъятых пищевых продуктов, вызывавших подозрение на недоброкачественность или имевших признаки фальсификации. Выделенных средств едва хватало на приобретение необходимого оборудования.

Положение дел с годами стало только ухудшаться: увеличилась в разы пищевая фальсификация, отсутствовал организованный и постоянный контроль за привозимой в Петербург съестной продукцией, так как ветеринарного надзора как постоянно действующей организации не существовало и пищевым специалистам приходилось выполнять и обязанности ветврачей. Кроме того, благоустройство базарных площадей и рынков находилось в удручающем состоянии, многие торговые помещения не отвечали самым простым санитарным требованиям того времени [5, с. 371–387].

Рассмотрение деятельности Торгово-санитарного надзора в переходный период (с 1917 по 1922 г., до окончания Гражданской войны) важно с той точки зрения, что именно в это время (в 1918 г.) появилась подробная инструкция для санитарно-пищевых врачей [6]. Теперь общее руководство их деятельностью возлагалось на *Санитарный подотдел Народного комиссариата здравоохранения РСФСР* (НКЗ), образованного в 1918 г. В 1919 г. было издано положение НКЗ о санитарно-эпидемиологических подотделах при губернских, городских и уездных здравоотделах, разделявшихся на отделения, одним из которых стало санитарное. В сферу его деятельности входили санитарная охрана воды, воздуха и почвы, пищевая санитария, участие в санохране труда и общие вопросы санитарного дела [7, с. 150–152].

Во главе каждого района города находился старший торгово-санитарный врач, являвшийся ответственным руководителем надзора на подведомственном участке. Он же был связующим звеном между санитарно-продовольственным контролем и Санитарным подотделом, с одной стороны, и районными отделами здравоохранения и районными компродами, с другой [8]. В круг обязанностей врачей в отношении торговых предприятий входили: а) постоянное наблюдение за тем, чтобы в продажу и в обращение среди населения не поступали какие-либо недоброкачественные или фальсифицированные съестные продукты и напитки; б) надзор за санитарным состоянием рынков, базаров, площадей, магазинов, лавок, трактиров и других заведений, занимавшихся приготовлением и продажей продуктов питания и питья; в) слежение за благоустройством жилых квартир при торговых помещениях. Важ-

но отметить, что инструкцией был предписан обязательный предупредительный надзор, состоящий из осмотра вновь открывающихся торговых заведений, где могла изготавливаться, храниться или отпускаться съестная продукция [8]. В случае отказа владельца торгового-промышленного заведения от исполнения законных требований врача или невыполнения этих требований в указанный срок санпродврач при участии понятых и администрации составлял протокол, который направлялся старшему специалисту, а тот, в свою очередь, обеспечивал делу дальнейшее движение, а также доводил до сведения Санитарного подотдела Горздравотдела.

Невзирая на централизацию санитарного дела в целом, организационные недочеты, свойственные Торгово-санитарному надзору в дореволюционный период, продолжали существовать. К имеющимся недостаткам добавились и новые. Отличительным признаком данного периода явилась несвоевременная и непостоянная отчетность специалистов о проделанной работе, хотя инструкцией торгового-санитарным врачам предписывалось предоставлять отчеты ежемесячно, не позже 5-го числа следующего месяца. Также сказалось на результате работы врачей плохое знание подконтрольных им районов. После закрытия базаров и рынков торговля переместилась в проулки и подворотни. Уследить за качеством отпускаемой с рук съестной продукции было практически невозможно. Поэтому санпродврачи сосредоточили свое внимание на проверке складов и столовых. В это время пищевые специалисты работали параллельно с инспекторами Ревизионной комиссии по продовольственным делам, которые также обследовали общественные точки питания, осматривали складские помещения и отмечали в своих докладах, какого рода и качества продукция хранилась там [9, л. 5–7]. Распределение обязанностей этих двух структур нигде не было прописано.

Прекращение военных действий и начало мирного строительства дали возможность приступить к планомерной организации в России санитарного дела. В 1921–1923 гг. руководство всеми санитарно-противоэпидемическими мероприятиями в стране (благоустройство городов и селений, санитарный контроль за пищевыми предприятиями и общественным питанием

и др.) было возложено на *Санитарно-эпидемиологический отдел НКЗ РСФСР* [10, с. 22]. Важнейшим документом для дальнейшего развития *Санитарно-эпидемиологической службы*, в ведении которой находился и Торгово-санитарный надзор, стал декрет СНК «О санитарных органах Республики», изданный 15 сентября 1922 г. [11]. Он определил задачи, структуру Санэпидслужбы, ее права и обязанности, подтвердил ее государственный статус. Помимо общего санитарного надзора, в городах должны были действовать врачи для обслуживания специальных видов санконтроля, одним из которых стал пищевой. Так, в городах с населением свыше 100 тыс. жителей предусматривалась одна должность санитарно-пищевого врача на каждые 100 тыс. человек [12]. Такие же нормы были рассчитаны для крупных центров, таких как Москва и Петроград.

Преобразования произошли и на местах. Не стал исключением и Петроградский горздравотдел. Еще зимой 1921 г. Санитарно-эпидемиологический отдел НКЗ РСФСР направил всем губернским, городским отделам здравоохранения и Комиссариатам здравоохранения республик анкету, в которой предлагалось ответить на следующие вопросы: как осуществляется надзор за оборотом продовольствия, имеются ли институт торгового-санитарных врачей и лаборатория, где проводятся анализы пищевых продуктов.

Согласно предоставленным из Петрограда сведениям, в 1920 г. в распоряжении Санитарного отделения города имелся штат, состоявший из 10 старших и 23 младших врачей. Все они в своей деятельности руководствовались обязательным постановлением о торговом-санитарном надзоре от 11 декабря 1918 г., в котором четко прописывались их обязанности: осмотры и контроль за всеми заведениями и учреждениями, связанными с приготовлением, хранением или продажей продуктов; наблюдение за здоровьем тех лиц, кто производил пищевые продукты или торговал ими; ведение учета посещений; постоянный контакт с городской лабораторией. От врачей требовалось знание местной специфики, они должны были иметь возможность определить дислокацию временных торговых точек, поэтому специалисты, как правило, проживали в том районе, где непосредственно и работали [13, с. 155].



Коренные преобразования произошли в 1923 г., когда была проведена реформа, которая предполагала полную реорганизацию Санитарного надзора в Петрограде [14, с. 511]. Суть ее заключалась в значительном сокращении количества санитарных врачей в городе. Возможно, отчасти это можно объяснить тем, что тогда стали чрезвычайно популярны идеи научной организации труда. В данном случае внимание было заострено на том, чтобы при минимальных затратах улучшить санитарное благоустройство города в целом путем централизации аппарата санитарного надзора и увольнения врачей, уменьшив тем самым расходы на содержание Санэпидслужбы Петрограда.

Однако важно подчеркнуть, что город не был готов к таким кардинальным мерам. В 1923 г. в ведении Санитарной организации насчитывалось 26 санитарно-пищевых врачей, осуществлявших контроль за всеми пищевыми предприятиями в городе. Из них совмещали по две должности 17 человек, по три должности — 3 человека, не работали по совместительству лишь 6 человек.

Документы, качественно характеризующие состав врачей, свидетельствуют об удручающем состоянии дел в санитарной сфере в целом.

Как одно из положительных явлений можно отметить то, что многие специалисты трудились в сфере пищевой санитарии еще с дореволюционных времен. Об этом говорят данные о распределении их по возрастным категориям. Так, к 1923 г. в сфере пищевого надзора работали 6 врачей в возрасте 40–50 лет, 13 — в возрасте 50–60 лет и 4 — в возрасте 70–80 лет. Эти инспектора знали многое о состоянии петроградского продовольственного рынка: как он функционировал, как развивался, какие особенности пищевой фальсификации существовали в городе и другие важные моменты, о которых нельзя было узнать на курсах для будущих торгово-санитарных врачей.

Но из общего числа 73 санитарных и санитарно-продовольственных врачей Петрограда только 6 человек имели чистый санитарный стаж свыше 8 лет и печатные труды в области гигиены и санитарии, 9 человек примыкали к этой группе, но не имели 8-летнего стажа или специальных печатных работ, остальные вообще не считали санитарное дело своей основной специальностью [15, л. 122]. Молодых же кад-

ров почти не готовили, не существовало даже специально разработанной программы обучения делу торгово-санитарного надзора.

Реформа предполагала упразднение обособленного института санитарно-продовольственных врачей и объединение в одном ведомстве различных функций Санитарного надзора в лице единого врача [Там же. Л. 48]. По мнению А.И. Антоновского, заведующего Санитарно-эпидемиологическим подотделом Петроградского губздравотдела, такая система, как «параллельное существование в Петрограде санитарной и санитарно-пищевой службы» [Там же. Л. 125], уже устарела, поэтому Санитарно-продовольственный надзор как специальную организацию следовало упразднить с перенесением его функции на врачей общего профиля [16, с. 51]. Более того, он утверждал, что введенный в Москве принцип единого участкового санврача с добавлением высококвалифицированных специалистов в отдельных отраслях санитарии для консультирования по узкоспециальным вопросам — это наиболее удачная форма санитарной работы.

Сами торгово-санитарные врачи выступали против таких нововведений, утверждая, что подобная реорганизация внесет «нежелательную деградацию» в их и без того нелегкое дело. Они заявляли, что надзор за продуктами, особенно с постоянным ростом фальсификации, в этом случае перейдет из рук опытных и знающих людей, знакомых с санитарной обстановкой в Петрограде не понаслышке, в руки неквалифицированных работников [15, л. 56]. Согласно проекту, ответственность за осуществление текущего надзора за продовольственными учреждениями ложилась на агентов Саннадзора в лице продврачей и одновременно участковых санврачей и их помощников. Эта тройственность санитарного контроля за одними и теми же местами производства, хранения, продажи, потребления пищевых продуктов и напитков исключала возможность всякой планомерности, систематичности, единства и последовательности в работе и предъявлении санитарных требований, в системе карательных санкций, что было чревато дезорганизацией надзора и сумбуром.

Кроме того, существовали свои особенности работы в каждом районе города. Так, например, подконтрольная двум санитарно-пищевым врачам территория Выборгского района

по самому грубому подсчету занимала 1/5 часть Петрограда. Возникает вопрос: что могли сделать два (пусть даже квалифицированных) работника на столь обширной и при этом неблагоприятной в санитарном отношении рабочей окраине?

У врачей появилось бы и много дополнительной канцелярской работы. Можно было предвидеть, что в результате преобразований в районах будут созданы центры чисто чиновничьего характера, оторванные от населения. Как отмечали доктора на собрании организации Володарского района, проект реорганизации санитарного дела в городе, по их мнению, являлся неприемлемым [15, л. 31–41].

Но, невзирая на все трудности, проведение реформы откладывать не стали.

Важно заметить, что вопрос о неудовлетворительности организации санитарного дела в Петербурге поднимался не единожды и в дореволюционный период. Так, Городская ревизионная комиссия еще в 1904 г. пришла к выводу о формальном внешнем характере санитарной организации в городе и объективной незначительности получаемых результатов, что было отмечено в докладе Городскому управлению.

За период 1904–1916 гг. назначался целый ряд комиссий по пересмотру врачебно-санитарного дела в Петрограде. К началу 1916 г. городская дума располагала проектом «О реорганизации врачебно-санитарного дела в Петрограде», разработанным комиссией под председательством общественного деятеля Г.А. Фальборка [Там же. Л. 316]. Претворению замысла в жизнь помешали начавшаяся Первая мировая война и недостаток средств. В итоге все планы остались на бумаге. А 1923 г. казался удачным для изменений в организации санитарного дела: эпидемии затихли, голод прекратился, уклад жизни принял мирный характер. Поэтому, несмотря на предостережения врачей, 7 сентября 1923 г. в Петрограде начали проводить реформу. Произошло заметное сокращение числа врачей: со 119 до 90 человек. Таким образом, количество санитарных работников в целом было сокращено почти на четверть (на 24,4 %) (см. таблицу) [Там же. Л. 254].

Трудно представить, как 13 врачей могли контролировать качество съестного в городе в то время, когда в торговлю бросились все: и бывшая буржуазия, и рабочие, и служащие

[17, с. 10]. Если посмотреть на статистику, то, согласно переписи 1923 г., в Петрограде действовало 671 промышленное и 12 385 торговых заведений, не считая уличной и рыночной торговли [15, л. 310]. Основная масса торговцев занималась продажей продуктов питания – 4744 (49 %), большая часть из них (3713 человек) были продавцами на рынках, в киосках или в разнос. К числу торгующих продуктами питания относились также 567 хлебопекарен и булочных и 483 ресторана, кафе и чайных [18].

Несмотря на растущее число магазинов, лавок, кафе и других заведений, связанных с торговлей съестными припасами, торгово-санитарные врачи должны были осматривать каждое заведение, где могли храниться, изготавливаться, распределяться, продаваться и потребляться пищевые продукты. Не стоит забывать и про уличную торговлю, которая, как паутина, разрасталась по Петрограду. Вдобавок продовольственные инспектора обязаны были консультировать государственные и частные учреждения по вопросам качества продуктов, которое интересовало не только широкую общественность – потребителей.

С середины 1920-х гг. большевики всерьез задумались о создании пищевого законодательства, разговоры о необходимости которого велись с конца XIX в. Сами торгово-санитарные врачи не единожды жаловались на его отсутствие, поскольку много времени уходило на определение доброкачественности того или иного продукта. Несмотря на уже сложившиеся общие требования к качеству определенных продуктов питания и условиям их хранения и

Численность и состав санитарных работников в Петрограде после реформы 1923 г.

Район города	Количество врачей		Количество помощников
	санитарных	продовольственных	
Центральный	8	3	10
Московско-Нарвский	6	3	8
Володарский	6	2	9
Петроградский	4	2	7
Василеостровский	3	1	4
Выборгский	5	2	7
<i>Итого</i>	<i>32</i>	<i>13</i>	<i>45</i>



продажи, на совещаниях торгово-пищевые врачи нередко обсуждали санитарное состояние хлебопекарен и качество выпекаемого в городе хлеба. Это объяснялось тем, что общесоюзные нормы еще находились в разработке. И то, что было, например, приемлемо для московского продуктового рынка, не всегда удовлетворяло санитарным требованиям ленинградского. Ввиду такого положения дел в Ленинграде стали появляться постановления о продовольственных нормах и стандартах более ходких продуктов: молока, хлеба, колбасы и других товаров [19, с. 315]. Так, например, влажность мякиша простого и заварного хлеба, выпускаемого ленинградскими предприятиями, не должна была превышать 49 %, в прочих сортах – 43 %; кислотность в простом ржаном хлебе не могла быть более 13, в остальных сортах – более 6.

Другой темой для дискуссий являлась разработка норм питания для населения, в первую очередь рабочего. С середины 1920-х гг. данный вопрос привлекал внимание санитарных органов, поэтому торгово-пищевые врачи активно привлекались к написанию программ по обследованию общественных столовых, что отвлекало специалистов от их прямых обязанностей.

Говоря о непосредственных обязанностях торговых врачей, а именно о предупредительном и текущем надзоре за вновь открывшимися и давно работающими продовольственными учреждениями, можно отметить, что после реформы 1923 г. специалистам пришлось столкнуться с новыми сложностями. После объединения пищевых и санитарных докторов в одну организацию проблема, связанная с распределением обязанностей между ними, возникала постоянно. Окончательно путаница с подведомственностью разрешилась только в 1926 г. В ведение санитарно-продовольственных инспекторов перешли все места хранения пищевых продуктов и напитков, вся оптовая и оптово-розничная торговля, рынки и базары, места общественного питания [20, л. 60].

Вопрос о расширении прав санпродврачей оставался одним из главных: врач не мог проверить качество товара, хранящегося на складе, без присутствия свидетелей и заведующего, который попросту не являлся на осмотр. Таким образом, доктор часто терял впустую более 3-4 часов своего рабочего времени. Хотя у каждого специалиста имелось при себе удостоверение,

подтверждающее его право посещения и взятия пищевого материала для анализа, нередкими были ситуации, когда врача и вовсе не пускали в продучреждения или запрещали брать пробы в лабораторию для исследования на предмет доброкачественности.

Проблема достоверной отчетности также приобрела особую остроту. Дисциплинированность в данном вопросе отсутствовала. Не соблюдалась единая форма заполнения анкет. Врачи не всегда располагали канцелярскими принадлежностями. Кроме этого, имели место субъективные факторы: специалисты часто теряли бумаги, забывали их вовремя заполнять. По некоторым экземплярам документов видно, насколько неаккуратно доктора вписывали цифры, что свидетельствует о безответственности части врачей.

Несмотря на все недочеты, санитарно-пищевые врачи остались единственными специалистами в области контроля за доброкачественностью съестного. Но условия, в которых они работали, были весьма тяжелыми. Все просьбы врачей об увеличении штата, о повышении заработной платы, расширении прав на досмотры и составление протоколов остались незамеченными. В это время оживленный интерес вызывали проблемы, связанные с изданием постановлений по отдельным вопросам санитарно-пищевого дела, к чему привлекались и торговые врачи. Специалисты вынуждены были разрываться между многочисленными обязанностями, в результате чего пищевой надзор в городе был формальным. Не существовало условий для его нормального функционирования. Реформа централизовала и сократила санитарную организацию, усугубив и без того серьезные ее проблемы.

Невзирая на усиление государственного начала в деле санитарного надзора, власти в середине 1920-х гг. всё еще не были готовы полностью взять на себя регулирование в этой сфере. Поэтому всё чаще стали слышны призывы к самим рабочим следить за качеством изготавливаемой продукции. В газете «Пищевик» в 1925 г. отмечалось: «Устраняя суррогаты, особенно с „душком“, мы делаем большой шаг в борьбе за качество продукции» [21]. К сознательности тружеников пищевых производств взывал и врач Э. Бахран, говоря о том, что трудящиеся-пищевики «должны сознательно относиться к своей

работе, должны понимать, что от их работы, от качества продуктов, которые они вырабатывают, зависит здоровье населения» [22, с. 25].

Осознавая серьезность сложившейся ситуации, Комиссариат здравоохранения пришел к выводу о необходимости более действенного контроля. 19 февраля 1927 г. вышло Постановление СНК РСФСР «О санитарных органах Республики», в котором содержались новые санитарные нормы для обслуживания населения. Так, для санитарно-пищевого надзора вводилась одна должность врача на каждые 50 тыс. жителей. 8 октября 1927 г. Постановлением СНК РСФСР было утверждено «Положение о санитарных органах Республики», отменившее действие декрета СНК от 15 сентября 1922 г.

Согласно новому документу, санитарно-пищевые врачи входили в состав санитарных органов республики. Для осуществления контроля врачи имели право посещать все помещения общественного пользования, а также государственные, общественные и частные предприятия и учреждения в любое время дня и ночи. Специалисты могли производить выемки пищевых продуктов и других материалов для санитарного анализа в необходимых для указанной цели количествах, с составлением соответствующего акта. Важно отметить, что теперь санврачи при невыполнении требований об устранении нарушений в установленный срок или при обнаружении попирания законодательства по вопросам санитарной охраны могли привлекать виновных к административной или судебной ответственности, а также имели право участвовать в качестве обвинителя при рассмотрении дел в суде.

Выделялся пункт о предупредительном санитарном надзоре над зданиями и помещениями пищевых предприятий, который осуществлялся санитарными органами как на стадии проектирования, так и во время строительства и функционирования или эксплуатации учреждений. Предупредительному и текущему санитарному контролю подлежали все без исключения места изготовления, хранения, потребления и продажи съестных припасов и напитков [23].

С учетом того, что санитарно-пищевой надзор выделялся в самостоятельную отрасль санитарного дела, в 1928 г. на основании постановления СНК «Об утверждении положения о санитарных органах Республики» (1927 г.)

была издана новая, расширенная инструкция для санпродврачей [24], где подробно прописывались их обязанности. Некоторые пункты были продублированы из Положения 1927 г.: о предупредительном и текущем надзоре, об административной и судебной ответственности. Кроме того, врачи по-прежнему находились под непосредственным контролем со стороны местного здравотдела. Но имелись и нововведения. За сотрудниками пищевого надзора были закреплены отдельные сферы деятельности: места заготовки съестного; фабрики, заводы и другие предприятия, производящие пищевые и вкусовые продукты и напитки; места хранения пищевых продуктов; места торговли ими; точки общественного питания; столовые в лечебно-профилактических учреждениях различного типа; наблюдение за проведением медицинских осмотров работников пищевых производств.

Важно заметить, что санпродврач должен был хорошо разбираться в существующем законодательстве, знать местные обязательные постановления, циркуляры и распоряжения Наркомздрава, так как именно по его настоянию лицо, нарушившее санитарные правила или не выполнившее в установленный срок требования, предъявленные ему санитарными органами, привлекалось к уголовной или административной ответственности¹.

Важное значение придавалось контролю за предприятиями общественного питания. Врачам следовало проводить анкетирование населения на предмет качества обедов, принимать активное участие в планировании норм раскладок, в разработке рационов, тесно контактировать с различными организациями, например с Нарпитом.

Особенно внимательно составители инструкции подошли к проблеме отчетности и плановости работы пищевых врачей. Так, для специалистов должен был разрабатываться и составляться годовой план действий. Вся деятельность санитарно-пищевых инспекторов учитывалась в специальных дневниках. Выделялся пункт, где прописывалось то, чем врач обеспечивался на время службы: необходимыми

¹ Эти знания были особенно важны, поскольку содержащиеся в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. нормы, касавшиеся нарушения санитарных правил (ст. 108, 181), носили бланкетный характер.



справочниками, сборниками законодательства, транспортными средствами, канцелярскими принадлежностями, различными бланками. Ему полагался также помощник.

В отличие от инструкции 1918 г., в новой инструкции, с одной стороны, четко определялся круг обязанностей торгово-санитарных врачей, с другой стороны, на инспекторов возлагался большой объем обязанностей, связанных с санитарной охраной сферы производства и реализации пищевых продуктов и напитков. Однако нельзя не отметить, что условия для работы врачей стали благоприятнее. Это выразалось прежде всего в постепенном издании государственных стандартов, облегчавших процесс осмотра и определения качества проверяемой съестной продукции; происходили постепенная централизация и укрупнение пищевых производств, что позволяло разделить заведения на группы, которые было легче регулярно контролировать.

Торгово-санитарный надзор прошел сложный исторический путь. Образованный в Санкт-Петербурге в 1900 г. как относительно самостоятельная организация, в постреволюционный период он превратился в структуру в ведении санитарных органов республики. Из-за многочисленных ошибок, изначально допущенных при образовании данной системы, перед большевиками вскоре после их прихода к власти встала задача реорганизации Санитарно-продовольственного надзора.

Переходный период 1917–1922 гг. стал важным этапом на пути его развития. Именно в это время появилась первая советская подробная

инструкция для врачей. Кроме того, начался процесс централизации всех санитарных органов России. Важным событием явилось издание декрета СНК «О санитарных органах Республики» 15 сентября 1922 г. Именно эта дата сегодня считается днем рождения Санитарно-эпидемиологической службы России, в задачи которой входит и надзор за безопасностью на продовольственном рынке.

Период нэпа можно охарактеризовать как экспериментальный, поскольку, проведя реформу 1923 г. и сократив количество санитарных врачей, к числу которых теперь принадлежали и торговые специалисты, власти принялись разрабатывать общесоюзные пищевые стандарты, улучшать общественное питание. К концу 1920-х гг. все четче стала намечаться тенденция к установлению санитарного контроля над всей пищевой отраслью. Постепенно стали исчезать уличные толкучки, многочисленные лавки, трактиры. На их место пришли государственные и кооперативные хлебопекарни, заводы, общественные столовые и магазины. Но ощущалась острая необходимость в улучшенном и более действенном санитарном контроле, недееспособном после реформы: специалистов крайне не хватало в условиях огромного количества продучреждений. В этих условиях меры, принятые в 1927–1928 гг., увеличившие количество специалистов в разных областях санитарии, расширившие полномочия и детально разграничившие сферы их деятельности, следует признать весьма своевременными и необходимыми в преддверии бурного роста населения городов в условиях индустриализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Об утверждении** Стратегии повышения качества пищевой продукции до 2030 года. URL: <http://government.ru/docs/23604/> (дата обращения: 05.07.2016).
2. **Из истории** службы. URL: http://78.rospotrebnadzor.ru/ob_upravl/istoriya (дата обращения: 19.06.2016).
3. **Прохорова Е.В.** Организация санитарно-продовольственного надзора в Санкт-Петербурге (1900–1917 гг.) // КЛИО. 2016. № 6. С. 109–114.
4. **Отчет** Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1904 г. Ч. 4. Санитарная часть. СПб.: Городская тип., 1905. 421 с.
5. **Отчет** Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1908 г. Ч. 7. Санитарная часть. СПб.: Городская тип., 1909. 623 с.
6. **Северная коммуна.** 1918. 11 декабря.
7. **Становление** и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти, 1917–1924: сб. док. и матер. / под ред. М.И. Барсукова, А.С. Дремова, А.П. Куропатова. М.: Медицина, 1966. 544 с.
8. **Северная коммуна.** 1919. 11 июля.
9. **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.** Ф. 1546. Оп. 2. Д. 36.
10. **Санитарно-эпидемиологическая служба** и ее руководители. Из истории здравоохранения России XX в.: сб. очерков / под глав. ред. Г.Г. Онищенко. М.: Медицина, 2003. 240 с.
11. **Совет Народных Комиссаров РСФСР.** Декрет от 15 сентября 1922 года «О санитарных органах Республики». URL: <http://rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/decret.php> (дата обращения: 21.07.2016).

12. **Становление** и развитие санитарно-эпидемиологической системы государственных специализированных учреждений. 1922–1941 годы. URL: <http://gospotrebnadzor.ru/region/history/do-vov.php> (дата обращения: 20.07.2016).
13. **Прохорова Е.В.** Санитарно-пищевой надзор в послереволюционном Петрограде (1918–1921 гг.) // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. С. 149–157.
14. **История** медицины СССР. М.: Медицина, 1964. 646 с.
15. **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.** Ф. 4301. Оп. 1. Д. 1677.
16. **Твердюкова Е.Д.** Деятельность органов санитарно-пищевого надзора по обеспечению безопасности в сфере оборота продовольствия в СССР // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24, № 1. С. 49–52.
17. **Крон Ц.М.** Частная торговля в СССР. М.: Труд и книга, 1926. 137 с.
18. **Петроградская** правда. 1923. 6 марта.
19. **Труды** X Всесоюзного съезда бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. Одесса, 5–11 сентября 1926 г. В 2 т. Т. 2. Харьков: Научная мысль, 1927. 373 с.
20. **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.** Ф. 4301. Оп. 1. Д. 2563.
21. **Пишевик.** 1925. 8 декабря.
22. **Вопросы** здравоохранения. 1928. № 3.
23. **Совет** Народных Комиссаров РСФСР. Постановление от 8 октября 1927 г. «Об утверждении положения о санитарных органах Республики». URL: <http://gospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/post-1.php> (дата обращения: 23.07.16).
24. **Вопросы** здравоохранения. 1928. № 21.

ПРОХОРОВА Елизавета Викторовна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: karnellia@rambler.ru

E. V. Prokhorova

THE ORGANIZATION OF THE FOOD CONTROL IN ST. PETERSBURG – PETROGRAD – LENINGRAD DURING THE FIRST THREE DECADES OF THE XX CENTURY

The article investigates to the problems of formation and development of the institute of the food inspectors in the first third of XX century. St. Petersburg – Petrograd – Leningrad. After analyzing the available materials and previously unpublished sources, the author comes to conclusion that, despite of the change of regime in Russia, the internal unity and continuity of the food control system was traced throughout the investigated period. However, due to the fact that, the organizational and legal principles of food surveillance were incorrectly laid, activities of sanitary and food experts was reduced as formal. The problem of the treatment to the issue of a permanent monitoring service in the field of food turnover is now becoming ever more relevant. It is primarily due to the fact that today the food security is at the forefront of priorities in the internal policy of the Russian Federation.

FOOD CONTROL; PETROGRAD; REFORM OF 1923TH YEAR; SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL SUBSECTION; COMPETENCES; HYGIENE AUTHORITIES.



REFERENCES

1. [On approval of the Strategy for upgrading of food products before 2030]. Available at: <http://government.ru/docs/23604/> (accessed: 05.07.2016).
2. [Of the history of service]. Available at: http://78.rospotrebnadzor.ru/ob_upravl/istoriya (accessed 19.06.2016).
3. Prokhorova E.V. [The Organization of the Food Control in St. Petersburg (1900–1917)]. *KLIO*, 2016, no. 6, pp. 109–114. (In Russ.)
4. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1904 g.* [Report of the St. Petersburg Municipal Administration for 1904. Pt. 4. Sanitary part]. St. Petersburg, Gorodskaya tipografiya Publ., 1905. 421 p. (In Russ.)
5. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1908 g.* [Report of the St. Petersburg Municipal Administration for 1908. Pt. 7. Sanitary part]. St. Petersburg, Gorodskaya tipografiya Publ., 1909. 623 p. (In Russ.)
6. Severnaya kommuna. 1918. Dec. 11. (In Russ.)
7. Stanovleniye i razvitiye zdravookhraneniya v pervyye gody Sovetskoy vlasti, 1917–1924 gg. Moscow, Meditsina Publ., 1966. 544 p. (In Russ.)
8. Severnaya kommuna. 1919. Jul. 11. (In Russ.)
9. [The Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1546. Op. 2. D. 36.
10. Sanitarno-epidemiologicheskaya sluzhba i yeye rukovoditeli. Iz istorii zdravookhraneniya Rossii XX v. Moscow, Meditsina Publ., 2003. 240 p. (In Russ.)
11. Sovet Narodnykh Komissarov RSFSR. Dekret ot 15 sentyabrya 1922 goda “O sanitarnykh organakh respubliky”. Available at: <http://rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/decret.php> (accessed 21.07.2016).
12. Stanovleniye i razvitiye sanitarno-epidemiologicheskoy sistemy gosudarstvennykh spetsializirovannykh uchrezhdeniy. 1922–1941 gody. Available at: <http://rospotrebnadzor.ru/region/history/do-vov.php> (accessed 20.07.2016).
13. Prokhorova E.V. [The Food control in postrevolutionary Petrograd (1918–1921)]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2015, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.)
14. *Istoriya meditsiny SSSR*. Moscow, Meditsina Publ., 1964. 646 p. (In Russ.)
15. [The Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4301. Op. 1. D. 1677.
16. Tverdyukova E.D. [The activity of sanitary and food supervision in food of security rules in the field of food turnover in the USSR]. *Problemy social'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii mediciny*, 2016, vol. 24, no. 1, pp. 49–52. (In Russ.)
17. Kron Ts.M. *Chastnaya trgovlya v SSSR*. Moscow, Trud i kniga Publ., 1926. 137 p. (In Russ.)
18. *Petrogradskaya pravda*. 1923. Mar. 6. (In Russ.)
19. *Trudy X Vsesoyuznogo syezda bakteriologov, epidemiologov i sanitarnykh vrachev*. Odessa, 1926, Sept. 5–11. In 2 vol. Of vol. 2. Khar'kov, Nauchnaya mysl' Publ., 1927. 373 p. (In Russ.)
20. [The Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4301. Op. 1. D. 2563.
21. *Pishchevik*. 1925. Dec. 8. (In Russ.)
22. *Voprosy zdravookhraneniya*, 1928, no. 3. (In Russ.)
23. Sovet Narodnykh Komissarov RSFSR. Postanovleniye ot 8 oktyabrya 1927 goda “Ob utverzhdenii polozheniya o sanitarnykh organakh respubliky”. Available at: <http://rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/post-1.php> (accessed 23.07.16).
24. *Voprosy zdravookhraneniya*, 1928, no. 21. (In Russ.)

PROKHOROVA Elizaveta V. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: karnellia@rambler.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.5

УДК 930.253

А.В. Спичак

ОТЧЕТЫ О СОСТОЯНИИ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ 1856–1915 ГОДОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОДЕРЖАНИИ И ОФОРМЛЕНИИ*

Одним из важнейших документов Русской православной церкви в синодальный период ее истории являлись архиерейские отчеты Святейшему правительствующему синоду о состоянии епархий, отражающие основные стороны жизнедеятельности церкви в епископиях. В статье рассмотрены содержание и оформление отчетов о состоянии Тобольской епархии. Исследование их проводилось на стыке документоведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер изучения. Представлен анализ законодательства об отчетах о состоянии приходов, благочиний и епархий. Приведены результаты сопоставительного анализа отчетов по Тобольской епархии с аналогичными документами по Томской, Тульской, Уфимской, Тверской и Тамбовской епископиям. Особое внимание уделено отражению в епархиальных отчетах состояния церковного «письмоводства».

ОТЧЕТЫ О СОСТОЯНИИ ЕПАРХИИ; РАПОРТЫ АРХИЕПИСКОПА, БЛАГОЧИННЫХ И ПРИЧТА; ТОБОЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ; ЦЕРКОВНОЕ «ПИСЬМОВОДСТВО»; СВЯТЕЙШИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СИНОД.

Архивное наследие Русской православной церкви (РПЦ) имеет для отечественной истории и культуры огромное значение [1, с. 251]. Еще в 1720 г. Петр I, понимая важность сохранения исторической памяти, подписал указ о собирании документов, положив тем самым начало Синодальному архиву [2, с. 163, 168–169]. В советское время в архивном деле функция хранения преобладала над функцией использования. Сегодня интерес как профессиональных исследователей, так и общества к проблемам церковной истории России достаточно высок. Это вызвано новыми политическими условиями, которые позволяют РПЦ занять активную позицию в жизни нашей страны.

В последние десятилетия активно изучается региональная церковная история, в частности исследуется прошлое Тобольской епархии, являвшейся в XVIII – начале XX в. одной из крупнейших епископий в России.

После кончины патриарха Адриана с указа Петра I от 16 декабря 1700 г., содержавшего предписания об организации высшего церковного управления, начался новый этап отношений между РПЦ и Российским государством, который историки церкви именуют синодальным периодом (1700–1917 гг.). В этот период правительство своими нормативно-правовыми актами контролировало все стороны жизнедеятельности церкви [3, с. 40, 71], в том числе и ее делопроизводство. Практика делопроизводства в приходских церквях подвергалась регламентирующему воздействию, постоянно совершенствовалась, пополнялась новыми элементами.

Знание общих закономерностей и тенденций развития церкви дает, в частности, возможность осмысления процессов современного документационного обеспечения управления. По словам Е.В. Старостина, «восстановление истории складывания документального богатства РПЦ – важнейшего источника сведений о жизни народов, населявших российскую территорию, – представляется неотложной научной задачей» [4, с. 12]. Кардинальные изменения культурной, политической и экономической ситуации в стране, трансформация обществен-

* Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности (задание № 2014/801).



ных отношений и общественного сознания на рубеже XX–XXI вв. актуализировали проблему сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия [5].

Одним из важнейших документов РПЦ в синодальный период являлись архиерейские отчеты Святейшему правительствующему синоду (далее – Синоду) о состоянии епархий. Такие отчеты составлялись на основе ежегодных донесений благочинных, а те, в свою очередь, – по рапортам причта и отражали основные стороны жизнедеятельности церкви в епископиях.

Учеными анализировались различные аспекты документирования деятельности РПЦ в XVIII – начале XX в., однако при этом отчеты о состоянии епархий, в том числе Тобольской, в их поле зрения не попали.

В нашем исследовании рассмотрение данных отчетов проводилось на стыке документо-ведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер изучения. В основе исследования лежат общенаучные, исторические и специальные методы документоведения. Нами были использованы такие общенаучные принципы, как объективность и системность. Благодаря структурно-функциональному анализу документы изучались как система, в которой каждый элемент структуры имеет определенное назначение. Для выделения и рассмотрения состава, содержания и оформления церковных документов были применены методы теоретического анализа и синтеза. Помимо исторических методов использовались и такие принципы, как историзм и приоритет источника. Методы ретроспективного и сравнительно-исторического анализа предполагают сопоставление документов в динамике развития их содержания и оформления. При обращении к формулярам источников применялся метод формулярного анализа.

В соответствии с Генеральным регламентом (ГР) 1720 г. донесения, ведомости, реляции в делопроизводстве XVIII в. были включены в состав корреспонденции. С помощью этих документов нижестоящие учреждения обменивались информацией (например, сообщение о каком-либо деле, отчет о выполнении распоряжения) с вышестоящими. В словаре ГР «репорт» приравнен к ведомости, а в его тексте определяется как «доношение». Рапорты и донесения – это документы, посредством кото-

рых нижестоящие учреждения отчитывались перед вышестоящими [6, с. 22–24].

В полугодовые рапорты причта благочинному, согласно установленной форме, требовалось вносить сведения о состоянии приходских документов, например: «Богослужебный журнал и братская книга велись исправно». В соответствии с законодательно закрепленной формой рапорта в верхней части документа указывался адресат («Его Высокопреподобию, Благочинному 1-го округа № уезда»), под ним – автор документа («Причта № прихода») и ниже – наименование вида документа («Рапорт») [7, с. 351, 356]. Благочинный на основании рапортов причта подавал отчет епархиальному архиерею, а последний – в Синод. Наличие пункта о «состоянии церковного письмоводства» в ежегодных отчетах епархиальных архиереев свидетельствует о том, что ведение церковной документации контролировалось Синодом [Там же. С. 162].

Указом Правительствующего сената от 3 марта 1721 г. определялся вид документа, с помощью которого церковные учреждения губерний и провинций, а также коллегии и канцелярии должны были обращаться к Синоду, – доношение. Адресата в нем следовало указывать так: «Святейшему Правительствующему Духовному Синоду» [8, с. 366–367]. Донесения по различным епархиальным делам и рапорты о получении указов, посылаемые в Синод, с 21 января 1769 г. должны были подписывать сами архиереи, а ведомости, таблицы и прочие известия при доношениях, как и прежде, – члены консисторий и секретари [9, с. 810].

На основании рапортов причтов и благочинных составлялись отчеты о состоянии епархии. Согласно пункту 15 части 2 Духовного регламента и указу от 25 ноября 1737 г., епископы обязывались дважды в год присылать в коллегию рапорты «о состоянии и поведении епархии» [10, с. 361–364]. По указу от 11 ноября 1765 г. рапорты о состоянии епархии должны были подписывать архиереи. Однако из некоторых епархий в Синод присылались рапорты, подписанные членами консистории, что являлось нарушением правил [11, с. 381]. Указом от 31 августа 1832 г. была изменена периодичность донесений о благосостоянии епархий – с двух до одного раза в год [12, с. 591–592]. С 1841 г. в этих донесениях требовалось представлять сведения о положении ризниц во всех церквях

епархии из благочиннических клировых ведомостей, о положении церквей по вопросам благоустройства и о не решенных присутствием и не исполненных канцелярией делах [13, с. 222].

Указом от 23 ноября 1865 г. были установлены сведения, которые требовалось прилагать к отчету о состоянии епархии: «о бывших и не бывших у исповеди и Св. Причастия; о присоединившихся от раскола и разных сект, а также о присоединившихся к православной церкви из других христианских исповеданий и о просвещенных святым крещением нехристианам; о воспитанниках духовно-учебных заведений, поступивших из училищного в епархиальное ведомство и не определенных к местам; о монастырях и монашествующих, а также о церквях и причтах и вообще о белом духовенстве; о родившихся, браком сочетавшихся и умерших» [14, с. 183].

На основании сведений, предоставленных благочинными, секретари духовных консисторий должны были составлять статистические таблицы и представлять их к всеподданнейшему отчету обер-прокурора Синода за прошедший год в январе (между 1-м и 5-м числами), поэтому благочинным следовало подавать эти сведения в консисторию не позднее 20 декабря, желательно все сразу, и оформленными согласно требованиям. Только в этом случае можно было рассчитывать на достаточную точность цифровых данных общего отчета по епархии и своевременное представление его Синоду. Таблицы составлялись на основании сведений, предоставляемых благочинными по формам:

1) о вновь построенных и упраздненных церквях;

2) о монашествующем духовенстве;

3) о белом духовенстве;

4) о пожертвованиях в церкви (по рубрикам: кружечного сбора, кошелькового сбора, дохода с церковных имений, на устройство церквей и пр., «в пользу гроба Господня в Иерусалиме», для церквей и школ Западного края, на восстановление православия на Кавказе, распространение православного христианства между язычниками, в помощь духовенству, для разоренных, «улучшения православных поклонников в Палестине»);

5) о присоединенных к православной церкви из раскола и из иноверных христианских исповеданий;

6) о просвещенных святым крещением нехристианам;

7) о больницах и богадельнях при церквях и монастырях;

8) о приходских попечительствах;

9) о церковных библиотеках;

10) о церковно-приходских школах [15, с. 255–260].

Благочинному (и от него – епархиальному начальству) причтами представлялись донесения о благосостоянии церквей и прихода по форме годового отчета в январе каждого года [16, с. 255–260]. Донесения от настоятелей приходов благочинным должны были поступать к 20 января, а от благочинных просвященному – к 1 февраля по схеме годового отчета (*церкви*: количество церквей; открытие или закрытие приходов с указанием причин; церковно-приходские попечительства, библиотеки, больницы, богадельни; состояние благочиннического надзора; состояние церковного «письмоводства»; *духовенство*: количество священно- и церковнослужителей, состоящих на службе в отчетном году; количество выбывших и прибывших; нравственное, умственное и материальное состояние духовенства; особые заслуги духовенства; благочиннические съезды; отношение духовенства к иноверцам и раскольникам; *наства*: увеличение/уменьшение населения с указанием причин; нравственно-религиозное состояние; значительные пожертвования; *школы*: количество школ; количество учеников отдельно мужского и женского пола; нравственно-воспитательное, учебное и материальное состояние школ; число народных школ и учеников; успехи в народных школах, особенно по закону Божию; деятельность духовенства по отношению к школам; пожертвования в пользу школ). Ведомости о церквях и белом духовенстве благочинные представляли в консисторию к 1 февраля [7, с. 162–164].

Епархиальные отчеты Синоду с 1856 г. хранятся в фонде его канцелярии в Российском государственном историческом архиве. Законодательно установленная форма этого документа нами не обнаружена, однако формуляр, несомненно, существовал и отчеты оформлялись в соответствии с ним, о чем свидетельствует рапорт архиепископа: «Составленный мною согласно данной форме отчет о состоянии Тобольской епархии за 1875 год при сем на благоусмотрение



Святейшего Правительствующего Синода благопочтительнейше представляю вместе с потребными к сему отчету приложениями» [17, л. 1].

Такие отчеты Тобольской епархии за 1856–1915 г. обычно состояли из следующих разделов:

1) *Устройство и состояние управления* (состав консистории, количество благочинных, замечания о состоянии благочиннического надзора, открытие самостоятельных приходов и др.);

2) *Обозрение епархии* (описание поездок);

3) *Монастыри* (открытие, восстановление и закрытие монастырей, духовно-нравственное состояние, хозяйство в монастырях, дома призрения бедных и больницы и т. д.);

4) *Церкви* (общее количество и отдельно по видам, упразднение церквей, наличие избытка или недостатка в церквях в отдельных уездах, состояние церковного «письмоводства» и др.);

5) *Духовенство* (степень познания в деле пастырского служения, нравственное состояние, вакантные места и т. д.);

6) *Паства* (констатация факта увеличения населения, посещение жителями церковных богослужений, знание начальных истин веры и др.);

7) *Катехизисные поучения* (о программе собеседований, разработанной архиереем, ее содержании, во всех ли церквях ведутся);

8) *Училища при монастырях* (описание зданий для школ, данные об учениках, преподавателях, предметах, новых училищах);

9) *Разные сведения и замечания* (например, распределение членов причта по образовательному цензу);

10) *Общий взгляд на состояние епархии* (на что следует в дальнейшем обратить внимание и что улучшить).

Каждый раздел делился на несколько параграфов [17, л. 1–29; 18, л. 1–57; 19, л. 1–25; 20, л. 1–33; 21, л. 1–60; 22, л. 1–38; 23, л. 1–6]. В отчете за 1885 г. разделы «Обозрение епархии» и «Разные сведения и замечания» отсутствуют, зато появился новый – «Состояние миссии» [24, л. 1–25]. В отчете за 1895 г. был добавлен еще один раздел – «Проповедническое отделение Братства» [20, л. 1–33]. Таким образом, архиерей сам решал, какие сведения в данном году были наиболее важны. В конце отчета слева он указывал город и дату, а справа проставлял свою подпись, например «Епископ Антоний, Тобольский и Сибирский».

К отчету о состоянии епархии всегда прилагался рапорт епископа, оформленный так же, как и другие рапорты: в верхней части документа указывался адресат: «Святейшему Правительствующему Синоду», ниже, справа – адресант: «Феоноста, Епископа Тобольского и Сибирского», под адресантом, справа – вид документа: «Рапорт», ниже помещался текст: «В исполнении указных предписаний почтительнейше имею честь представить при сем Святейшему Правительствующему Синоду отчет о состоянии Тобольской епархии за 1856 год»; в нижней части документа слева указывались его номер и дата, справа ставилась подпись: «Вашего Святительства нижайший послушник Феоност, Епископ Тобольский и Сибирский» [23, л. 1].

В ежегодных отчетах тобольских епархиальных архиереев Синоду содержатся сведения о состоянии консисторского и церковного делопроизводства. Это свидетельствует о том, что церковная власть придавала ему большое значение. Соответствующие данные отчетов позволяют проследить динамику развития церковного «письмоводства».

К отчетам о состоянии епархии прилагались учетные документы, установленные указом от 23 ноября 1865 г. (см. выше). Архиепископы Тобольской епархии также присылали упомянутые ведомости, о чем свидетельствует текст рапортов: «При сем долг имею представить Святейшему Синоду отчет о состоянии Тобольской епархии за 1885 год и присовокупить, что следующие к сему отчету приложения будут представлены особо в Канцелярию Святейшего Синода Секретарем консистории» [24, л. 1]. Таким образом, эти документы представлялись вслед за отчетом; в настоящее время они хранятся отдельно от отчетов.

Нами был проведен сравнительный анализ отчетов о состоянии Тобольской епархии с аналогичными документами по Тульской, Уфимской, Томской, Тверской и Тамбовской епископиям [19, л. 1–19; 22, л. 1–26; 25, л. 1–12; 26, л. 1–13; 27, л. 1–48; 28, л. 1–32; 29, л. 1–29; 30, л. 60; 31, л. 1–27; 32, л. 1–19]. При сравнении отчетов выяснилось, что количество и названия разделов как общепринятые соблюдались во всех епархиях [19, л. 1–19; 22, л. 1–26; 25, л. 1–12; 26, л. 1–13; 27, л. 1–48; 28, л. 1–32; 29, л. 1–29; 30, л. 60; 31, л. 1–27; 32, л. 1–19]. Однако в них, как и в других видах документов, сказались личност-

ный фактор: епископы иногда добавляли какой-либо раздел по своему усмотрению. Например, в отчете о состоянии Тверской епархии за 1856 г. присутствует раздел «*Замечательные пожертвования*» [32, л. 1–19]. Отчет по Тульской епархии за 1865 г. включает раздел «*Оспопрививание*», но в нем отсутствует рубрикация внутри разделов, что можно признать недостатком документа [25, л. 1–12]. В отчете по Томской епархии за 1885 г. содержатся пункты «*Церковные библиотеки*» и «*Раскол*» [19, л. 1–19].

Епархиальные отчеты за 1856–1915 гг. [17, л. 1–29; 18, л. 1–57; 20, л. 1–33; 21, л. 1–60; 22, л. 1–38; 23, л. 1–6; 24, л. 1–25] включали пункт «*Состояние церковного письмоводства*» (в разделе о церквях). Согласно этим отчетам, церковное «*письмоводство*» в Тобольской епископии велось «*вообще удовлетворительно, за немногими сравнительно исключениями*», и занимались им преимущественно псаломщики под наблюдением местных священников, что соответствовало установленным правилам. Однако это вызывало нередко «*замечаемые недостатки в орфографии церковных документов, ибо псаломщики... без полного семинарского образования, а большинство — не окончившие курса даже в Духовных училищах*» [21, л. 7]; не везде причты были «*одинаково старательны и способны для этого дела*». Несмотря на это, архиепископ Варлаам в 1865 г. утверждал, что «*если где по церквям и были какие-либо недостатки или неисправности, то таковые по распоряжению начальства пополняются и исправляются*» [18, л. 22 об.].

Скорее всего главной проблемой церковного «*письмоводства*» в Тобольской епархии являлся недостаток подготовленных кадров; епископия охватывала очень большую территорию, многие приходы были отдалены от центра, обделены вниманием как со стороны епархиального начальства и благочинных, так и самих священно- и церковнослужителей, которые редко имели желание переезжать и работать в них. Ведь составлять «*церковные бумаги*» в тех епархиях, где не ощущался дефицит в духовных лицах, поручали тем из них, кто был более способен к этому занятию [27, л. 21]. В Тобольской же епархии такой выбор являлся «*непозволительной роскошью*». К тому же, согласно епархиальному отчету за 1865 г., до этого времени делопроизводство практически не контролировалось со стороны Тобольской духовной консистории:

«Ведение актов церковных и в приходах оказалось мало исправным из-за необразованности причтов и невозможности присмотра за ними от епархиального начальства. А окружающие благочинные сами исправлять этот недостаток были не в силах. Теперь всюду этот беспорядок предписывается выводить под строгую ответственность самих благочинных» [18, л. 14 об.].

Как писал в отчете Синоду в 1895 г. преосвященный Агафангел, епископ Тобольский и Сибирский, «*контингент духовенства, особенно в лице его низших членов — церковнослужителей, на обязанности которых главным образом и возлагается письмоводство по церкви и приходу, составляет еще и до сих пор желать многого*» [20, л. 8 об.]. Данная проблема не была полностью решена до исхода синодального периода. Так, в отчете за 1915 г. говорится: «*Состояние церковного письмоводства удовлетворительно, но в некоторых церквях при малообразованности и небрежности членов причта встречаются ошибки и неправильности при письме церковных документов*» [22, л. 19].

В отчетах других епархий состояние церковного «*письмоводства*» описывается сходным образом, недостатки в его ведении имелись практически во всех епископиях. Архиепиеи старались убедить благочинных, чтобы те тщательно проверяли документы, указывали на ошибки и требовали их исправления у причтов церквей. Главными упущениями назывались, в частности, недостаток знаний у псаломщиков (в тех епархиях, где документы составляли священники, «*письмоводство*» оценивалось как «*исправное и своевременное*» [29, л. 7 об.—8]) и «*неисправный ход земской почты*» [19, л. 19 об.]. Возможно, архиепископы, заботясь о своих подчиненных, пытались оградить священно- и церковнослужителей от взысканий за «*неисправное ведение*» документов, так как в самих отчетах оговаривается, что «*виновные подвергаются законному взысканию*» [29, л. 7 об.—8]. Духовные консистории, проверяя церковные документы и находя в них ошибки, делали, согласно отчетам, «*замечания и разъяснения*» [31, л. 15 об.].

В отчете о состоянии Тобольской епархии за 1915 г. говорится, что «*все документы при посещении церквей ревизуются о.о. благочинными, а по окончании года метрические книги и трехлетия обыскные и приходо-расходные книги представляются на ревизию в Консисторию, где о за-*



меченных опущениях в письмоводстве церковных документов составляются журналы и в случае важных отступлений от правил письмоводства виновные подвергаются взысканиям, предусмотренным уставом Духовных Консисторий» [22, л. 19 об.—20].

Следует согласиться с заключением О.П. Цысь о том, что на документооборот в Тобольской епархии влияло и ее расположение: из-за относительной удаленности уездного центра, не говоря уже об отдельных приходах, от путей сообщения замедлялись движение документов и процесс выполнения предписаний синодального и епархиального начальства [33, с. 105].

Таким образом, в отчетах о состоянии епархий содержатся важные сведения о различных

аспектах деятельности епископий, в том числе о состоянии консисторского и церковного делопроизводства. При сравнении отчетов по Тобольской епархии и другим епископиям выяснилось, что количество и названия разделов были общепринятыми и соблюдались во всех епархиях. Однако в отчетах, как и во многих иных видах документов, обнаруживается личностный фактор: епископы могли внести какой-либо раздел по своему усмотрению. Согласно этим отчетам, церковное «письмоводство» в Тобольской епископии велось в целом удовлетворительно, основными же причинами выявившихся недочетов можно считать недостаток подготовленных кадров, обширность епархии и отдаленность большинства приходов от центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Попов А.В.** Современные проблемы церковного архивоведения и архивного дела // Макарьевские чтения: матер. VII Междунар. конф. (21–23 ноября 2008 г.) / отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2008. С. 251–258.
2. **Старостин Е.В.** Архивное наследие Русской православной церкви: пути развития // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II. История. История Русской православной церкви. 2005. Вып. 1. С. 161–170.
3. **Смолич И.К.** История Русской церкви. 1700–1917. Кн. 8. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 420 с.
4. **Старостин Е.В.** Предисловие // Архивы Русской православной церкви: пути из прошлого в настоящее: сб. докл. I Междунар. науч. конф. (20–21 ноября 2003 г.) / гл. ред. А.Б. Безбородов. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2005. С. 11–17.
5. **Цыремпилова И.С.** Проблемы сохранения и использования православного культурного наследия в контексте государственно-церковных взаимоотношений в 1920–1930-х гг. (на матер. Байкальского региона) // Власть. 2010. № 7. С. 144–149.
6. **Русакова С.В.** Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX в. (по док. Гос. архива Тверской обл.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 222 с.
7. **Чижевский И.Л.** Церковное письмоводство: собрание правил, постановлений и форм к правильному ведению оногo / сост. на основании законов и указов Святейшего правительствующего синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Типолитография Окружного штаба, 1881. 393 с.
8. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. 3749. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830.
9. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVIII. 13239. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830.
10. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. X. 7450. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830.
11. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVII. 12508. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830.
12. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VII. 5585. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1832.
13. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 14409. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1841.
14. **Полное** собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. L. Отд. 2. 42701. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1876.
15. **Церковное** благоустройство: руководственные распоряжения по духовному ведомству и разъяснения по вопросам церковной практики. М.: Изд-во В.А. Маврицкого, 1882. 376 с.
16. **Малевицкий А.С.** Инструкция благочинному приходских церквей, изъясненная указами Святейшего синода, распоряжениями епархиального начальства, Сводом законов и церковной практикой: настоят. кн. для каждого священно- и церковнослужителя и церковного старосты. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1899. 338 с.
17. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 442. Д. 658.
18. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 442. Д. 229.
19. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 442. Д. 1107.
20. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 442. Д. 1592.

21. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2120.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2735.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2797.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1106.
25. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 230.
26. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 231.
27. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 656.
28. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 657.
29. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1108.
30. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1591.
31. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2119.
32. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2796.
33. Цысь О.П. О некоторых особенностях документооборота благочиния Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Сургутского церковного округа Тобольской епархии) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: колл. моногр. / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Ч. 10. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 89–107.

СПИЧАК Александра Владимировна – научный сотрудник *Нижневартовского государственного университета*.

Россия, 628600, Нижневартовск, ул. Ленина, 56
e-mail: spichak-89@mail.ru

A.V. Spichak

REPORTS ON THE STATE OF TOBOLSK DIOCESE 1856–1915 AS HISTORICAL SOURCE

One of the most important documents of the Russian Orthodox Church in the Synodal period of its history was the Bishop's reports to the Governing Holy Synod on the state of the dioceses, reflecting the main aspects of the Russian Orthodox Church in dioceses. The purpose of this article is to examine the content and presentation of reports on the state Tobolsk eparchy. The study was conducted at the intersection documental, historical, source study and historical and legal areas of study. Presents an analysis of the legislation on the status reports of the parishes, deaneries and dioceses, the results of the comparative analysis report of the Tobolsk diocese with similar documents in Tomsk, Tula, Ufa, Tver, Tambov dioceses. Special attention is paid to reflection in the diocesan records of the state office-work in the churches.

REPORTS ON THE STATE OF DIOCESE; REPORTS OF ARCHBISHOP; TOBOLSK DIOCESE;
CHURCH CLERICAL WORK; THE GOVERNING HOLY SYNOD.



REFERENCES

1. Popov A.V. [Modern problems of Church archival science and archival Affairs]. "Makar reading". *Proc. of the VII Int. conf. (21–23 November 2008)*. Gorno-Altaysk, GAGU Publ., 2008. Pp. 251–258. (In Russ.)
2. Starostin Ye.V. [Archival heritage of the Russian Orthodox Church: ways of development]. *Bulletin of St. Tikhon Orthodox Univ. for the Humanities*. Ser. II. History. *History Of The Russian Orthodox Church*, 2005, vol. 1, pp. 161–170. (In Russ.)
3. Smolich I.K. *Istoriya Russkoy tserkvi* [The History Of The Russian Church]. 1700–1917. B. 8, pt. 1. Moscow, The Spaso-Preobrazhensky Valaam monastery Publ., 1996. 420 p. (In Russ.)
4. Starostin Ye.V. [Preface]. [*The archives of the Russian Orthodox Church: journey from past to present: a Collection of papers of the I Int. scientific conf. (20–21 November 2003)*]. Moscow, Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2005. Pp. 11–17. (In Russ.)
5. Tsyrempilova I.S. [Problems of preservation and use of the Orthodox cultural heritage in the context of Church-state relations in the 1920–1930s (on the materials of the Baikal region)]. *Power*, 2010, no. 7, pp. 144–149. (In Russ.)
6. Rusakova S.V. *Evolutsiya sistemy dokumentirovaniya deyatelnosti gubernskikh uchrezhdeniy XVIII – nachala XIX v. (po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Tverskoy oblasti)*. Kand. dis. [The evolution of systems for documenting the activities of the provincial institutions of XVIII – early XIX centuries: the documents of the State archive of Tver region. Cand. diss.]. Moscow, 2006, 222 p. (In Russ.)
7. Chizhevskiy I.L. *Tserkovnoye pis'movodstvo* [Church paper work]. Kharkov, Tipolitografiya Okruzhnogo shtaba Publ., 1881. 393 p. (In Russ.)
8. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 1, vol. VI. 3749. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830. (In Russ.)
9. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 1, vol. XVIII. 13239. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830. (In Russ.)
10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 1, vol. X. 7450. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830. (In Russ.)
11. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 1, vol. XVII. 12508. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830. (In Russ.)
12. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 2, vol. VII. 5585. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1832. (In Russ.)
13. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 2, vol. XVI, p. 1. 14409. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1841. (In Russ.)
14. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 2, vol. L, p. 2. 42701. St. Petersburg, Typ. II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1876. (In Russ.)
15. *Tserkovnoye blagoustroystvo: rukovodstvennyye rasporyazheniya po dukhovnomu vedomstvu i razyasneniya po voprosam tserkovnoy praktiki* [Church improvement: Rukovoditelya order in the spiritual Department and clarification on matters of Church practice]. Moscow, V.A. Mavritskii Publ., 1882. 376 p. (In Russ.)
16. Malevinskiy A.S. *Instruktsiya blagochinnomu prikhodskikh tserkvey, izyasnennaya ukazami Svyateyshego sinoda, rasporyazheniyami yeparkhialnogo nachalstva, Svodom zakonov i tserkovnoy praktikoy: Nastoyatel'naya kniga dlya kazhdogo svyashchenno- i tserkovnosluzhitelya i tserkovnogo starosty* [Instructions for deans, the parish churches syazana decrees of the Holy Synod, the diocesan authorities, the laws and Church practice: the Imperative for every book is sacred- and clergymen and Church elders]. St. Petersburg, 1899. 338 p. (In Russ.)
17. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 658.
18. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 229.
19. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 1107.
20. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 1592.
21. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 2120.
22. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 2735.
23. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 2797.
24. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 1106.
25. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 230.
26. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 231.
27. [The Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 656.

28. [The Russian state historical archive]. F. 796.
Op. 442. D. 657.
29. [The Russian state historical archive]. F. 796.
Op. 442. D. 1108.
30. [The Russian state historical archive]. F. 796.
Op. 442. D. 1591.
31. [The Russian state historical archive]. F. 796.
Op. 442. D. 2119.
32. [The Russian state historical archive]. F. 796.
Op. 442. D. 2796.
33. Tsys' O.P. [Some features of the circulation of the deanery of the Russian Orthodox Church in second half XIX – beginning of XX centuries (on the example of Surgut Church district of the Tobolsk diocese)]. [*Source study and historiographical aspects of Siberian history*]. Collective monograph. Pt. 10. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovskiy gosudarstvennyy univ. Publ., 2015. Pp. 89–107. (In Russ.)

SPICHAK Aleksandra V. – *Nizhnevartovsk State University.*

Ul. Lenina, 56, Nizhnevartovsk, 628600

e-mail: spichak-89@mail.ru



DOI 10.5862/JHSS.255.6
УДК 94(47).07

К.В. Трояновский

ВОПРОС О СОСЛОВНОМ СТАТУСЕ МЕЛКОЙ ШЛЯХТЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рассмотрена государственная политика России в отношении беспоместной шляхты бывших польских территорий. Основное внимание уделено ее сословному аспекту. Отождествление шляхты с дворянством стало главной причиной проведения властями затянувшихся на десятки лет мероприятий по «разбору» шляхты, которые были направлены на исключение «недворянских» элементов. Более гибкий подход к определению места шляхты в социальной иерархии империи правительство продемонстрировало в 1829–1830 гг., когда разрабатывался проект, предусматривавший ее институализацию как отдельного привилегированного сословия со своим правовым статусом. После Ноябрьского восстания (1830–1831) в Польше российские власти не сочли возможным ради реорганизации шляхты изменять общеимперскую социальную структуру. Указом от 19 октября 1831 г. было введено новое сословие – однодворцев и граждан западных губерний. По замыслу властей это должно было стать главным средством интеграции безземельной шляхты в общественную структуру Российской империи.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ; ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ; СОСЛОВИЯ; ШЛЯХТА; ДВОРЯНСТВО; ЗАПАДНЫЕ ОДНОДВОРЦЫ.

В результате разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. Российская империя получила более половины ее территории с многомиллионным населением. Характерной особенностью исчезнувшего польско-литовского государства была многочисленность его высшего сословия – шляхты. По принятым в современной польской историографии оценкам, в середине XVIII в. речьпосполитское дворянство составляло 8–10 % населения [1, с. 4]. Итоги первой ревизии, проведенной российскими властями в 1795–1796 гг. на вновь присоединенных территориях, показали, что шляхта насчитывает свыше 250 тыс. «душ мужеска пола» [2, с. 158, 163, 164].

Старопольское дворянство представляло собой конгломерат различных по своему имущественному положению социальных групп. Значительное большинство дворян Речи Посполитой, превратившихся в подданных российского монарха, принадлежали к мелкой шляхте. Современники подразделяли ее на несколько категорий. «Чиншевая» шляхта по договоренности с помещиками владела небольшими уча-

стками земли, которые обрабатывала своими руками, платя своеобразную ренту в виде чинша¹. «Околичные» шляхтичи, жившие в обособленных поселениях, как правило, также сами трудились на земле, которая принадлежала им на праве собственности. К «служебной» шляхте причисляли всех шляхтичей, служивших по найму в помещичьих имениях, начиная от управителей имений и экономов и заканчивая камердинерами, поварами, конюхами и т. п.

С момента проведения общероссийской ревизии 1795 г. власти империи выделяли в бывшем привилегированном сословии Речи Посполитой особые социальные группы, не

¹Чинш (*польск.* Czynsz) – денежная сумма, ежегодно выплачиваемая нанимателем земли ее собственнику. Размер чинша устанавливался при заключении соглашения о передаче земли в чиншевое владение на весь срок его действия. Соглашение между чиншевиком и собственником земли могло быть как срочным, так и бессрочным. В последнем случае чиншевый участок земли мог переходить по наследству или быть уступлен третьему лицу.

владевшие крепостными. Они были зафиксированы в ревизских ведомостях под своими традиционными наименованиями — «чиншевая», «околичная» и «неоседлая» шляхта [3].

Высокая численность шляхетского сословия в западных областях империи во многом определила осторожное отношение властей к этой общественной группе. Во время правления Павла I и Александра I центральное правительство придерживалось в отношении старопольского дворянства политики статус-кво. До Ноябрьского восстания (1830–1831) в Польше в Западном крае существовала многочисленная региональная группа, пользовавшаяся привилегиями дворянства империи без получения формального признания своего «благородного» статуса со стороны Герольдии. Будучи политической элитой польско-литовского государства, шляхта, оказавшись под юрисдикцией российского монарха, продолжала считать себя высшим сословием и не находила нужным получать на это санкцию новых властей. В первые два десятилетия XIX в. слово «шляхта» приобрело у российских чиновников специфическое значение: в административных кругах империи под шляхтой стали понимать не всё высшее сословие исчезнувшей Речи Посполитой, а только ее малоимущую часть, которая собственным трудом зарабатывала средства для жизни.

Изучение истории дворянства (в том числе и мелкой шляхты), оказавшегося по итогам разделов польско-литовского государства в пределах Российской империи, занимает важное место в современной историографии Белоруссии, Литвы, Польши, Украины². Однако историки не уделяют достаточного внимания изучению сословного аспекта политики имперской России в отношении беспоместного нобилитета бывших польских областей³. В то же время в российской и зарубежной историографии интерес к истории сословий в XVIII – начале XX в. растет, о чем свидетельствует появление новых работ по широкому кругу сословной

проблематики⁴. Цель настоящей статьи – рассмотреть, как разрабатывались и реализовывались правительственные меры в отношении шляхты бывших польских территорий в первой половине XIX в.

Практически сразу же после завершения разделов Речи Посполитой перед российским правительством встал вопрос об определении места беспоместной шляхты в сословной иерархии империи. Прежде в России слово «шляхта» воспринималось как синоним «дворянства». Однако уже во время проведения ревизии 1795 г. у властей возникли сомнения в том, можно ли земледельцев, называющих себя шляхтичами, безоговорочно признавать дворянами. По инициативе фискального ведомства Сенат 25 сентября 1800 г. предписал «чиншевой, околичной и другого звания» шляхте представить в двухгодичный срок доказательство своего «благородного» происхождения [8, л. 33–39]. Еще в 1795 г. Екатерина II разрешила беспоместным шляхтичам вновь присоединенных территорий доказывать свое «благородство», приняв в руководство Жалованную грамоту дворянству 1785 г. [9, с. 694–695]. В связи с этим представляемые шляхтичами документы должны были соответствовать требованиям Грамоты. В ней перечислялись 15 основных видов доказательств дворянства, которые должны были подтверждать одно или несколько главных условий для утверждения в «благородном» достоинстве: монаршее пожалование дворянства просителям или их предкам, получение права на это звание за заслуги на государственной службе или владение именьями с крепостными крестьянами [10, с. 354–355]. Такие требования, а также нежелание властей принимать во внимание отличия польской концепции «благородства» от российской имели серьезные последствия для дальнейшей судьбы шляхты в Российской империи.

В отличие от России, где дворянство имело служилый характер и ассоциировалось с владением поместьями и крепостными, в Польше «шляхетство... понималось всегда как качество крови, а не как имущественное положение лица, и передавалось от отца детям без всяко-

² Литературу по этой проблематике см.: 4, с. 943–970.

³ В советской и российской историографии существует только одна обзорная статья на эту тему [См.: 5].

⁴ Новейшую подробную библиографию по сословной истории России см.: 6, с. 261–273; 7, с. 85–86, 231–232, 325–327, 515–516, 547–548.



го отношения к имуществу» [11, с. 322–323, прим. 61; 12, с. 15]. У многих представителей бедной шляхты необходимых доказательств на руках не было, так как в Речи Посполитой не существовало центрального государственного органа, занимавшегося документированием дворянского статуса. Беспоместные шляхтичи редко имели дело с судами, где при совершении сделок с недвижимостью в документах фиксировался сословный статус. Принадлежность к дворянству санкционировалась главным образом общественным мнением. Дворянином считался тот, кого признавали таковым в местном сообществе.

Срок подачи документов для «легитимации»⁵ неоднократно продлевался под предлогом того, что документы многих шляхтичей находились на бывших польских территориях, отошедших к Австрии и Пруссии. К 1830 г. у российских властей не было достоверной информации о количестве шляхты, доказавшей дворянство в губернских дворянских собраниях Западного края, а принимаемые в отношении мелкой шляхты меры ограничивались лишь попытками точного учета с целью недопущения в ее ряды «самозванцев». Так, в 1811 г. при проведении ревизии киевские губернские власти обнаружили на Киевщине большое количество «неизвестных людей», записавшихся в ревизских ведомостях как шляхтичи. В ходе расследования чиновники пришли к выводу, что эти люди не имеют никакого отношения к шляхте, а являются мещанами, крестьянами, дворовыми людьми, беглыми солдатами из литовских и белорусских губерний. Ввиду этого киевская администрация обратилась в Петербург с инициативой провести проверку всей мелкой шляхты. Инициатива была одобрена, и в ходе 7-й ревизии 1816 г. на губернские комиссии по приему ревизских сказок была возложена обязанность сличить вновь подаваемые шляхтой сказки с ревизскими реестрами 1795 г. Тех из шляхтичей, кто не был записан в этом качестве по ревизии 1795 г. или же не имел доказательств о своем происхождении, надлежало включить в особые списки, которые позднее должны были рассматриваться в Сенате [13, с. 465–467]. Этот

«разбор» затянулся вплоть до 1830 г., но так и не был закончен.

На протяжении 1800–1820-х гг. наряду с рассортировкой шляхты на «настоящих» дворян и «самозванцев» в правящих кругах периодически возникали проекты по ее преобразованию в новое, «полезное» для государства сословие. Преобладала идея формирования из шляхты полков легкой кавалерии и предоставления ей в пользование казенных земель за умеренную плату. В 1807–1808 гг. в Государственном совете обсуждался план формирования из мелкой шляхты конных полков [14, стлб. 744–747]. Подобные предложения поступали от отдельных губернаторов западных окраин и позднее [15]. Однако все эти проекты после недолгого обсуждения неизменно оказывались в архивах министерств или Сената.

С восшествием на престол Николая I возобновилась разработка проектов по административно-правовой интеграции мелкой шляхты в социальную структуру империи. Проблема определения сословного статуса малоимущей шляхты оказалась тесно связанной с желанием молодого императора навести порядок в господствующем сословии империи, исключив из него «недворянские» элементы. Для этих целей в 1828 г. при Сенате был учрежден особый комитет «для начертания правил о производстве ревизии действий дворянских депутатских собраний и положительного определения дворянских родов» [16, л. 48–49]. На основе этих «правил» в 1834 г. началась ревизия деятельности губернских дворянских собраний в масштабе всей империи (за исключением закавказских губерний). Шляхетский вопрос оказывал влияние на формирование правительственной политики в отношении всего дворянства империи.

В июне 1829 г. царь распорядился об учреждении комиссии «для составления Положения о шляхте, находящейся в присоединенных от Польши губерниях» [17, с. 445]. Разработанный чиновниками среднего звена трех министерств – военного, финансов и внутренних дел – проект «Положения» предусматривал институализацию мелкой шляхты как особого привилегированного сословия в Западном крае. Шляхта официально сохраняла за собой свое наименование, а с ним и общественный престиж, связанный со статусом высшего сословия Речи Посполитой. Даже после начала

⁵ В западных губерниях процесс доказывания шляхтичами своего «благородного» происхождения.

в Польше Ноябрьского восстания (1830–1831) работа над проектом «Положения» продолжалась. К середине 1831 г. он находился только на первой стадии доработки – нормы «Положения» согласовывались на министерском уровне, после чего оно должно было поступить на обсуждение в Сенат. Вера Николая I в «перекровку» нерусского населения при помощи государственной службы нашла свое выражение в том, что главной целью проекта было создание условий для выполнения всеми достигшими совершеннолетия шляхтичами воинской повинности. Для этого разрабатывалась особая система их призыва на 8-летнюю службу в уланских и других кавалерийских полках. Фискальный интерес для властей оставался на заднем плане: лишь для небольшой части мелкой шляхты устанавливался специальный денежный налог [18].

Если до ноября 1830 г. шляхетский вопрос имел для российских властей главным образом сословно-правовой аспект, то с началом восстания в Польше он приобрел также отчетливо политический характер. Это и предопределило появление программы ограничительных в отношении шляхты мер, санкционированных указом от 19 октября 1831 г. Принципиально другой уровень значимости для верховной власти этого вопроса отразился в том факте, что октябрьский указ был подготовлен в Комитете по делам западных губерний – высшем правительственном органе, специально созданном для разработки законодательства и формирования политики империи в Западном крае.

Восстание 1830–1831 гг. в Польше перекрестило планы самодержавия по созданию из беспоместной шляхты особого полупривилегированного сословия с сохранением его традиционного наименования. В 1831 г. центральная власть взяла целенаправленный курс на деполонизацию западных губерний, что сразу же сказалось на судьбах речьпосполитского дворянства. 19 октября 1831 г. Николай I подписал указ о создании из мелкой шляхты нового сословия однодворцев и граждан западных губерний. Целью указа была юридическая ликвидация шляхты как бывшего привилегированного сословия Речи Посполитой, пользовавшегося де-факто правами дворянства Российской империи. Согласно указу, устанавливалось «определяющее раз-

личие между действительными шляхтичами, т. е. доказавшими установленным порядком свое достоинство и признанными в оном Герольдиею, и лицами, именующимися шляхтою без утверждения присвоаемого себе достоинства законными доказательствами» [19, с. 134–138]. Первые, как настоящие дворяне, продолжали пользоваться своими сословными правами в полном объеме, а последние должны были составить новое сословие, получив в зависимости от места жительства соответствующее наименование: сельские жители теперь назывались однодворцами, жители городов – гражданами (с прибавлением названия той губернии, где они проживают). В ходе «разбора» 1831–1834 гг. беспоместные шляхтичи были юридически отделены от шляхтичей-посессионатов, владевших поместьями и крепостными.

Введение сословия западных однодворцев и граждан совпало по времени с юридическим оформлением социальной структуры империи. Сложившаяся к этому моменту четырехчастная модель организации общества, состоявшего из дворян, духовенства, городских и сельских обывателей, была закреплена в 1832 г. с изданием IX тома Свода законов Российской империи «О состояниях» [20, с. 80; 21]. Поскольку центральная власть перестала молчаливо признавать за всеми мелкими шляхтичами де-факто дворянский статус, в сословной иерархии империи для тех из них, кто не мог доказать дворянства, оставалось место лишь в широкой категории сельских и городских обывателей.

Смысл указа 1831 г., исключавшего из официального пространства власти в западных губерниях употребление слова «шляхта» и его производных, заключался прежде всего в символическом дистанцировании российского самодержавия от высшего сословия польско-литовского государства. Все шляхтичи, утвержденные Герольдией, должны были впредь именоваться «дворянами», а само слово «шляхта» отныне исключалось из публичных и судебных актов, издаваемых на русском языке. Власти выдвинули шляхте требования, в соответствии с которыми имелись лишь два варианта определения ее будущего социального статуса: либо путем получения статуса дворян империи (при условии утверждения их в дворянстве Герольдией), либо путем записи в однодворцы или другие



податные сословия⁶. Допускавшееся властями до 1831 г. существование в западных губерниях шляхты как де-факто дворянского сословия отныне исключалось.

Имея основные признаки податного сословия, новая административно-правовая категория приобретала и определенные привилегии: вместо подушной подати западные однодворцы и граждане облагались подымным сбором, т. е. налогом с домохозяйства; в отношении же рекрутской повинности срок их службы составлял 15 лет вместо 25, предусмотренных для крестьян и мещан.

По замыслу властей вновь созданное сословие однодворцев и граждан западных губерний должно было стать своеобразным резервуаром для всей шляхты, которая не получит утверждения в дворянстве. Процесс рассмотрения шляхетских доказательств Герольдией и подведомственными ей учреждениями затянулся на несколько десятков лет. Бывшее привилегированное сословие Польши оказалось юридически разделенным на три большие группы: 1) лиц, утвержденных центральными органами власти в российском дворянстве; 2) лиц, подавших документы в Герольдию (или собирающих дополнительные документы) и ожидающих ее окончательного решения (эта категория до 1865 г. пользовалась отсрочкой от записи в податные сословия); 3) граждан и однодворцев западных губерний⁷.

Кризис доверия имперских властей к дворянским собраниям западных губерний повлек за собой масштабную проверку их резолюций по признанию шляхетских родов во дворянстве. В 1840-х гг. в Киеве и Вильне работали специальные ревизионные комиссии, которые признали неправильно внесенными в губернские дворянские книги свыше 157 тыс. лиц [23, л. 235 об.—236; 24, л. 35—36]. Для сохранения своих сословных привилегий польские помещики были вынуждены доказывать свое «благородное» происхождение в Петербурге. Таким образом, власти стремились продемонстрировать, что источником легитимности владения поместьями и крепостными в западных губерниях яв-

ляется исключительно российская монархия, а не право и традиция Речи Посполитой. Большое количество не утвержденных в российском дворянстве беспоместных шляхтичей подрывало авторитет шляхты в Западном крае.

«Разборы» шляхты, а также других высших сословий окраин поставили перед центральной властью два важных вопроса: о границах дворянского сословия и о его характере как господствующей элиты империи. Помимо того, что высшее сословие России постоянно расширялось за счет выслуживших чины или награжденных орденами военных и чиновников, присоединение к империи новых территорий поставило острые вопросы о правах и привилегиях региональных элит, о возможности уравнивания их статуса с имперским дворянством. Вероятно, Николаем I ставилась задача унификации высших сословий национальных окраин по общеимперскому образцу с целью создания лояльной престолу гомогенной элиты, служащей скрепами различных частей империи. Вместе с тем проблемы интеграции и определения сословного статуса окраинных элит повлияли на эволюцию дворянского сословия в России [25, с. 398—399]. Изучая проблему признания правительством крымских мурз в качестве дворян, К. О'Нилл сделал вывод, что в ходе рассмотрения их прав происходило переосмысление значения самого российского дворянства. Ревизия определений Таврического дворянского собрания о признании в дворянстве и решения Сената 1830—1840-х гг., ограничившие доступ в ряды «благородного» сословия, превратили дворянство из инструмента потенциальной интеграции в монолитный институт.

Господствовавшее в административно-бюрократическом пространстве видение общества состоящим из сословий во многом влияло на формирование политического курса в отношении мелкой шляхты. Сословная концептуализация социума обусловила появление проектов по преобразованию шляхетской массы и меры в отношении лиц, не включенных в сословие однодворцев и граждан. Сословие было тем институтом управления, который обеспечивал «гласность», т. е. известность [См.: 26, с. 364], каждого подданного для государства. Как административно-правовой институт оно ставило ограничения и во многом структурировало действия имперских властей в отношении мел-

⁶ По подсчетам Д. Бовуа, в 1831—1853 гг. в Волынской, Киевской и Подольской губерниях было «декласировано» более 340 тыс. шляхтичей [См.: 4, с. 410].

⁷ Ср.: 22, с. 11.

кой шляхты. Так, разрешив указом от 19 октября 1831 г. шляхтичам, признанным губернскими собраниями дворянами, временно пользоваться старыми привилегиями, правительство невольно создало юридическое препятствие для их приписки во время «разбора» в граждане и однодворцы.

Введение нового сословия — однодворцев и граждан западных губерний, регистрация не доказавших своего дворянства шляхтичей в податных обществах крестьян, мещан и западных однодворцев (до 1847 г.) виделись

властям главным средством интеграции безземельной шляхты в общественно-государственную структуру империи. Представляется, что в этот период правительство и власти западных пограничных губерний не причисляли безоговорочно мелкую шляхту к польскому народу. В донациональную эпоху имперские чиновники воспринимали беспоместную шляхту скорее как сословную группу и руководствовались при разработке и реализации политического курса в ее отношении главным образом сословными категориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rostworowski E. *Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty?* // *Kwartalnik Historyczny, rocznik XCIV*. 1988. No. 3. S. 3–39.
2. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // *История СССР*. 1971. № 4. С. 153–169.
3. Национальный исторический архив Белоруссии. Ф. 333. Оп. 9. Д. 1, 3, 7 и др.
4. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / пер. с фр. М.А. Крисань. М.: Нов. лит. обозр., 2011. 1008 с.
5. Неупокоев В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* Т. VI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1974. С. 8–22.
6. Smith A.K. *For the Common Good and Their Own Well-Being. Social Estates in Imperial Russia*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2014. 278 p.
7. Иванова Н.А., Желтгова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XIX века) М.: Нов. хронограф, 2010. 752 с.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Ч. I.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. В 45 т. Т. 23. № 17327. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 т. Т. 22. № 16187. СПб., 1830.
11. Незабитовский В.А. Собрание сочинений. Киев: Изд. совета Университета Св. Владимира, 1884. 369 с.
12. Лисенко С., Чернецький Є. Правобережна шляхта: кінець XVIII – перша половина XX ст. Біла Церква: Видавець О.В. Пшонківський, 2007. 448 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 т. Т. 33. № 26108. СПб., 1830.
14. Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1878.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 4а. 1812 г. Кн. 58. Д. 421.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 1. 1827 г. Д. 64.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. В 55 т. Т. 4. № 2948. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830–1885.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 5. 1830 г. Д. 648а.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. В 55 т. Т. 6. Отд. 2. № 4869. СПб., 1830–1885.
20. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
21. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Rev.* 1986. Vol. 91, no. 1. Pp. 11–36.
22. Макарэвіч В.С. Дробная шляхта Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст.: склад і эвалюцыя сацыяльна-прававага становішча: аўтарэферат дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2009. 23 с.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 58. Д. 567.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 58. Д. 656.
25. O'Neill K. Rethinking Elite Integration: Crimean Murzas and The Evolution of Russian Nobility // *Cahiers du monde russe*. 2010. Т. 51. No. 2–3. Pp. 397–417.
26. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. «А–З». СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.



ТРОЯНОВСКИЙ Константин Вадимович — аспирант Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Россия, 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17

e-mail: troianowski@rambler.ru

K. V. Troyanowskiy

THE PROBLEM OF WESTERN PROVINCES PETTY NOBILITY'S POSITIONING IN SOCIAL HIERARCHY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article focuses on imperial policies towards petty nobility which after the partitions of Poland-Lithuania's Commonwealth became subjects of the Russian monarchs. Given that Russian imperial society was conceptualized as consisted of four broad social estates (sosloviia) nobility, clergy, urban and rural dwellers, the influence of social estate aspects on policies' formulation is investigated. Perception of szlachta social estate as an equivalent to the Russian nobility was the primary motive for a series of measures designed to sort out petty szlachta into "authentic" nobles and usurpers. Imperial administrators demonstrated more flexible approach in 1829–1830 when elaborating a project that institutionalised minor szlachta as a separate social estate with a privileged status. After the Polish insurrection of 1830–1831 Russian authorities abandoned the idea of adjusting soslovie estate structure of the empire to accommodate petty szlachta. A decree of 19 October 1831 established a new social estate of western *odnodvortsy* to accumulate szlachta whose noble status was not approved by the authorities. Devised as a semi-privileged status group it was seen by the Russian officials as a primary instrument to integrate petty szlachta into imperial social structures.

RUSSIAN EMPIRE; WESTERN PROVINCES; SOCIAL ESTATES (SOSLOVIYA); SHLYACHTA; NOBILITY; WESTERN ODNODVORTSY.

REFERENCES

1. Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? [What Was the Number of Szlachta Citizens in the Polish-Lithuanian Commonwealth?]. *Kwartalnik Historyczny*, rocznik XCIV, 1988, no. 3, pp. 3–39.

2. Kabuzan V.M., Troitskiy S.M. [Changes in the Number, Relative Weight and Geographical Distribution of the Nobility in Russia in 1782–1858]. *Istoriya SSSR*, 1971, no. 4, pp. 153–169. (In Russ.)

3. Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belorussii. F. 333. Op. 9. D. 1, 3, 7.

4. Beauvois D. *Gordiyev uzel Rossiyskoy imperii: vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine* [Gordian Knot

of the Russian Empire: Power, Szlachta and the People at the Right-Bank Ukraine] (1793–1914). Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. 1008 p. (In Russ.)

5. Neupokoyev V.I. [Transformation of landless szlachta in Lithuania into a taxable social estate of *odnodvortsy* and *grazhdane* (the second third of the 19th century)]. *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg.* T. VI. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1974. Pp. 8–22. (In Russ.)

6. Smith A.K. *For the Common Good and Their Own Well-Being. Social Estates in Imperial Russia*. New York, Oxford Univ. Press, 2014. 278 p.

7. Ivanova N.A., Zheltova V.P. *Soslovnaya obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XIX veka)* [Social Estates' Society of the Russian Empire (18th – beginning of the 19th Century)]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2010. 752 p. (In Russ.)

8. [Russian State Historical Archive]. F. 1341. Op. 1. D. 346. Ch. I.

9. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 1]. In 45 vol. Of vol. 23. No. 17327. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830. (In Russ.)

10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 1]. In 45 vol. Of vol. 22. No. 16187. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)

11. Nezabitovskiy V.A. [Collection of Works]. Kiyev, Univ. Sv. Vladimira Publ., 1884. 369 p. (In Russ.)

12. Lisenko S., Chernetskiy Ye. *Pravoberezhnaya shlyakhta: kinets XVIII – persha polovina XX st.* [Right-Bank Szlachta: the End of the 18th – the First Half of the 19th Century]. Bila Tserkva, Vidavets O.V. Pshonkivskiy Publ., 2007. 448 p.

13. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 1]. In 45 vol. Of vol. 33. No. 26108. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)

14. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta* [Archive of the State Council]. Of vol. 3, pt. 1. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1878. (In Russ.)

15. [Russian State Historical Archive]. F. 1284. Op. 4a. 1812 g. Kn. 58. D. 421.

16. [Russian State Historical Archive]. F. 1149. Op. 1. 1827 g. D. 64.

17. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 2]. In 55 vol. Of vol. 4. No. 2948.

St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830–1885. (In Russ.)

18. [Russian State Historical Archive]. F. 1286. Op. 5. 1830. D. 648a.

19. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 2]. In 55 vol. Of vol. 6. Otd. 2. No. 4869. St. Petersburg, 1830–1885. (In Russ.)

20. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia in Imperial Period (the 18th – beginning of the 20th Century: A Genesis of Personality, Democratic Family, Civil Society and the Rechtsstaat]. In 2 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1999. 548 p. (In Russ.)

21. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History. *American Historical Rev.*, 1986, vol. 91, no. 1, pp. 11–36.

22. Makarevich V.S. *Drobnaya shlyakhta Belarusi u 30-60-ya gg. XIX st.: Sklad i evalyutsyya satsyyalna-pravavoga stanovishcha: autareferat dys. ... kand. gist. nauk* [Petty Nobility of Belarus in the Thirties-Sixties of the 19th Century: Composition and Evolution of Social-Legal Status. Abstr. cand. diss.]. Minsk, 2009. 23 p.

23. [Russian State Historical Archive]. F. 1343. Op. 58. D. 567.

24. [Russian State Historical Archive]. F. 1343. Op. 58. D. 656.

25. O'Neill K. Rethinking Elite Integration: Crimean Murzas and The Evolution of Russian Nobility. *Cahiers du monde russe*, 2010, vol. 51, no. 2–3, pp. 397–417.

26. Dahl' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Of vol. 1. "A–Z". St. Petersburg, Moscow, Izdalel'stvo knigoprodavtsa-tipografa M.O. Volfa Publ., 1880. 723 p. (In Russ.)

TROYANOWSKIY Konstantin V. – National Research University "Higher School of Economics".

Promyshlennaya ul., 17, St. Petersburg, 198099, Russia

e-mail: troianowski@rambler.ru



ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА СЕРЕДНЯЦКИХ ХОЗЯЙСТВ В ПЕРИОД НЭПА (по материалам Пензенской губернии)

В статье анализируется аграрная политика большевиков в первое десятилетие советской власти: изменение отношения к среднему крестьянству и формирование из них главной силы сельского хозяйства. Выявлены неоднородность середняцких хозяйств, их деление на три категории: «зажиточные», «средние» и «маломощные», которые имели тенденцию перехода к бедняцким хозяйствам. Рассмотрено экономическое состояние средних крестьянских хозяйств: изба, наличие хозяйственных построек, количество рабочего и мертвого инвентаря, применение машинной техники. Автор приходит к выводу, что уравнительное перераспределение земли способствовало осереднячиванию деревни. В период нэпа восстановление народного хозяйства шло медленными темпами и социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств на фоне общего обнищания деревни. Сельскохозяйственные орудия оставались примитивными. Хозяйство середняка было экономически слабым.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ; АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА; КРЕСТЬЯНЕ; СЕРЕДНЯК.

Современная историография вновь и вновь открывает для себя мир крестьян. По меткому выражению историков-аграрников, они до сих пор являются «великим незнакомцем», продолжается изучение их социального типа, образа жизни, ментальности, культуры, влияния на них аграрных преобразований [20]. В настоящее время отмечается повышенный интерес исследователей к «изменчивым сферам бытия социума», распространению новаций, трансформации повседневной жизни [1, с. 5]. С использованием регионального материала предпринимаются попытки воссоздать типичные картины «повседневности и уровня жизни» населения страны [17, с. 285]. Рассматриваются положение, образ жизни и отношение различных социальных групп крестьянства к процессу социальной дифференциации социальной политики государства [2], социальные проблемы и противоречия [8].

Проведенные большевиками национализация и социализация земли коренным образом изменили судьбу российских крестьян. Право собственности на землю, не только помещиков, но и крестьян, переходило государству. Конфискованная земля передавалась в распоряже-

ние волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Крестьяне, желавшие обрабатывать землю своим трудом, получали ее на праве пользования. Декрет о земле и Основной закон о социализации земли предусматривали возможность различных форм землепользования, выбираемых крестьянами добровольно, в то же время выдвигая на первый план коллективные формы хозяйства [5]. Острыми вопросами были состав распределяемых земель, порядок предоставления, нормы и разверсточные единицы отвода земли. Распределялись все конфискованные земли, за исключением тех, которые были предназначены для организации советских хозяйств.

Весной – осенью 1919 г. был издан ряд декретов, упорядочивавших отношения между государством и середняком. В апреле 1919 г. вышел декрет ВЦИК «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного Революционного налога», по которому среднее крестьянство освобождалось от налога или облагалось небольшими суммами [10, с. 100]. Развитию крестьянского единоличного хозяйства также содействовали декреты ВЦИК «О льготах по взысканию на-

турального налога» от 26 апреля 1919 г., декрет СНК «О льготах по обложению сельских хозяйств натуральным налогом в 1919 г.» от 15 октября 1919 г. [6]. Введенный продналог, оставляя на первом месте потребности государства, был «компромиссом социально-экономического характера, на который вынуждены были пойти правящие круги для восстановления политической стабильности»; он был крайне важен для крестьян – «кажушаяся определенность позиции власти открывала возможность выстраивания стратегии развития своего хозяйства» [3, с. 68]. В период 1920-х гг. налоговая политика претерпевала изменения. Первоначально налогообложение строилось на основе так называемой «ступенчатой шкалы», при которой налоговые ставки зависели от количества пахотно-сенокосной земли, приходившейся на одного едока. В 1924 г. она была заменена на «скользящую» прогрессию, предполагавшую последовательное обложение каждой отдельной десятины на едока. Объектом обложения сельхозналога были земля и скот. С 1926 г. стал применяться принцип подоходного обложения и размер налога зависел от величины совокупного дохода крестьянского хозяйства, учитывая доход от садоводства, огородничества, птицеводства и промыслов. Вместо десятины пашни вводилась новая единица обложения – рубль дохода. Динамика развития налоговой политики демонстрировала постепенный рост средних слоев крестьянства [3].

Главным направлением социально-экономической политики государства в годы нэпа стало осереднячивание деревни [9]. На XV партийной конференции в 1926 г. подчеркивалось, что «средняцкая масса деревни... остается по-прежнему главной силой земледелия» [12, с. 77]. Однако она не была однородной по своему составу, так как пополнялась за счет как сокращения крупных хозяйств, так и включения маломощных групп вчерашних бедняков. Таким образом, следствием проводимой аграрной политики главной фигурой советской доколхозной деревни было среднее крестьянство. Что же представляло собой хозяйство середняка в середине 1920-х гг.?

Данные материалов крестьянских бюджетов Центрально-земледельческого района, который включал основную территорию губерний Центрального Черноземья (Воронежской,

Курской, Тамбовской, Орловской, Рязанской и Тульской), за 1924–1925 гг. показывают, что семья середняка состояла в основном из 4,8 едока, 3,8 трудоспособного работника обоего пола и имела 7,6 десятины посева, 1,2 лошади и 1,1 коровы. Средства производства хозяйства оценивались в 721,1 рубля, из которых рабочему скоту принадлежало 37 % стоимости, постройкам – 24 %, запасам – 22 % и сельскохозяйственному инвентарю – 17 % [10, с. 287]. Характеристика семьи середняка Центрально-промышленного района, охватывающего Московскую, Калужскую, Тверскую, Ярославскую и Владимирскую губернии, выглядела иначе. В среднем она имела 3,8 едока, 2,3 работника, 4,4 десятины посева, 1,1 лошади, 1,4 коровы. Средства производства составляли 767,2 рубля, из которых к рабочему скоту относилось 35 %, постройкам – 32 % и сельскохозяйственному инвентарю – 21 % [Там же. С. 288].

Производственные отношения средняцких хозяйств характеризовались активным участием в найме-сдаче земли и средств производства. Разрешение на сдачу земли в аренду и применение наемного труда было направлено на увеличение товарности крестьянских хозяйств [14, с. 109]. В 1924–1925 гг. участниками таких отношений были 45 % средняцких хозяйств Центрально-земледельческого и 36 % Центрально-промышленного района. Причем 86 % хозяйств в первом из указанных экономических районов и 92 % во втором участвовали в аренде земли, что было связано с избытком средств производства и рабочих рук. В результате запашка земли в хозяйствах, прибегавших к аренде земли, увеличивалась на 25–30 %. Напротив, к сдаче земли в аренду середняки прибегали реже. Они активно участвовали в отношениях найма-сдачи средств производства: к найму прибегали 15 % средняцких хозяйств по Центрально-промышленному району и 22 % по Центрально-земледельческому, сдавали их соответственно 25 и 42 % [10, с. 288]. Сдача инвентаря в наем была одной из доходнейших статей хозяйства. В условиях натуральной экономики, слабого развития товарно-денежных отношений оплатой за наем средств производства чаще всего служили отработки или часть урожая натурой. Отработки обеспечивали хозяйство дающего даровой рабочей силой.



Рассмотрим более подробно состояние крестьянских хозяйств середняков на примере Пензенской губернии, относящейся к Средневожскому экономическому району, используя данные исследований, проводившихся в тот период времени. Основным занятием населения Пензенской губернии являлось сельское хозяйство, в котором было занято 91,5 % всего населения. Больше всего было развито полеводство, что соответствовало характеру естественных факторов.

Реализуя на практике политику государства «Лицом к деревне», Пензенский губком РКП(б) с октября 1924 по апрель 1925 г. провел комплексное обследование жизни и быта крестьян губернии. Исследование производилось в ее наиболее характерных районах: пригородном (Валяевская и Оленевская волости Пензенского уезда), прифабричном (Н.-Шкафтинская волость Городищенского уезда), сплошь земледельческом (Свищевская волость Чембарского уезда) и в районах с татарским (Кривозерьевская волость) и мордовским (Атюрьевская волость) населением. Программа исследования содержала более 60 вопросов, охватывающих разные стороны жизни крестьян. В итоге члены комиссии побывали в 28 волостях и познакомились с жизнью 32 730 крестьянских хозяйств. Они изучали их историю, состояние, беседовали с крестьянами и комсомольскими, партийными активистами. Одним из главных выводов, который они сделали, заключался в том, что восстановление крестьянских хозяйств шло медленными темпами, характеризовалось слабой обеспеченностью скотом и сельскохозяйственным инвентарем и свидетельствовало «скорее о более или менее ровном хозяйственном подъеме деревни, чем о ее расслоении» [19, с. 15].

К середняцким члены комиссии отнесли 53,9 % обследованных крестьянских хозяйств. Большинство середняков находилось в земледельческом районе (72,7 %), меньше всего их было в татарском районе (31,4 %). Выявленные кулацкие хозяйства составили 2,6 %. Наибольшее их количество было отнесено к пригородному и татарскому районам (4 %). К бедняцким было причислено 43,5 % хозяйств. Среди районов первое место по количеству бедняков занял татарский (64,6 %), меньше всего (25,9 %) их было в земледельческом районе [Там же. С. 22].

Средняцкие хозяйства были неоднородны, и члены комиссии поделили их на три категории. «Зажиточные» отличались большими семьями и соответственно имели большее количество рабочих рук. По распределительной норме у таких хозяйств было больше земли. Они имели корову и лошадь, пропашной инвентарь, преимущественно плуг. «Зажиточные» хозяйства составляли всего 7 %. Основную массу представлял «средний» слой. У таких хозяйств была неполная обеспеченность «живым инвентарем», землю в них обрабатывали сохой. «Маломощных» было достаточно много (примерно 40 % от середняцких хозяйств). Члены комиссии не всегда могли отделить их от «средней» категории и объединяли с ней при подсчетах. «Маломощные» середняцкие крестьянские хозяйства были наиболее уязвимы и в период неурожая окончательно разорялись и переходили в «бедняцкую группу» [Там же. С. 24].

У разных категорий крестьян состояние избы и двора с хозяйственными постройками отличалось. У зажиточных крестьян имелись отдельные помещения для разных хозяйственных нужд, бедные использовали для них одну постройку.

Рассмотрим, что представлял собой двор середняцких хозяйств. Описание таких дворов содержится в исследованиях этнографов Н.И. Спрыгиной и Б.Н. Гвоздева, проводивших исследования пензенской деревни в 1923 гг. [См.: 13]. Сразу оговоримся, что хозяйства для исследования выбирались волостными исполкомами, т. е. представляли собой «эталон» середняка. Имеющиеся описания русских, мордовских и татарских крестьянских хозяйств свидетельствуют, что независимо от национальной принадлежности их состояние — наличие или отсутствие необходимых построек — зависело только от степени экономической мощности хозяйства.

В качестве примера возьмем двор середняка Ф.Н. Сарайкина из мордовского села Пазелки Городищенского уезда Пензенской губернии. В селе было 750 дворов, из которых 441 безлошадный. Земля делилась на три поля с различным качеством земли. На едока приходилось по 2,5 сажени (сажень равна 2,16 м) земли [18, л. 2–6].

Изба выбранного середняка была деревянной, простой рубки, размером 8×8 аршин, к

которой примыкали сени размером 6×5 аршин (аршин равен 0,71 м), задняя часть которых была занята чуланом. Стены утеплены мхом и паклей, пол — завалинкой, потолок — землей. Крыша была покрыта снизу лубком, а сверху — соломой. Изба была освещена достаточно: два окна выходило на улицу, одно — в переулок. Внутреннее оформление было традиционным. К красному углу сходились две лавки, идущие по стенам. Перед ним в углу стоял стол с ящиками для хлеба. Над столом висела керосиновая лампа. Печь была поставлена на деревянный сруб и облицована со всех сторон досками. На нее вели две деревянные лавки-приступки. От угла печи шли полки, на которых была расставлена часть кухонной утвари: горшки, кувшины, чашки. К полке было прикреплено кольцо для зыбки. В связи с ограниченным пространством избы в полатах была вынута часть досок, чтобы можно было прикрепить механизм, на котором держались и двигались нитченки ткацкого стана. В углу между печью и передней стеной располагалось всё, что относилось к приготовлению пищи, на дополнительной лавке и полке находилась утварь.

Двор размером 26×22 аршин был обнесен бревенчатым забором. Во дворе располагались конюшня, коровник, хлев для мелкого скота, погреб, сараи, крытые соломой. Ко двору примыкал ограниченный жердями небольшой огород (размером 9×10 аршин). За ним располагалось гумно с амбаром и ригой.

Имущественное расслоение в деревне в 1920-х гг. было связано с наличием скота, сельскохозяйственных орудий и доходов от частной торговли. Производственный потенциал крестьянского хозяйства напрямую зависел от наличия рабочего скота. Его отсутствие приводило к невозможности своими силами вести хозяйство. В течение 1920-х гг. численность безлошадных хозяйств в РСФСР сократилась. Их удельный вес снизился с 37,1 (1922 г.) до 28,3 % (1927 г.). Постоянно уменьшалось число хозяйств без пахотных орудий. По РСФСР их удельный вес сократился с 36,6 (1920 г.) до 31,6 % (1917 г.) [10, с. 330].

Орудия труда крестьян в 1920-х гг. оставались традиционными: соха, в состоятельных хозяйствах плуг, а также борона, коса, серп. Машинная техника использовалась ими крайне редко.

Данные Пензенского губернского земельного управления свидетельствуют, что количество усовершенствованных орудий труда было незначительным как в начале XX в., так и в 1920-х гг. Причем, если с 1910 до 1917 г. их использование в крестьянских хозяйствах увеличилось с 8 до 23 %, то к 1920 г. оно уменьшилось до 20 %. Крестьяне часто переделывали плуги на сохи. Наметившаяся негативная тенденция была связана с тем, что усовершенствованный инвентарь изнашивался, а в хозяйствах не было средств, чтобы произвести ремонт. Площадь посевов сокращалась, лошади обессиливались, так как плуг был для них тяжел. В крестьянских хозяйствах сокращалось количество самого необходимого инвентаря в связи с изношенностью. К началу нэпа сох осталось 174 тыс., т. е. их число уменьшилось на 46 тыс., на 30 тыс. (до 180 тыс.) уменьшилось и количество борон. В 1920 г. из 298 тыс. дворов 109 тыс. (36,5 %) крестьянских хозяйств не имели кос [16].

К 1925–1927 гг. улучшение ситуации было незначительным. По данным исследования, проведенного статистическим отделом Пензенского губисполкома, только в 1,2 % хозяйств крестьянского типа использовали сеялки. Количество хозяйств, не имеющих пропашного инвентаря и соответственно вынужденных использовать чужой, увеличивалось даже на этом отрезке времени. В 1925 г. их было 32,1 %, в 1926 г. — 36,5 % и в 1927 г. — 37,4 %. В 1925 г. только 56,4 % хозяйств имело соху. Улучшение произошло в обеспеченности хозяйств плугами. В 1925 г. таких хозяйств было 12,9 %, а в 1927 г. — уже 24,1 %. В 1925 г. в 39,4 % хозяйств отсутствовали бороны, в 38,1 % не было телег [11, с. 24–35, 129, 131, 183, 184].

Подводя итог, отметим, что уравнительное перераспределение земли способствовало осереднячиванию деревни. В период нэпа восстановление народного хозяйства шло медленными темпами и социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств на фоне общего обнищания деревни. Середняцкие хозяйства были неоднородны и имели тенденцию перехода «в бедняцкую группу». В хозяйстве середняка, как правило, были лошадь, корова, имелись хозяйственные постройки и орудия труда. Семья в среднем состояла из четырех трудоспособных



работников. Наличие средств производства и рабочих рук давало возможность увеличить количество земли за счет ее аренды. В то же время сельскохозяйственные орудия оставались примитивными: из пахотных орудий преобладала соха, машинная техника практически отсутствовала, четвертая часть середняцких хозяйств была вынуждена прибегать к найму средств производства.

Начавшаяся индустриализация сопровождалась ужесточением налоговой политики, сужала рамки нэпа в деревне [3, с. 73]. С 1927 г. сумма налога была увеличена, при этом интересы бедняцких хозяйств охранялись. Доля освобожденной от налога бедноты достигла 35 % от общего числа деревенских домохозяев. Основная тяжесть возросшего сельхозналога перекладывалась на середняков и зажиточное крестьянство [7, с. 104]. Следующим шагом стал курс на упразднение индивидуальных товарных хозяйств и коллективизацию.

Резкое вмешательство во внутренний уклад деревенской жизни нарушило естест-

венную эволюцию крестьянства. Проведенная И.В. Сталиным «революция сверху» практически ликвидировала единоличные крестьянские хозяйства, создав в короткий срок крупные коллективные. В результате крестьяне были отчуждены от собственности и земли. Земледельческий труд, отделенный от хозяйствования, стал для крестьянина уже не образом жизни, а только средством к ней [4]. Несмотря на «весомую роль в экономике страны», количество единоличных хозяйств, плативших двойную сумму налога и помогавших колхозам выполнять план государственных заготовок по сельхозпродуктам, «из года в год сокращалось» [15, с. 75]. Россия становилась страной бывших крестьян. На долгие годы основой ее экономики стала колхозная система, для которой характерны отсутствие экономических стимулов к труду, несамостоятельность и бесправие колхозников, что в результате привело к замедлению темпов роста сельскохозяйственного производства и обострению продовольственной проблемы в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Багдасарян С.Д.** Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы: моногр. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
2. **Бондаренко С.И.** «Кого считать кулаком – кого тружеником?». К вопросу о процессе социального расслоения деревни в 1920-е гг. // История в подробностях. 2015. № 3 (57). С. 34–43.
3. **Гончарова И.В.** «Противопоставление крестьянства власти... чувствуется довольно сильно»: региональные аспекты налоговой политики в деревне в 1920-е гг. на материале Орловской губернии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 2. С. 65–78.
4. **Гордон А.В.** Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Великий незнакомец крестьяне и фермеры в современном мире [пер. с англ.] / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 57–74.
5. **Декреты Советской власти.** Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 406–419.
6. **Декреты Советской власти.** Т. 6. М.: Политиздат, 1973.
7. **Есиков С.А.** Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
8. **Жулаева А.С., Лушаева Г.М.** Сельское население Сибири первой половины 20-х годов XX века: социальные проблемы и противоречия: моногр. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2007. 274 с.
9. **Иванов А.В.** Отречемся от старого мифа? О дезавуировании тезиса об «осереднячивании» деревни как результате аграрных преобразований советской власти в 1917–1920 гг. // История в подробностях. 2010. № 4. С. 66–74.
10. **История советского крестьянства.** В 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. М.: Наука, 1986. 456 с.
11. **Итоги** весенних выборочных обследований по Пензенской губернии. Пенза: Стат. отд. Пенз. губ. исполнит. к-та, 1928.
12. **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1984.
13. **Лебедева Л.В.** Материалы о повседневной жизни крестьян Пензенской губернии в 1920-е гг. в фондах Пензенского краеведческого музея // Первые Всерос. краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения. М.: Москвоведение, 2009. С. 564–568.
14. **НЭП:** экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006.
15. **Новинская Т.Ю.** Личное хозяйство крестьян в период хрущевских преобразований (на примере Пензенской области) // Аграрная Россия: осмысление истории. Матер. 46-й Всерос. заочной конф. СПб.: Нестор, 2007. С. 75–78.

16. **Обзор** сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления / под общ. ред. Д.С. Магнусова. Ч. 1. Пенза, 1922. С. 80–81.

17. **Орлов И.Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 317 с.

18. **Пензенский государственный краеведческий музей.** О. ф. 12960/5.

19. **Росницкий Н.А.** Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 126 с.

20. **Шанин Т.** Понятие крестьянства // Великий незнакомец крестьяне и фермеры в современном мире [пер. с англ.] / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 8–19.

ЛЕБЕДЕВА Лариса Витальевна – кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного технологического университета.

Россия, 440039, Пенза, пр-д Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11

e-mail: lebedevalv@list.ru

L. V. Lebedeva

THE TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC LIFE OF MIDDLE PEASANTS DURING THE PERIOD OF THE NEP (On materials of the Penza province)

The Bolsheviks' agrarian policy of the first decade of the Soviet power is analyzed in the article: the attitude change towards middle peasants and representing them as the main agriculture forces. The author has found out the heterogeneity of middle peasants' households, their division into three categories: "well-off", "medium" and "not well-off" having tendency moving to poor households. The economic situation of middle peasants' households has been considered: house, household outbuildings, the number of working and stand idle stock, the use of machinery. The author has come to the conclusion that the equalitarian reallocation of land contributed to the process of making village middle. During the period of the New Economic Policy the process of the economy renewal was slow and social cohesion was manifested in the poverty of the majority of households in terms of general impoverishment of village. Agricultural tools were primitive. A middle peasant's household was economically weak.

SOCIAL HISTORY; AGRICULTURAL HISTORY; PEASANTS; MIDDLE PEASANTS.

REFERENCES

1. Bagdasaryan S.D. Byt, trud i semya krestyan epokhi nepa: istoricheskaya povsednevnost', yuzhno-rossiyskoy derevni v 1920-ye gody. Novochoerkassk, Lik Publ., 2015. 312 p. (In Russ.)

2. Bondarenko S.I. "Kogo schitat' kulakom – kogo truzhenikom?". K voprosu o protsesse sotsial'nogo ras-

sloyniya derevni v 1920-ye gg. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2015, no. 3 (57), pp. 34–43. (In Russ.)

3. Goncharova I.V. "Protivopostavleniye krestyanstva vlasti... chuvstvuyetsya dovol'no sil'no": regional'nyye aspekty nalogovoy politiki v derevne v 1920-ye gg. na materiale Orlovskoy gubernii. *Vestnik Rossiyskogo univ. druzhby narodov*. Ser. *Istoriya Rossii*, 2010, no. 2, pp. 65–78. (In Russ.)



4. Gordon A.V. Khozyaystvovaniye na zemle — osnova krestyanskogo mirovospriyatiya. *Velikiy neznakomets krestyane i fermery v sovremennom mire*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. Pp. 57–74. (In Russ.)
5. Dekrety Sovetskoy vlasti. Of vol. 1. Moscow, Politizdat Publ., 1957. Pp. 406–419. (In Russ.)
6. Dekrety Sovetskoy vlasti. Of vol. 6. Moscow, Politizdat Publ., 1973. (In Russ.)
7. Yesikov S.A. Rossiyskaya derevnnya v gody nupa: k voprosu ob al'ternativakh stalinskoj kollektivizatsii (po materialam Tsentral'nogo Chernozemya). Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 246 p. (In Russ.)
8. Zhulayeva A.S., Lushchayeva G.M. Sel'skoye naseleniye Sibiri pervoy poloviny 20-kh godov XX veka: sotsial'nyye problemy i protivorechiya. Krasnoyarsk, SibGTU Publ., 2007. 274 p. (In Russ.)
9. Ivanov A.V. Otrechemsya ot starogo mifa? O dezavuirovanii tezisa ob “oserednyachivanii” derevni kak rezul'tate agrarnykh preobrazovaniy sovetskoy vlasti v 1917–1920 gg. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2010, no. 4, pp. 66–74. (In Russ.)
10. Istoriya sovetskogo krestyanstva. In 5 vol. Of vol. 1. Krestyanstvo v pervoye desyatiletie sovetskoy vlasti. 1917–1927. Moscow, Nauka Publ., 1986. 456 p. (In Russ.)
11. Itogi vesennikh vyborochnykh obsledovaniy po Penzenskoy gubernii. Penza, Statisticheskiy otdel Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Publ., 1928. (In Russ.)
12. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK. Of vol. 4. Moscow, Politizdat Publ., 1984. (In Russ.)
13. Lebedeva L.V. [Materials about the everyday life of the peasants of the Penza province in the 1920s. Funds in the Penza regional museum]. [*The first All-Russian regional studies read: history and prospects of development of Moscow history and local history*]. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2009. Pp. 564–568. (In Russ.)
14. *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty* [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. (In Russ.)
15. Novinskaya T.Yu. [Private farming peasants during the Khrushchev reforms (for example, the Penza region)]. [*Agricultural Russia: comprehension of history. Proceedings of the 46th Conference of the All-Russia correspondence*]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2007. Pp. 75–78. (In Russ.)
16. Obzor sel'skogo khozyaystva Penzenskoy gubernii i osnovnyye napravleniya yego vosstanovleniya. Pt. 1. Penza, 1922. Pp. 80–81. (In Russ.)
17. Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sociologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: the historical and sociological aspects of the formation]. Moscow, VShE Publ., 2010. 317 p. (In Russ.)
18. Penzenskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey. O. f. 12960/5.
19. Rosnitskiy N.A. Litso derevni. Po materialam obsledovaniya 28 volostey i 32730 krestyanskikh khozyaystv Penzenskoy gubernii. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1926. 126 p. (In Russ.)
20. Shanin T. [The notion of the peasantry]. [*Great stranger peasants and farmers in the modern world*]. Moscow, Progress, Progress-Academy Publ., 1992. Pp. 8–19. (In Russ.)

LEBEDEVA Larisa V. — *Penza State Technological University.*

Proezd Baydukova / ul. Gagarina, 1a / 11, Penza, 440039, Russia

e-mail: lebedevalv@list.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.8

УДК 94(470)“1920”(479)

Ю.А. Микуленок

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР ЧЛЕНОВ ЖАКТОВ В УСЛОВИЯХ ЖИЛИЩНОГО ГОЛОДА 1920-Х ГОДОВ (на примере южных городов России)*

В статье рассмотрен эмоциональный репертуар обитателей муниципализированных домовладений в городах в раннесоветский период (1920-е гг.). Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к истории повседневности, в частности к истории эмоций, которая является новым направлением в исторической науке. Основными подходами к изучению данной проблемы послужили теории психосоциального развития личности, социализации (З. Фрейд, Э. Эриксон и др.), жизненного мира и социального взаимодействия, гендера (А. Шюц, В. Земьюнер и др.). Концепция «потока сознания» У. Джеймса дала возможность проанализировать влияние психоэмоционального состояния обывателя на состояние его жилища, что позволило комплексно рассмотреть эмоциональный мир обывателя. Выявленный эмоциональный репертуар членов жактов представлен в основном негативными эмоциями: завистью, злостью, ненавистью, неприязнью и чувством безысходности. В 1920-х гг. в российских городах разразился острый жилищный кризис. Пытаясь решить жилищный вопрос, советская власть стала проводить новую жилищную политику. Одно из ее проявлений – создание коммунальных квартир. На состоянии таких квартир отражалось эмоциональное состояние их жильцов: грязь, беспорядок и запустение в них стали нормой. В одном доме, квартире или комнате жили люди, никак не связанные между собой. Коммунальная квартира, практически не оставлявшая человеку личного пространства, стала источником стрессов и конфликтов между соседями. Материалы статьи могут быть использованы при изучении советского периода в образовательных учреждениях, при подготовке учебных пособий для студентов, в научно-просветительской работе.

**НОВАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА; ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС; ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС;
КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА; ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР.**

В раннесоветский период к основным задачам контрольных органов относились охрана единства партии и поддержание чистоты ее рядов, борьба с бюрократизмом и волокитой и др. Одной из важнейших функций контрольных комиссий являлось получение напрямую информации о жизни советских людей. В мае 1919 г. было создано Центральное бюро жалоб и заявлений, куда стекались «сигналы» от граждан: от банальной жалобы на соседа до заявления о производственном конфликте [1]. Местные контрольные комиссии регулярно информировали Централь-

ную контрольную комиссию обо всех аспектах жизни граждан, включая и жилищный. Жалобы и заявления, поступавшие в контрольные органы, дают ценную информацию о повседневной жизни людей того времени и одновременно несут в себе эмоциональную составляющую. При работе с данным видом источников приходится учитывать, что они перенасыщены негативной информацией, а порой содержат некорректные или недостоверные сведения.

Большую ценность имеют и такие источники, как письма, воспоминания и мемуары, позволяющие реконструировать эмоциональные переживания горожан 1920-х гг. Однако данные источники дают возможность выявить эмоциональный репертуар в основном только представителей «бывших» и интеллигенции.

История эмоций – это новое направление в исторической науке. Оно зародилось сравни-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».



тельно недавно, в 1980-х гг., и стало активно развиваться, когда в социогуманитарном знании произошел «эмоциональный поворот», изменивший представления об эмоциях. Как отметил П. Берк, «мы на пути к культурной истории всего на свете: снов, еды, эмоций, памяти, жестов, юмора» [2, с. 18]. Стоит заметить, что первым к изучению эмоций обратился французский историк Л. Февр в 1930-х гг. [3, с. 11].

На Западе первыми теоретиками истории эмоций стали Б. Розенвейн, У. Редди, П. Стернс, К. Стернс, Я. Плампер и Р. Александр.

Б. Розенвейн, не отрицая биологической составляющей эмоций, говорит о том, что исследователь, изучающий эмоции, должен, анализируя их, раскрыть систему чувств. Она ввела в научный оборот такое понятие, как «эмоциональное сообщество» (социальная группа со схожими интересами) [4]. Розенвейн акцентирует внимание и на теоретико-методологической проблеме истории эмоций – сложности их выявления (некоторые источники содержат «скрытые» эмоции, которые исследователь должен увидеть).

У. Редди ввел в научный оборот следующие термины: «эмоциональный режим» (набор эмоций, официальных ритуалов и система переживаний, которые являются опорой политического режима), «эмоциональное страдание» (выражение чувств в сильно суженных рамках), «эмоциональное прибежище» (попытка предотвратить эмоциональное страдание, приводящая к созданию новых форм социальной жизни) [5].

В отечественной историографии первыми заинтересовались эмоциями исследователи А.Я. Гуревич, М. Бахтин, Ю. Бессмертный, А. Зорин.

Сегодня история эмоций имеет ряд нерешенных вопросов, например: насколько тождественны понятия «эмоция» и «чувство»? Проблемой является правильная интерпретация эмоции изучаемого объекта. Работая с «эмоциональными» источниками, исследователь не должен выдавать свои эмоции за эмоции изучаемого эмоционального сообщества.

В 1920-х гг. в российских городах разразился острый жилищный кризис. Стоит заметить, что условия повседневной жизни горожан после революции не слишком отличались от дореволюционных. Проблемы, которые существовали в царской России, с установлением советской власти обострились. Особенно остро жилищ-

ный голод испытывали южные города страны (территория Кубани, Дона и Черноморья), выросшие преимущественно из казачьих станиц, где преобладали узкие улочки и одноэтажные дома. Более 80 % населения этой территории было занято в сельском хозяйстве [6, с. 70].

По данным статистики, в 1923 г. Краснодар по среднему показателю распределения квадратных метров на душу населения сравнялся с Москвой и Петроградом и был вторым городом в Советском Союзе по остроте жилищного кризиса [7, л. 8]. В 1925 г. в Краснодаре на одну комнату претендовали 3 человека, в Новороссийске – тоже 3, в Ейске – 2, в Кропоткине – 3, в Анапе – 2 [8, л. 64–65]. В целом с 1923 по 1929 г. абсолютная жилая площадь в Москве сократилась на 13 %, в Ленинграде – на 34 %, в Краснодаре – на 35 %. В 1926 г. большая часть городского населения (около 75 %) проживала в муниципализированных домовладениях [9, л. 1], в которых царила особая атмосфера.

Пытаясь решить жилищный вопрос, советская власть стала проводить новую жилищную политику. Одно из ее проявлений – создание коммунальных квартир. По определению Н.Б. Лебиной, коммунальная квартира – это «некий тип жилища, находящегося в распоряжении сразу нескольких граждан» [10]. В такой квартире формировалось сообщество людей, которые были вынуждены жить друг с другом на общей территории. Жильцы – члены жактов (жилищно-арендных кооперативных товариществ) часто были незнакомы, а иногда просто несовместимы между собой. Порой соседи не были связаны ни профессией, ни возрастом, ни интересами, ни образованием, ни воспитанием [11, с. 59]. Как отмечала представительница «бывших» А.Д. Свиньина, «коммунальные квартиры не всегда улучшают человеческие отношения», такие квартиры похожи на «Брынский лес», «где есть всякого зверья по экземпляру» [См.: 10].

Американский психолог У. Джемс в структуру личности включал не только пристрастия, убеждения и интересы, но и личные вещи. Убранство дома он считал элементом физического «я» [12]. И действительно, наш дом является нашим отражением, отражением нашего психологического комфорта. На состоянии коммунальных квартир отражалось внутреннее эмоциональное состояние жильцов: часто в них

царили грязь в местах общего пользования, беспорядок в комнатах и отсутствие уюта. Жильцы перестали воспринимать свое жилье как «дом».

Писатель Ю.В. Сальников, побывав в то время в одном из московских домов, в котором проживала его тетья, так описал свои впечатления в письме родителям в Омск: «В комнате у нее [тети] тесно и неряшливо, хотя, по-моему, совсем необязательно тесноте должна сопутствовать неряшливость. Однако всё какое-то запыленное. Кровать, диван, мутно-зеленая, кажущаяся грязной скатерть из грубой материи, на подоконнике, покрытом пылью, лежат засыпанные зубным порошком мыльница и зубная щетка, а около окна стол с зеркалом, и на нижней полке валяются две тарелки, чашки, ложки. Впечатление, будто живет холостой мужчина. Встретила меня тетья Паня очень радушно, накормила обедом. <...> Потом мы ходили в парк им. Горького. Спускаясь по грязной лестнице, я раздавил какую-то скользкую массу, кем-то благоразумно сброшенную с террасы в момент уборки кухни, и чуть не упал. Тетья Паня заметила, что такие уж у них несознательные жильцы, и сама боязливо обошла серый комок, оказавшийся картошкой» [13, л. 19].

Нежелание что-либо делать в квартире, приводить в порядок свое жилище формировалось из ощущения реальной и психологической разрухи. В менталитете городских жителей 1920-х гг. дом перестал быть местом отдыха, спокойствия, защиты и «семейного очага». Не случайно во всех официальных документах (постановлениях, декретах), относящихся к жилищному вопросу, да и в неофициальных тоже (жалобах в средства массовой информации и контрольные органы) исчезает слово «дом». Оно заменено термином «жилая площадь». По меткому замечанию М.Г. Мееровича, жилище в Советском государстве стало средством управления людьми. Оно одновременно выступало в роли «кнута и пряника» в организации управления. Власть у одних отбирала квадратные метры, а других наделяла ими [14, с. 5].

Однако не все жильцы приводили свои дома в запустение. Американская журналистка М. Витлин, прожившая в нашей стране 50 лет, оставила следующее описание коммунальной квартиры, где в 1920-х гг. жила ее подруга Ольга Полянова, представительница интеллигенции: «Мы зашли в длинный, душный коридор с туск-

лым освещением, который был заставлен мебелью и инструментами. Велосипед был подвешен к потолку. Там же стояли лопата, умывальник и самовар. В конце коридора налево находилась кухня, где было семь столов, семь плит. На кухне ужасно пахло керосином. Напротив кухни располагался общий туалет с общей ванной. Она [Ольга] включила свет, ее комната была маленьким оазисом комфорта и культуры. На столе в центре комнаты стояли книги, в одном углу диван, в другом – шкаф. На стенах висели многочисленные портреты родственников» [15, с. 9]. Таким образом, мы видим, что в силу своего воспитания, образования, характера и внутреннего стержня представители «бывших» продолжали достойно жить в новых, нелегких, условиях. Они сумели принять новые жизненные реалии и самореализоваться.

Обитатели коммуналок в повседневной жизни были лишены возможности хоть как-то утаить свою личную жизнь. В коммунальной квартире ничего нельзя было скрыть от соседей, поэтому неудивительно, что она стала источником стрессов и конфликтов [16]. Жизнь в коммунальной квартире настолько изматывала жильцов психологически, что спровоцированный конфликт становился эффективным способом эмоциональной разрядки. В таких квартирах постоянно происходили ссоры. Например, жильцы одного краснодарского дома по улице Ленина неоднократно (в 1926, 1927 и 1928 гг.) писали жалобы в Рабоче-крестьянскую инспекцию «на соседку Ченцову», которая управляла жизнью всему двору: умышленно заводила склоки и начинала ссоры, избивала малолетних детей, бросалась кирпичами [17, л. 211].

Анализ жалоб и заявлений, которые ежедневно поступали в бюро жалоб и в Рабоче-крестьянскую инспекцию, показывает, что обитатели муниципализированных домов испытывали в основном негативные эмоции: зависть, злость, ненависть, неприязнь, чувство безысходности, хотя и чувства солидарности, взаимопомощи были им не чужды.

Обитателям муниципализированных домовладений крайне трудно было ужиться с соседями. Разный культурный уровень, воспитание, менталитет и образование не позволяли им найти общий язык. Так, житель Кубанской области М.М. Трегуб вместе с семьей терпел издевательства соседей (стилистика документа сохранена):



«Живя в частном домовладении <...> всё время мне и моей жене приходится переносить всякие оскорбления со стороны домовладелицы и кучки квартирантов, называвших меня и мою жену жидами. Детям выйти во двор нельзя, ибо они сейчас же забегают в комнату с плачем, что тетя или кто-то другой из жильцов прогоняет или бьет их» [18, л. 44]. П.З. Верещагина в заявлении в бюро жалоб Кубанского округа просит призвать к ответу своих арендодателей: «Настоящим заявляю, что я окончательно измотана издевательством Натальи Литвиновой и ее брата. Они не дают мне покоя, стараются выжить меня из квартиры» [19, л. 38]. Острый жилищный кризис не позволял людям найти комфортное во всех отношениях место для жилья, им приходилось терпеть и эмоциональный дискомфорт.

В мировоззрении советского человека сложилась определенная «социальная пирамида», на вершине которой находится рабочий класс. Он должен был получать определенные блага. Однако в реальности власть не могла оправдать эти ожидания. В большинстве случаев рабочие занимали малопригодные для жилья помещения. Кроме того, в периодических изданиях публицисты неоднократно призывали рабочий класс бороться с проявлениями мещанства в быту, разоблачать эппманов и тем самым еще больше накаляли обстановку [20, с. 1]. Защищая свои интересы, жильцы муниципализированных домов объединялись в своеобразные коалиции: «бывшие» и «обыватели». «Бывшие» стремились сохранить то, что еще можно было сохранить, а «обыватели» — взять то, что, по их мнению, должно принадлежать им.

Коммунальная квартира сформировала чувство коллективизма «по-советски», основанное на чувстве солидарности и взаимопомощи. Однако у советского коллективизма была и изнаночная сторона — пресечение любого различия в обществе. Популярный советский артист Р. Быков, детство которого прошло в коммунальной квартире, оставил такие воспоминания о своем жилье: «Люди в нашей огромной квартире делились по самым разным плоскостям и направлениям. Плата за электричество порождала деление на „индюков” и „всех остальных”. В связи с отоплением (топили дровами) жильцы делились на „парадных” и „дворовых”. <...> По всем линиям и плоскостям, разделявшим нас на разные категории,

сосредотачивались переплетения больших и малых конфликтов, и жильцы могли дружить как владельцы индивидуальных счетчиков и сталкиваться на почве хранения дров. Многоплановость взаимоотношений порождала вечное брожение умов. Конфликт практически не мог быть единичным, он тут же замыкался на всю цепь конфликтных ситуаций. Происходила цепная реакция, носившая характер пулеметной очереди, и разобраться, где „свой”, где „чужие”, было невозможно. Начинать действовать закон: „все со всеми против всех” и „все до одного против”, при этом вся штука в том-то и состояла, что „одним” у нас практически никто оставаться не мог» [См.: 10].

Советский коллективизм вызывал и чувство зависти у обитателей муниципализированных домовладений. Например, некий аноним из Краснодара писал в своей жалобе в местные контрольные органы (стилистика документа сохранена): «Я считаю своим долгом ознакомить Вас с теми фактами, которые характеризуют т. Борисова. Раньше при Борисове жила девочка, дочь его покойной жены: для ухода за девочкой он держал „няню”. Уже больше трех месяцев [назад] девочку эту забрал отец. Борисов остался совершенно один. Однако прислугу продолжает держать. Эта женщина за глаза называет Борисова „барином”. Живет Борисов в обстановке совершенно некоммунистической: у него ковры, мягкая мебель. В этом же доме живет другой коммунист, который занимает проходную комнату вместе с семьей, через которую проходят т. Борисов и его прислуга. Проходя через эту комнату, Борисов намеренно стучит каблуками, свистит, — словом, намеренно создает шум, чтобы не дать покоя живущему в этой комнате коммунисту и выселить его» [21, л. 132].

Таким образом, в раннесоветский период южные города России, как и другие города страны, испытывали острый жилищный кризис. Пытаясь решить жилищный вопрос, власть стала проводить новую жилищную политику, которая только усугубила ситуацию. Созданные по всей стране коммунальные квартиры, со своей особой атмосферой, стали источником стресса и конфликтов между соседями. Неудивительно, что обитатели муниципализированных домов в 1920-х гг. по большей части испытывали широкий спектр эмоций: от чувства солидарности, взаимопомощи до зависти и злости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванцов И.Г.** Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б). 1920–1929 гг.: на материалах Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. URL: <http://www.disscat.com/content/rol-vnutripartiinogo-kontrolya-v-ukreplenii-i-razvitiivkr-b-1920-1929-gg-na-materialakh-kub> (дата обращения: 22.09.2015).
2. **Берк П.** Историческая антропология и новая культурная история // Новое лит. обозр. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (дата обращения: 1.03.2016).
3. **Плампер Я.** Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое лит. обозр., 2010. 512 с.
4. **Rosenwein B.** Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context I. 2010. No. 1. URL: http://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (дата обращения: 16.08.2015).
5. **Reddy W.** Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural Anthropology. 1999. No. 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/656565> (дата обращения: 16.08.2015).
6. **Щетнев В.Е., Смородина Е.В.** История Кубани. XX век. Краснодар, 2009. 224 с.
7. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 27.
8. **Нежигай Э.Н.** Городская культура Кубани периода нэпа: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 212 с.
9. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 62.
10. **Лебина Н.Б.** Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930. СПб.: Летний сад, 1999. URL: <http://lib.rus> (дата обращения: 25.11.2011).
11. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
12. **Фрейджер Р., Фэйдимен Д.** Теории личности и личностный рост. М., 2004. URL: <http://bookar.info/genpsy/terlich/load/doc.shtm>. (дата обращения: 2.07.2015).
13. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-1682. Оп. 1. Д. 34.
14. **Меерович М.Г.** Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
15. **Wettlin M.** Fifty Russian winters. An American woman's life in the Soviet Union. N. Y., 1992. 324 p.
16. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 437.
17. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-226. Оп. 1 Д. 51.
18. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края.** Ф. 7. Оп. 1. Д. 123.
19. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края.** Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.
20. **С. Кр.** Где же выход? (к жилищному вопросу) // Красное знамя. 1923. № 184.
21. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края.** Ф. 4. Оп. 1. Д. 164.

МИКУЛЕНОК Юлия Андреевна – преподаватель, Российский государственный университет правосудия (Северо-Кавказский филиал).

Россия, 350002, Краснодар, ул. Леваневского, 187/1
e-mail: AK-bara@yandex.ru

Yu.A. Mikulenok

EMOTIONAL REPERTOIRE INHABITANT OF ZHAKT IN THE HOUSING HUNGER IN THE 1920S (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

The article we will considered by the inhabitants of the emotional repertoire municipalised households in the early Soviet period (1920s). 1920s – a period of acute housing crisis. Trying to solve the “housing



problem” the Soviet government began to carry out a new housing policy, one manifestation of which was the creation of communal apartments. Communal Living reflect the emotional state of roomers: the dirt, disorder and desolation of their living space have become the norm. In one house, apartment or room lived people who didn't connected with each other. Communal apartment didn't reserve personal space and become a source of stress and conflict. It is not surprising that the roomers of ZhAKT experienced mostly negative emotions: envy, anger, hatred, hostility and feelings of hopelessness.

THE NEW HOUSING POLICY; HOUSING QUESTION; A HOUSING CRISIS; A COMMUNAL APARTMENT; EMOTIONAL REPERTOIRE.

REFERENCES

1. Ivantsov I.G. *Rol' vnutripartiynogo kontrolya v ukreplenii i razvitiu VKP(b). 1920–1929 gg.: na materialakh Kubani*. Kand. dis. [Role the party control in the strengthening and development of the VKP(b). 1920–1929: on Kuban materials. Cand. diss.]. Krasnodar, 2005. 222 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/rol-vnutripartiynogo-kontrolya-v-ukreplenii-i-razvitiu-vkp-b-1920-1929-gg-na-materialakh-kub> (accessed 22.09.2015).
2. Berk P. [Historical Anthropology and the new cultural history]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2005, no. 75. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (accessed 1.03.2016).
3. Plamper Y. [Emotions in Russian history]. *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010. 512 p. (In Russ.)
4. Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context I*, 2010, no. 1. Available at: http://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (accessed 16.08.2015).
5. Reddy W. Politics and History in the Anthropology of Emotions. *Cultural Anthropology*, 1999, no. 2. Available at: <http://www.jstor.org/stable/656565> (accessed 16.08.2015).
6. Shchetnev V.Ye., Smorodina Ye.V. *Istoriya Kubani. XX vek* [Kuban history. XX century]. Krasnodar, 2009. 224 p. (In Russ.)
7. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-1547. Op. 1. D. 27.
8. Nezhigay E.N. *Gorodskaya kul'tura Kubani perioda nepa*. Kand. dis. [Urban Culture Kuban period of NEP. Cand. diss.]. Krasnodar, 1999. 212 p. (In Russ.)
9. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-1547. Op. 1. D. 62.
10. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930*. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 1999. Available at: <http://lib.rus> (accessed 25.11.2011).
11. Fitspatrik Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
12. Freydzher R., Feydimen D. *Teorii lichnosti i lichnostnyy rost* [Theories of Personality and personal growth]. Moscow, 2004. Available at: <http://bookap.info/genpsy/terlich/load/doc.shtm>. (accessed 2.07.2015).
13. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-1682. Op. 1. D. 34.
14. Meyerovich M.G. *Nakazaniye zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gg.)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 303 p. (In Russ.)
15. Wettlin M. *Fifty Russian winters. An American woman's life in the Soviet Union*. New York, 1992. 324 p.
16. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-990. Op. 2. D. 437.
17. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-226. Op. 1 D. 51.
18. [Documentation center of the modern history of the Krasnodar region]. F. 7. Op. 1. D. 123.
19. [Documentation center of the modern history of the Krasnodar region]. F. 10. Op. 1. D. 13.
20. S. Kr. [Where is the exit? (For Housing problem)]. *Krasnoye znamya*, 1923, no. 184. (In Russ.)
21. [Documentation center of the modern history of the Krasnodar region]. F. 4. Op. 1. D. 164.

MIKULENOK Yuliya A. — *Russian State University of the justice of the North-Caucasian branch.*

Ul. Levanevskogo, 187/1, Krasnodar, 350002, Russia

e-mail: AK-bara@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.9
УДК 930.85:327.57(410+44)“1951/1992”

Е.Ю. Ширма

**ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ
В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1951–1992 ГГ.):
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Статья посвящена изучению и анализу историографии по проблеме сотрудничества Великобритании и Франции в контексте западноевропейской интеграции в 1951–1992 гг. Автором были использованы в основном методы эмпирического исследования, а также типологический и историко-системный методы, позволившие отследить развитие отношений двух государств в рамках европейских сообществ и отражение этого процесса в отечественной и зарубежной историографии. Дан обзор многочисленных трудов исследователей проблем внешней политики Великобритании, Франции, а также западноевропейской интеграции. Историографическая база условно разделена на три блока: первый – труды, посвященные непосредственно франко-британским отношениям; второй – исследования, касающиеся внешней политики Великобритании и Франции в период 1951–1992 гг.; третий – общие работы, посвященные интеграционным процессам в Европе. Материалы статьи представляют практическую ценность для составителей учебно-методических пособий по курсу «Современная история Западной Европы и Северной Америки».

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ; ФРАНЦИЯ; ИСТОРИОГРАФИЯ; ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ.

Необходимость всестороннего исследования развития сотрудничества Великобритании и Франции в контексте европейской интеграции в 1951–1992 гг. несомненна. Проблемы развития отношений двух стран оказывались в центре внимания многих исследователей, как советских, российских, так и зарубежных. Степень научной разработки проблемы следует рассматривать в двух аспектах. Вопросы сотрудничества Великобритании и Франции в контексте западноевропейской интеграции тесно связаны с внешней политикой каждого из этих государств. Поэтому в своей работе мы опирались главным образом на труды, где исследуются проблемы внешней политики двух стран, а также проблемы западноевропейской интеграции, и использовали имеющийся в них фактический материал, оценки и выводы для

собственных суждений. Историческая и теоретическая разработка упомянутых выше проблем является достаточно основательной, в то время как проблематика непосредственного сотрудничества Великобритании и Франции, особенно в контексте становления отношений, как правило, рассматривается поверхностно.

Исходя из этого, историографическую базу условно можно разделить на следующие блоки: первый – труды, посвященные непосредственно франко-британским отношениям; второй – исследования, касающиеся внешней политики Великобритании и Франции в 1951–1992 гг.; третий – общие работы, посвященные интеграционным процессам в Европе.

При реконструкции и анализе *взаимоотношений Великобритании и Франции* в рассматриваемый период нами использованы труды



советских и российских англо- и франковедов, а также зарубежных исследователей. Прежде всего следует отметить, что специальных историографических работ, посвященных этой проблематике, нет, но можно выделить несколько статей, которые важны для нашего исследования: это работа *А.Н. Урбана* [1], в которой проанализированы документы, периодические издания, труды зарубежных и отечественных исследователей, связанные с интересующей нас темой; статья *С.А. Очканова* [2], где представлен обзор российской и зарубежной литературы, касающейся участия Великобритании в военно-политических интеграционных процессах на европейском континенте; работа *А.Е. Морозовой* [3], посвященная вопросу вступления Великобритании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и содержащая обзор англоязычной литературы (в ней также приведены мнения разных авторов о тех трудностях, с которыми стране пришлось столкнуться из-за разногласий в ее правящих кругах по вопросу участия в процессе европейской интеграции).

Политико-исторические аспекты сотрудничества Великобритании и Франции стали предметом специальных монографических исследований двух советских авторов — *А.С. Манфреда* и *М.М. Наринского* [4].

Отдельные аспекты взаимодействия Великобритании и Франции во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. нашли отражение в статьях *Е.В. Хахалкиной* [5]. В них, в частности, анализируются англо-французские отношения в период оформления ЕЭС и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и обсуждения британского проекта зоны свободной торговли как части более масштабного и малоизвестного в отечественной историографии «великого проекта» Г. Макмиллана. Немало внимания уделено в этих работах анализу факторов, повлиявших на решение британского правительства о вступлении в ЕЭС и Евратом в начале 1960-х гг.

Англо-французские отношения в контексте реализации социальной политики ЕС в 1972–2007 гг. были рассмотрены в статье *М.В. Гуринной* [6], где сравниваются позиции британского и французского правительств в отношении такого важного аспекта, как социальная политика.

Тема взаимоотношений Великобритании и Франции в процессе политического формирова-

ния единой Европы представлена в монографии *Т.Н. Андреевой* [7], где автор подробно останавливается на участии двух стран в создании Западноевропейского союза (ЗЕС), их сотрудничестве по данному вопросу и многим другим вопросам интеграционного строительства, рассматривает британскую и французскую позиции в отношении ряда аспектов европейской интеграции, значение англо-французского диалога по вопросу ядерных вооружений для западноевропейской военно-политической интеграции.

Для нашей работы важны также труды, посвященные истории и политическим аспектам англо-французских отношений, перспективам сотрудничества между двумя странами. Только в 1980–1990-х гг. на Западе вышло несколько исследований по данной теме, причем это в основном совместные работы британских и французских специалистов.

К ним относятся два взаимодополняющих труда, выполненные совместно Королевским институтом международных отношений в Лондоне и двумя центрами в Париже — Французским институтом международных отношений и Центром международных исследований: «Франко-британское сотрудничество в области обороны: новое „сердечное согласие”» [8] и «Французская и британская политика в переходный период: вызов приспособления» [9]. В этих исследованиях рассмотрены основные тенденции внешней политики Великобритании и Франции в период холодной войны, проходившие в каждой из стран дискуссии вокруг атлантического партнерства, развития интеграционных процессов в Западной Европе. В обеих монографиях анализируются позиции двух государств в вопросах разоружения, а также некоторые конкретные вопросы англо-французского взаимодействия, включая перспективы сотрудничества двух стран в зоне третьего мира и в некоторых областях разработки и производства вооружений.

Еще одна совместная работа такого плана — исследование *Ф. де ля Серра*, директора Национального фонда политических наук, и *Х. Уоллес*, директора Института европейских исследований в Сассеке, «Франко-британские отношения в Европе после холодной войны» [10], опубликованное в «Трудах» парижского Центра международных исследований. Взяв за точку отсчета 1989 г., конец холодной войны, в

этом исследовании авторы стремятся проследить эволюцию взаимоотношений и политики Франции и Великобритании в новых международных условиях, найти общие для двух стран внешнеполитические приоритеты, выявить преемственность и конвергенцию взглядов на развитие европейских интеграционных процессов – вступление в силу Маастрихтского договора, проблематику ЗЕС и НАТО, – которые могли бы привести к более тесным межгосударственным отношениям.

Истории англо-французских отношений в послевоенный период посвящена фундаментальная монография британского ученого *Ф. Белла* [11], где, в частности, отмечается, что в послевоенный период Франция внесла значительный вклад в новую концепцию Европы, а Великобритания в это время находилась «вне Европы». Анализируя 50-летний период развития франко-британских отношений, автор монографии рассматривает их не только на уровне дипломатических связей между двумя странами, но и в общеевропейском контексте. Исследуя вопросы сотрудничества, *Ф. Белл* анализирует факты взаимопомощи Великобритании и Франции во время Фолклендской войны 1982 г., отмечает их единодушное негативное отношение к возможности глубоких сокращений стратегических наступательных вооружений США и СССР (высказанной в 1986 г. на встрече лидеров этих двух государств в Рейкьявике). *Белл* убедительно показывает неоднозначное отношение Великобритании и Франции к окончанию холодной войны и неизбежному в связи с этим, а также с распадом СССР коренному изменению всей политической обстановки в Европе, те смешанные чувства перед будущим, которые появились там в начале 1990-х гг. Заключительным рубежом своего исследования *Ф. Белл* избрал 1994 г., на который пришлось открытие туннеля под Ла-Маншем (степень прогресса в ходе его строительства долгие годы служила индикатором состояния англо-французских отношений): отныне все более тесные связи между Великобританией и Францией находили одновременно и именно практическое, и символическое закрепление.

Проблематика англо-французских отношений, их динамики в рассматриваемый период нашла отражение в ряде трудов, посвященных ядерной политике НАТО, расширению член-

ства в НАТО и строительству системы западно-европейской безопасности при ведущей роли НАТО в этом процессе [12].

Конкретных аспектов англо-французского сотрудничества касались все исследователи *внешнеполитических курсов Великобритании и Франции в XX в. и интеграционных процессов в Европе*. Следовательно, стоит проанализировать эти исследования.

В советской и российской историографии британская европейская политика во второй половине XX в. в целом изучена достаточно хорошо. Большинство авторов рассматривают военно-политическую составляющую европейского курса того или иного британского правительства в контексте его общеевропейской политики. Проблемы взаимоотношений Великобритании с ЕЭС в 1970–1980-е гг. изучали такие известные специалисты по проблемам британской истории и политики, как *А.А. Лебедев*, *Е.С. Хесин*, *С.П. Мадзоевский*, *В.Н. Зуев* [13], *И.Н. Щелокова*, *Г.В. Колосов*. Эти авторы отмечают стремление Лондона доминировать в принятии решений в рамках ЕЭС, сохранив при этом независимость своего внешнеполитического курса. *И.Н. Щелокова* в своей работе [14] показала стремление Великобритании укрепить свое влияние в мире после вступления в ЕЭС, а также попытки британского правительства добиться ослабления оси Бонн – Париж. Наиболее полно участие Великобритании в военно-политическом аспекте западноевропейского интеграционного процесса в 1950–1970-х гг. изучил *Г.В. Колосов*, который в своей монографии [15] проанализировал участие Великобритании в формировании западноевропейской системы военно-политического сотрудничества с момента создания ЗЕС в 1948 г., рассмотрел соотношение европейского и американского направлений в английской внешней политике и вклад Великобритании в создание Еврогруппы НАТО.

Британская политика в отношении ЕЭС представлена в работе *М.В. Стрежнёвой* [16], где рассмотрены основные направления политики консервативной партии Великобритании в отношении европейской интеграции с акцентом на политическом сотрудничестве, анализируются позиции различных политических сил в этой стране по проблемам интеграции, в том числе в сфере безопасности и обороны.



Т.Г. Потапенко в своем исследовании [17] рассматривает отношение консервативной партии Великобритании к европейскому строительству с первых послевоенных лет до начала 1990-х гг., детально анализирует европейскую политику М. Тэтчер. По его мнению, подписание Единого европейского акта – это наивысший успех европейской стратегии английских консерваторов в 1980-е гг.

Необходимо отметить работы *С.П. Перегудова*, главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В монографии «Тэтчер и тэтчеризм» [18] он уделит значительное внимание острой борьбе между «евроинтузиастами» и «евроскептиками» внутри консервативной партии, глубоко исследовал само явление тэтчеризма и проанализировал стиль британского неоконсерватизма как во внешней, так и во внутренней политике.

Отношение консерваторов в целом к ЕЭС, а также формирование тэтчеризма как идейного течения показал в своей работе *А.А. Громыко* [19], известный отечественный исследователь современной Великобритании.

Внешняя политика Великобритании в отношении ЕС в период правления правительства консерваторов во главе с Дж. Мейджором достаточно полно рассмотрена в монографии *Н.К. Капитоновой* [20]. В данной работе автор отмечает более проевропейский характер политики страны после вступления в должность Мейджора, а также подробно останавливается на противоречиях внутри консервативной партии во время ратификации Маастрихтского договора.

Отметим и работу *М.А. Липкина* [21], посвященную вступлению Великобритании в ЕЭС. В ней европейская политика Лондона представлена в контексте общей международной ситуации, анализируются причины, побудившие Великобританию присоединиться к европейской интеграции, ход франко-британских переговоров и факторы, которые привели к их успешному завершению.

В английской научной литературе тема взаимоотношений Великобритании с ЕС рассмотрена более глубоко и подробно. Европейской проблематике посвящены работы *Б. Джеймсона*, *Ф. Грегори*, *Д. Сэндерса*, *Дж. Редиса*, *Д. Уотса* [22]. Большинство британских исследовате-

лей в своих работах делают акцент на особой роли Великобритании в Европейском сообществе. Специфику подхода страны к вопросам евростроительства они объясняют имперским прошлым Великобритании и ее нежеланием отказываться от статуса мировой державы. Много места в своих исследованиях английские авторы уделяют анализу влияния различных течений в британском парламенте на внешнюю политику страны в отношении европейской интеграции.

Известный исследователь британского участия в европейском строительстве *С. Джордж* [23] подробно описывает внешнеполитическую деятельность консервативных и лейбористских правительств Великобритании и анализирует причины формирования ее «особой позиции» в ЕС.

Конец 1970-х гг. был ознаменован выходом монографии *Дж. Френкеля* [24], которая стала уже хрестоматийным изданием. Она может считаться одним из наиболее объективных и полных исследований проблем послевоенной внешней политики Англии. Дж. Френкель провел тщательный анализ различных аспектов внешнеполитических проблем Британии, подробно остановился на роли отдельных политиков и групп влияния, достаточно полно охарактеризовал внешнеполитический процесс. Обозначив основные концепции и теории, лежащие в основе подходов главных политических сил Великобритании, он вспомнил идею «Объединенной Европы», считая ее одной из наиболее гибких и необходимых для страны на том этапе исторического развития. Автор монографии расценивает «европеизацию» британской внешней политики как неизбежное следствие уменьшения ее мировой роли. При этом перспективы вступления в ЕЭС он оценивал с точки зрения возможной государственной стабилизации или частичного повышения роли страны в международных отношениях.

Среди комплексных работ, в которых рассматриваются ключевые направления британской внешней политики в отношении ЕС, можно выделить монографию лорда *М. Беллоффа* [25]. Автор ее считает, что специфика британского подхода к евростроительству обусловлена в первую очередь историческими традициями и геополитическим положением Великобритании.

В коллективном труде английских авторов *В.Е. Патерсона*, *П. Хенсона* и *П. Шипли* [26] рас-

смаатриваются различие и сходство подходов лейбористской и консервативной партий по вопросам евростроительства. Авторы считают, что в обеих партиях есть как евроскептические, так и еврооптимистичные фракции, поэтому они в целом поддерживали европейские инициативы, хотя и в разной степени.

Особый интерес представляет коллективная монография «Британия за и против Европы: британская политика и вопросы европейской интеграции» [27], изданная под редакцией *Д. Бейкера* и *Д. Сирайта*. В ней представлены работы ведущих экспертов в области европейской интеграции, отношений между Великобританией и ЕС. Одним из таких специалистов является *Е. Гэмбл*, который в главе «Европейский вопрос в британской политике», освещая проблемы взаимоотношений между Великобританией и ЕС, подчеркивает, что эта страна всегда с недоверием относилась к его формированию и развитию.

Д. Расмуссен [28] склонен считать, что негативная позиция Великобритании по отношению к ЕС связана с ее скептическим отношением к континентальной Европе в целом, что вполне объясняется исторической традицией.

С. Лудман [29] анализирует позицию Великобритании во время переговоров по вопросу подписания Маастрихтского договора и приходит к выводу, что оба консервативных правительства выступали против единой социальной политики ЕС. В отличие от правительства Тэтчер, правительство Мейджора было разделено на два лагеря: лагерь «евроскептиков» и лагерь «евроинтузиастов» (или «евроромантиков»). Первые активно выступали не только против сближения Великобритании с ЕС, но и против формирования его единой социальной политики. Вторые, наоборот, призывали правительство включить главы о социальной политике в Маастрихтский договор и подписать этот договор именно в таком виде.

М. Холмс, один из специалистов в сфере европейской интеграции, представитель «евроскептиков» и так называемой «Брюгге-групп», появившейся после знаменитой речи Тэтчер в г. Брюгге 20 сентября 1988 г., подчеркивает, что интересы Великобритании и ЕС разные, поскольку Великобритания никогда не удастся изменить его изнутри в соответствии со своими потребностями.

Таким образом, в течение длительного времени была сформирована достаточно фунда-

ментальная историографическая база, посвященная внешней политике Великобритании во второй половине XX в., где, в частности, нашла отражение и европейская составляющая этой политики. Имеющийся в этих исследованиях фактический материал необходим для характеристики англо-французских отношений.

В советской, а впоследствии и российской исторической науке сложилась солидная традиция изучения внешней политики, внешнеполитической мысли и организации французской дипломатии во второй половине XX в. Краткий очерк международной деятельности Франции, как правило, содержится в общих и специальных работах по французской политической истории XX в. (*М.Ц. Арзаканян, М.М. Наринского, Ю.И. Рубинского, В.Ф. Коломийцева, Э.А. Арсеньева, Г.Н. Новикова* [30], *В.П. Смирнова, В.Г. Сироткина, Н.Н. Молчанова*).

Кроме того, широко известны монографические исследования, посвященные внешней политике Пятой республики, ее особенностям и механизмам реализации. Одними из первых таких трудов были работы *Н.Н. Молчанова* [31] и *И.А. Колоскова* [32]. Известный советский исследователь *И.А. Колосков* уделяет особое внимание в своей работе вопросам эволюции внешней политики де Голля и Помпиду, среди прочего останавливается на европейской составляющей в дипломатии этих политических деятелей. Особенности внешней политики Франции в период с 1958 по 1981 г. рассмотрены в работах исследователей *В.С. Шилова* и *А.С. Деева*.

В монографии *Ю.А. Маевского* [33] подробно исследованы все основные аспекты французской дипломатии в Европе, тщательно рассмотрена тема «углубления» ЕЭС, т. е. построения экономического и валютного союза.

В работах *М.Ц. Арзаканян* [34] анализируется процесс формирования и эволюции голлистского движения и голлистской внешнеполитической доктрины, представлены основные вехи становления Пятой республики.

В.П. Славенов в своих работах [35] исследовал вопрос французской внешней политики в 1974–1981 и 1981–1986 гг.

Особый интерес представляет монография *И.Г. Тюлина* [36], где рассмотрены внешнеполитические концепции и теории, которые питали дипломатию Пятой республики, соотношение



идеальных и реальных факторов французской внешней политики.

Существует также целый пласт специальных исследований, посвященных отдельным направлениям французской внешней политики и политики безопасности. К ним можно отнести работы *П.П. Черкасова* о распаде колониальной империи Франции и о ее постколониальной политике 1939–1985 гг., исследования *А.Н. Червякова*, где рассмотрена военная политика Франции в 1958–1993 гг.

Большой интерес представляет исследование *Е.А. Нарочницкой* [37], посвященное анализу внешнеполитической концепции Пятой республики. В нем автор, обращаясь к дискуссионным и малоисследованным аспектам французского курса, делает попытку расширить представление о программе Ш. де Голля и его преемников. Особое внимание уделено эволюции французской внешнеполитической мысли в 1980-х гг. Характеризуются позиции партий, экспертов, общественного мнения. Исследуется деятельность президента Ф. Миттерана, военная стратегия Франции и перспективы ее политики в целом. Рассмотрено взаимодействие Франции и Великобритании в рамках деятельности ЗЕС в 1980-х гг.

Среди современных исследований заслуживает внимания монография *Е.О. Обичкиной* [38], где внешняя политика Франции представлена через деятельность ее творцов: от Ш. де Голля до Н. Саркози. В центре внимания – осевые линии французской внешней политики, факторы, с помощью которых страна пыталась компенсировать потери классических атрибутов внешнеполитического могущества в меняющемся мире. Автор детально исследовала политику официального Парижа как в Европе, так и в других регионах мира. В монографии получили освещение и непростые отношения между Францией и Великобританией в 1950–1980-х гг.

Стоит отметить и работу белорусского исследователя *В.Г. Шадуурского* [39]. В ней детально освещается механизм принятия внешнеполитических решений во Франции, дается характеристика главных участников этого процесса. Внимание уделено также непростым отношениям Франции и Великобритании. В частности, в исследовании нашли отражение такие аспекты, как блокирование французской сторо-

ной вступления Британии в общий рынок, противоборство относительно бюджетного вопроса («британский чек») в начале 1980-х гг.

Большое значение для исследования проблемы преемственности и новизны в осмыслении и утверждении глобальной роли Франции в ее внешней политике последних десятилетий имеет изучение богатого наследия французской школы внешнеполитических исследований. Среди сравнительно недавних обобщающих работ можно выделить монографии *А. Дюльфи*, *Ж. Даллоза*, *А. Гроссера*, *Ф. Бозо* [40], посвященные послевоенной политике Франции. В них уделено особое внимание деятельности французской дипломатии, направленной на восстановление международных позиций страны после Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие Пятой республики. Авторы монографий связывают «политику ранга» и следующую «политику величия» с внешнеполитическими идеями де Голля, главы Временного правительства Французской Республики (1944–1946 гг.), а с 1958 г. – первого президента Пятой республики. Исследователи единодушны также в том, что наследники де Голля на посту президента Франции, независимо от политического направления, оставались верными главной составляющей голлистской дипломатии и идее глобальной роли страны.

Богатый материал содержится в специальных исследованиях отдельных направлений внешней политики Франции. Это работы *Г. Жироде* об оборонной политике, *О. дю Рео* о развитии европейской идеи во Франции и ее роли в европейском строительстве в XX в. [41].

Целый ряд научных работ французских историков посвящены *европейской интеграции*. *П. Кусты* и *Ф. Визин* в работе «Помпиду и Европа» [42] сравнили внешнеполитическую деятельность Ж. Помпиду на европейском направлении с политикой Ш. де Голля и В. Жискара д'Эстена, показав тем самым эволюцию официальной позиции Парижа относительно процесса европейской интеграции. Они подчеркнули необходимость объединения «старого континента» для Франции и изучили все основные аспекты европейской политики Помпиду. В частности, П. Кусты и Ф. Визин подробно остановились на таких важных для президента тезисах, как расширение ЕЭС, функционирование единой сельскохозяйственной политики,

построение «европейской» Европы и развитие политического сотрудничества в рамках конфедеративного союза суверенных государств.

Значительный интерес представляет собой монография известного французского журналиста *А. Фонтена* [43], посвященная истории разрядки международной напряженности. Отметим, что его аналитические статьи в газете «Монд» и журнале «Монд дипломатия» также являются важной частью историографии по данной теме.

Из множества французских исследований, посвященных внешней политике и проблемам безопасности Пятой республики, интересны прежде всего те, в которых рассмотрена проблематика величия и упадка. Например, в монографиях *Н. Таселя* и *Ф. Моро Дефарж* предложен анализ главных составляющих глобальной роли Франции в XX в. и основных ограничений ее внешнеполитического могущества.

В 1988 г. вышел сборник статей, а в 1989 г. — специальный номер журнала «Международные отношения» (*Relations Internationales*) [44], посвященные стремлению Франции к внешнеполитической мощи в исторической ретроспективе.

После окончания Второй мировой войны Франция, потерявшая в глазах и врагов, и союзников ранг великой державы, была вынуждена обратиться к «компенсирующим» факторам, способным обеспечить ее ранг державы с мировой ответственностью, — тенденция, которая сохранила свое значение и после окончания холодной войны. В связи с этим особый интерес для избранной проблематики представляют работы, в которых проблема внешнеполитической мощи рассматривается не только в категориях теории реализма, но и с точки зрения социальной психологии. Проблеме участия Французской Республики в строительстве и развитии института европейской безопасности в рамках ЕС, ЗЕС и НАТО посвящены работы *Ф. Роуза* [45], *Ф.С. Йоста* [46], *Р. Барра* [47] и коллективная монография под редакцией *Р. Леарда* [48].

Информативные разделы по внешней политике страны содержат два исследования политической системы и внутренней политики Франции, выполненные в русле сравнительной политологии. Первое исследование — «Эволюция внутривнутриполитической жизни Франции» [49] *П.А. Холла*, профессора Центра европейских исследований Гарвардского института, *Дж. Хей-*

варда, члена Британской академии, профессора Оксфордского института европейских исследований, и *Х. Мейчина*, директора Европейского института Лондонской школы экономики. Оно содержит раздел «Внешняя и оборонная политика: от независимости к взаимозависимости», в котором рассматривается эволюция позиции французской элиты и общества в интересах достижения максимальной интеграции Европы не только в экономической, но и в военно-политической сфере. Авторы исследования приходят к выводу, что Франция намерена сохранять независимость только в ядерной сфере.

Второе исследование — монография «Политическая система и внутренняя политика Франции» [50] *Е. Стивенса*. В разделе об отношениях между Францией и объединенной Европой ее автор на большом временном промежутке — с 1954 (попытка создания Европейского оборонительного сообщества) по 1992 г. (Подписание Маастрихтского договора и его ратификация) — исследует эволюцию отношения французского общества и элиты к возможности создания европейского оборонительного сообщества с передачей ему части ныне национальных полномочий в военной сфере.

Теме западноевропейской политической интеграции в научной литературе уделялось достаточное внимание. При этом для советской исторической науки был характерен классовый подход к изучению интеграционных процессов в Западной Европе. Исследования советских ученых в этой области велись в контексте теории углубления общего кризиса капитализма. Тем не менее в ряде научных центров СССР, таких как ИМЭМО, Институт общественной информации по общественным наукам и МГУ, были проведены серьезные исследования различных аспектов западноевропейской интеграции. После 1991 г. историки получили возможность дать объективную оценку 50-летнему периоду развития европейской интеграции. Так, широкий комплекс проблем по данной тематике охватывают исследования, проведенные в Институте Европы РАН.

Большая заслуга в изучении политического аспекта интеграционного процесса в Западной Европе в 1950–1980-х гг. принадлежит заведующему отделом ИМЭМО *В.Г. Барановскому*, который изучал проблемы политического сотрудничества стран-участниц, экономическое



развитие и место ЕС в системе международных отношений. В монографии «Западная Европа: военно-политическая интеграция» [51] он анализирует две концепции западноевропейской безопасности: атлантическую (ее основу составляет НАТО во главе с США), которой следовала Великобритания, и альтернативную ей — евроцентристскую (основана на военно-политическом сотрудничестве в рамках ЗЕС), сторонницей которой была Франция.

Среди современных отечественных исследований, посвященных западноевропейской военно-политической интеграции, можно выделить работы академика РАН *В.В. Журкина* [52], в которых рассматриваются предыстория создания общей внешней политики и политики безопасности, а затем проблемы европейской политики безопасности и обороны, возникавшие в ходе формирования военно-политического измерения ЕС. Значительное внимание автор исследований уделяет анализу позиций Франции и Великобритании в отношении построения западноевропейской структуры безопасности и обороны, отмечает противоречия, возникшие между атлантической системой военно-политического сотрудничества и зарождающейся автономной европейской оборонной структурой.

Особое внимание становлению процессов западноевропейской интеграции, в том числе в сферах внешней и оборонной политики, уделит в своих работах *В.Г. Шемятенков* [53].

Из коллективных трудов российских исследователей, в которых рассматриваются проблемы западноевропейской интеграции, необходимо выделить работу группы ученых под редакцией *Ю.А. Борко*, первого директора Ин-

ститута Европы РАН, «Безопасность будущей Европы» [54], в которой авторы анализируют процесс формирования совместной обороны западноевропейских государств, участие в этом процессе отдельных стран, включая Великобританию и Францию. Книга *Ю.А. Борко* «От европейской идеи — к единой Европе» охватывает значительный круг вопросов, в частности в ней дан анализ предпосылок и причин, которые побудили западноевропейские страны в середине XX в. встать на путь интеграции, рассмотрены этапы «интеграционного» процесса, а также причины, которые обусловили его успех.

История становления, структура и деятельность европейского политического сотрудничества, а также перспективы его развития освещены в работе заведующего ближневосточным направлением Генерального директората внешних отношений Европейской комиссии *Д. Нутелла* «Европейское политическое сотрудничество». В сборнике «Актеры европейской внешней политики» под редакцией *Ч. Хилла* [55] рассматриваются взаимоотношения различных стран, входящих в Европейское сообщество, а также их вклад в формирование структур ЕС.

Таким образом, проанализировав научную литературу, посвященную исследуемой теме, можно сделать следующие выводы: комплексного исследования, в котором были бы освещены отношения Великобритании и Франции в контексте западноевропейской интеграции в 1952–1992 гг., нет, но в то же время накоплен немалый опыт изучения внешней политики двух стран, а также процесса западноевропейской интеграции. Этот опыт может быть использован при изучении предложенной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Урбан А.Н.** Историкографический обзор изучения проблемы «Позиция консервативного правительства Великобритании (1979–1997 гг.) в отношении социальной политики Европейского союза». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriograficheskiy-obzor-izucheniya-problemy-pozitsiya-konservativnyh-pravitelstv-velikobritanii-1979-1997-gg-v-otnoshenii>.

2. **Очканов С.А.** Проблема западноевропейской политической военной интеграции во внешней политике Великобритании в 1979–1997 гг. в исторической литературе. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-zapadno-evropeyskoy-voenno-politicheskoy>

[integratsii-vo-vneshney-politike-velikobritanii-v-1979-1997-gg-v-istoricheskoy](http://cyberleninka.ru/article/n/integratsii-vo-vneshney-politike-velikobritanii-v-1979-1997-gg-v-istoricheskoy).

3. **Морозова А.Е.** Английская историография о попытках вступления Великобритании в ЕЭС // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Регионоведение. 2004. Т. 7. С. 72–78.

4. **Манфред А.З.** Англо-французские соглашения. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 1 мая 1947 г. в лекционном зале в Москве. М., 1947; **Наринский М.М.** Англия и Франция в послевоенной Европе: 1945–1949 гг. М., 1972.

5. **Хахалкина Е.В.** Участие Великобритании в Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и оформление британским правительством Г. Макмиллана первой заявки на вступление в Европейское сообщество (1960 – август 1961 г.) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2008. № 2. С. 54–68; **Хахалкина Е.В.** Британо-французские отношения в контексте европейской интеграции (1957–1958 гг.) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 1. С. 147–155.
6. **Гурина М.В.** Участие Великобритании и Франции в реализации социальной политики ЕС в 1972–2007 гг. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 2. URL: <http://evolutio.info/content/view/492/53/>.
7. **Андреева Т.Н.** Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980–1990-е гг.). М., 2005.
8. **Boyer Y., Lellouche P., Roper J.** (eds.) Franco-British defence co-operation. A new entente cordiale? Routledge for The Royal Institute of International Affairs (London) and L'institut Français Des Relations Internationales (Paris), 1989.
9. **La politique française et britannique en transition: le défi de l'adaptation.** P., 1995.
10. **Serre F., Wallace H.** Franco-British relations in Europe after the Cold War. P.; L., 1997.
11. **Bell P.M.H.** France and Britain, 1940–1994: The Long Separation. L.; N. Y., 1997.
12. **Atlantic Council Ministerial Communique Statement on the Gulf, December 1990.** AN N2283(ANNEX), 4 December 1990, pp. 1–6; **Atlantic Documents**, N1738, 18 October 1991.
13. **Лебедев А.А.** Очерки британской внешней политики. М., 1988; **Мадзоевский С.П., Хесин Е.С.** Великобритания в современном мире // Междунар. экономика и междунар. отношения. 1980. № 8; **Зуев В.Н.** Англия и Общий рынок. М., 1988.
14. **Щелокова И.Н.** Проблемы европейской безопасности и политика Англии. М., 1982.
15. **Колосов Г.В.** Военно-политический курс Англии в Европе. М., 1984.
16. **Стрежнёва М.В.** Великобритания и Западная Европа: политические аспекты. М.: Наука, 1988.
17. **Потапенко Т.Г.** Политика консервативной партии Великобритании в отношении ЕЭС в 1945–1992 гг. // Вестн. всеобщей истории. 1999. Вып. 2.
18. **Перегудов С.П.** Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996.
19. **Громько А.А.** Политический реформизм в Великобритании. 1970–1990-е гг. М., 2001.
20. **Капитонова Н.К.** Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997). М., 1999.
21. **Липкин М.А.** Британия в поисках Европы. Долгий путь в ЕЭС. 1957–1974 гг. СПб., 2009.
22. **Jamieson B.** Britain Beyond Europe. L., 1994; **Gregory F.C.** Dilemmas of Government: Britain in the European Community. L.: M. Robertson, 1983; **Sanders D.** Losing an Empire. Finding a Role: British Foreign Policy Since 1945. Basingstoke: Macmillan, 1990; **Radice G.** Offshore: Britain in the European Idea. L.; N. Y., 1992; **Watts D.** Reluctant Europeans. Britain in the European Community. Sheffield Hallam Univ., 1994.
23. **George S.** An awkward partner. Britain in the European Community. Oxford univ. press, 1990.
24. **Frankel J.** British Foreign Policy. 1945–1973. L., 1975.
25. **Beloff M.** Britain in the Union. Dialogue of the Deaf. L., 1996.
26. **Patterson W.E., Henson P., Shiley P.** The European Policies of Labour and Conservative Party in Great Britain. L., 1995.
27. **Britain for and against Europe: British politics and the question of European integration** / ed. by D. Baker, D. Seawright. Oxford, 1998. 252 p.
28. **Rasmussen J.** Britain: Aloof and skeptical // Zeff E.E., Pirro E.B. The European Union and the member states: cooperation, coordination and compromise. Chap. 7. L., 2001. P. 145–173.
29. **Ludman S.** The Parliamentary siege of Maastricht 1993: Conservative division and British ratification // Parliamentary Affairs. 1994. Vol. 47. No. 1. P. 37–60.
30. **Арзаканян М.Ц.** Де Голль и голлисты на пути к власти. М.: Наука, 1990; **Арзаканян М.Ц.** Новейшая история Франции. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2002; **Арсеньев Э.А.** Франция под знаком перемен (очерки о классовой борьбе в современной Франции). М., 1984; **История Франции** / под ред. А.З. Манфреда. В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1973; **Коломийцев В.Ф.** Генерал де Голль и внешняя политика Франции // Вопросы истории. 1974. № 7; **Молчанов Н.Н.** Генерал де Голль. М., 1988; **Наринский М.М.** Борьба классов и партий во Франции, 1944–1958. М., 1983; **Наринский М.М.** Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945–1949 гг. М., 1972; **Новиков Г.Н.** Голлизм после де Голля. Идеологическая и социально-политическая эволюция. 1969–1981. М., 1984; **Рубинский Ю.И.** Пятая республика. (Политическая борьба во Франции в 1958–1963 гг.). М., 1964.
31. **Молчанов Н.Н.** Внешняя политика Франции (Пятая республика). М., 1961.
32. **Колосков И.А.** Внешняя политика Пятой республики. М.; Л., 1976.
33. **Маевский Ю.А.** Франция и «Малая Европа». Планы и реальность. М., 1987.
34. **Арзаканян М.Ц.** Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001; **Арзаканян М.Ц.** Де Голль. М., 2007; **Арзаканян М.Ц.** Великий де Голль. М., 2012.
35. **Славинов В.П.** Внешняя политика Франции. 1974–1981. М., 1981; **Славинов В.П.** Очерки внешней политики Франции. 1981–1986. М., 1986.
36. **Тюлин И.Г.** Внешнеполитическая мысль современной Франции. М.: Междунар. отношения, 1988.
37. **Нарочницкая Е.А.** Франция в блоковой системе Европы, 1960–1980-е гг. М.: Наука, 1993.



38. **Обичкина Е.О.** Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012.
39. **Шадурский В.Г.** Внешняя политика Франции (1945–2002). Мн.: Электронная б-ка БГУ, 2004.
40. **Dulphi A.** La politique exterieure de la France depuis 1945. P.: Nathan, 1994; **Bozo F.** La politique etrangere de la France depuis 1945. P.: La Decouverte, 1997; **Dalloz J.** La France et le monde depuis 1945. P.: Colin, 1993; **Grosser A.** Affaires exterieures. La politique de la France 1944–1989. P.: Flammarion, 1989.
41. **Reau du E.** L’idee d’Europe au XX-e sidcle. Des mythes aux realites. Bruxelles: Complexe, 1996.
42. **Cousté P.-B., Visine F.** Pompidou et l’Europe. P., 1974.
43. **Fontaine A.** Un seul lit pour deux rêves. P., 1981.
44. **Girault R., Frank R.** (sous la dir. de). La puissance fransaise en question 1945–1949. P.: Sorbonne, 1988; Relations Internationals. 1989. No. 58. 6te (La France en quete de puissance).
45. **Rose F.** French Security Policy in a Disarming World: Domestic Challenges and International Constraints. L.: Rinner, 1989
46. **Yost D.S.** The NATO capabilities gap and the European Union // The Survival. Winter 2000–2001. Vol. 42. No. 4.
47. **Barre R.** Au tournant du siecle: Principes et objectifs de politique etrangere. P., 1988.
48. **Loureau R.** Le principe de subsidiarite contre l’Europe? P.: PUF, 1997.
49. **Hall P., Hayward J., Meychina H.** The evolution of domestic life in France. L., 1998.
50. **Stephens E.** Political system and internal policy of France. L., 1999.
51. **Барановский В.Г.** Европейское сообщество в системе международных отношений. М.: Наука, 1986; **Барановский В.Г.** Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983; **Барановский В.Г.** Западная Европа – военно-политическая интеграция. М.: Междунар. отношения, 1988.
52. **Журкин В.В.** Евросоюз в XXI веке. Европейская политика безопасности и обороны. М., 2005; **Журкин В.В.** Европейская оборона: от мифа к реальности // Современ. Европа. 2001. № 3.
53. **Шемятенков В.Г.** Европейская интеграция. М., 2003.
54. **Безопасность** будущей Европы / под ред. Ю.А. Борко. М., 1993.
55. The actors in Europe’s foreign policy / ed. by Ch. Hill. Routledge, 1996.

ШИРМА Елена Юрьевна – аспирант Донецкого национального университета.

Донецкая Народная Республика, 83001, Донецк, ул. Университетская, 24

e-mail: vsemirkaf@gmail.com

E.Yu. Shirma

THE RELATIONSHIP OF GREAT BRITAIN AND FRANCE IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION (1951–1992) WAS: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

The article is devoted to the study and analysis of the historiography on the problem of cooperation the UK and France in the context of Western European integration in 1951–1992. The Main methods used in the study of problems in the relations between great Britain and France in the European integration (1951–1992). There are the methods of empirical research, typological and historical-of a system which allowed to track the development of relations between the two countries, in the framework of the European communities, and a reflection of this process in Russian and foreign historiography. In the article an

overview of the numerous works of researchers of the foreign policy problems of Great Britain, France, and also Western European integration. Historiographical base is divided into three blocks: the first one works directly devoted to Franco-British relations; the second, studies concerning the foreign policy of Britain and France in the period 1951–1992; third General work is devoted to integration processes in Europe. The article is valuable for drawing up teaching AIDS for the course of the Modern history of Western Europe and North America.

BRITAIN; FRANCE; HISTORIOGRAPHY; EUROPEAN INTEGRATION.

REFERENCES

1. Urban A.N. Istoriograficheskiy obzor izucheniya problemy "Pozitsiya konservativnykh pravitelstv Velikobritanii (1979–1997 gg.) v otnoshenii sotsial'noy politiki Yevropeyskogo Soyuza". Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriograficheskiy-obzor-izucheniya-problemy-pozitsiya-konservativnykh-pravitelstv-velikobritanii-1979-1997-gg-v-otnoshenii>.
2. Ochkanov S.A. Problema zapadnoevropeyskoy politicheskoy voyennoy integratsii vo vneshney politike Velikobritanii v 1979–1997 gg. v istoricheskoy literature. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-zapadno-evropeyskoy-voenno-politicheskoy-integratsii-vo-vneshney-politike-velikobritanii-v-1979-1997-gg-v-istoricheskoy>.
3. Morozova A.Ye. Angliyskaya istoriografiya o popytkakh vstupleniya Velikobritanii v YeES. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo univ.* Ser. Politologiya. Reli-giovedeniye, 2004, vol. 7, pp. 72–78. (In Russ.)
4. Manfred A.Z. Anglo-frantsuzskiye soglasheniya. Stenogramma publichnoy lektsii, pročitannoy 1 maya 1947 g. v lektzionnom zale v Moskve. Moscow, 1947. (In Russ.); Narinskiy M.M. Angliya i Frantsiya v poslevo-yennoy Yevrope: 1945–1949 gg. Moscow, 1972. (In Russ.)
5. Khakhalkina Ye.V. Uchastiye Velikobritanii v Yevropeyskoy assotsiatsii svobodnoy trgovli (YeAST) i oformleniye britanskim pravitelstvom G. Makmillana pervoy zayavki na vstupleniye v Yevropeyskoye soobshchestvo (1960 – avgust 1961 g.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univ.*, 2008, no. 2, pp. 54–68. (In Russ.); Khakhalkina Ye.V. Britano-frantsuzkiye otnosheniya v kontekste Yevropeyskoy integratsii (1957–1958 gg.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univ.*, 2012, no. 1, pp. 147–155. (In Russ.)
6. Gurina M. Uchastiye Velikobritanii i Frantsii v realizatsii sotsialnoy politiki YeS v 1972–2007 gg. *Beloruskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, 2002, no. 2. Available at: <http://evolutio.info/content/view/492/53/>.
7. Andreyeva T.N. Anglo-frantsuzskoye sotrudnichestvo v politicheskikh integratsionnykh protsessakh Zapadnoy Yevropy (1980–1990-ye gg.). Moscow, 2005. (In Russ.)
8. Boyer Y., Lellouche P., Roper J. (eds.) Franco-British defence co-operation. A new entente cordiale? Routledge for The Royal Institute of International Affairs (London) and L'institut Fransais Des Relations Internationales (Paris), 1989.
9. La politique française et britannique en transition: le défi de l'adaptation. Paris, 1995.
10. Serre F., Wallace H. Franco-British relations in Europe after the Cold War. Paris, London, 1997.
11. Bell P.M.H. France and Britain, 1940–1994: The Long Separation. London, New York, 1997.
12. Atiantic Council Ministerial Communiqué Statement on the Gulf, December 1990. AN N2283(ANNEX), 4 December 1990, pp. 1–6; Atlantic Documents, N1738, 18 October 1991.
13. Lebedev A.A. Ocherki britanskoy vneshney politiki. Moscow, 1988. (In Russ.); Madzoyevskiy S.P., Khesin Ye.S. Velikobritaniya v sovremennom mire. *Mezhdunarodnaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1980, no. 8; Zuyev V.N. Angliya i Obshchiy rynek. Moscow, 1988. (In Russ.)
14. Shchelokova I.N. Problemy yevropeyskoy bezopasnosti i politika Anglii. Moscow, 1982. (In Russ.)
15. Kolosov G.V. Voyenno-politicheskiy kurs Anglii v Yevrope. Moscow, 1984. (In Russ.)
16. Strezhneva M.V. Velikobritaniya i Zapadnaya Yevropa: politicheskiye aspekty. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
17. Potapenko T.G. Politika konservativnoy partii Velikobritanii v otnoshenii YeES v 1945–1992 gg. *Vestnik vseobshchey istorii*, 1999, no. 2. (In Russ.)
18. Peregudov S.P. Tetcher i tetcherizm. Moscow, 1996. (In Russ.)
19. Gromyko A.A. Politicheskiy reformizm v Velikobritanii. 1970–1990-ye gg. Moscow, 2001. (In Russ.)
20. Kapitonova N.K. Prioritety vneshney politiki Velikobritanii (1990–1997). Moscow, 1999. (In Russ.)
21. Lipkin M.A. Britaniya v poiskakh Yevropy. Dolgiy put' v YeES. 1957–1974 gg. St. Petersburg, 2009. (In Russ.)
22. Jamieson B. Britain Beyond Europe. London, 1994; Gregory F.C. Dilemmas of Government: Britain in the European Community. London, M. Robertson, 1983; Sanders D. Losing an Empire. Finding a Role: British Foreign Policy Since 1945. Basingstoke, Macmillan, 1990; Radice G. Offshore: Britain in the European Idea. London, New York, 1992; Watts D. Reluctant Europe-



ans. Britain in the European Community. Sheffield Hallam Univ., 1994.

23. George S. An awkward partner. Britain in the European Community. Oxford univ. press, 1990.

24. Frankel J. British Foreign Policy. 1945–1973. London, 1975.

25. Beloff M. Britain in the Union. Dialogue of the Deaf. London, 1996.

26. Patterson W.E. Henson P., Shiley P. The European Policies of Labour and Conservative Party in Great Britain. London, 1995.

27. Britain for and against Europe: British politics and the question of European integration. Ed. by D. Baker, D. Seawright. Oxford, 1998. 252 p.

28. Rasmussen J. Britain: Aloof and skeptical. *Zeff E.E., Pirro E.B. The European Union and the member states: cooperation, coordination and compromise*. Chapt. 7. London, 2001. Pp. 145–173.

29. Ludman S. The Parliamentary siege of Maasticht 1993: Conservative division and British ratification. *Parliamentary Affairs*, 1994, vol. 47, no. 1, pp. 37–60.

30. Arzakanyan M.Ts. De Goll i gollisty na puti k vlasti. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russ.); Arzakanyan M.Ts. Noveyshaya istoriya Frantsii. Moscow, IVI RAN Publ., 2002. (In Russ.); Arsenyev E.A. Frantsiya pod znakom peremen (oчерki o klassovoy borbe v sovremennoy Frantsii). Moscow, 1984. (In Russ.); Istoriya Frantsii. In 3 vol. Of vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1973. (In Russ.); Kolomiytsev V.F. General de Goll i vnesnyaya politika Frantsii. *Voprosy istorii*, 1974, no. 7. (In Russ.); Molchanov H.H. General de Goll. Moscow, 1988. (In Russ.); Narinskiy M.M. Bor'ba klassov i partiy vo Frantsii, 1944–1958. Moscow, 1983. (In Russ.); Narinskiy M.M. Angliya i Frantsiya v poslevoynnoy Yevrope. 1945–1949 gg. Moscow, 1972. (In Russ.); Novikov G.N. Gollizm posle de Gollya. Ideynaya i sotsial'no-politicheskaya evolyutsiya. 1969–1981. Moscow, 1984. (In Russ.); Rubinskiy Yu.I. Pyataya respublika. (Politicheskaya bor'ba vo Frantsii v 1958–1963 gg.). Moscow, 1964. (In Russ.)

31. Molchanov H.H. Vnesnyaya politika Frantsii (Pyataya respublika). Moscow, 1961. (In Russ.)

32. Koloskov I.A. Vnesnyaya politika Pyatoy respubliki. Moscow, Leningrad, 1976. (In Russ.)

33. Mayevskiy Yu.A. Frantsiya i “Malaya Yevropa”. Plany i real'nost'. Moscow, 1987. (In Russ.)

34. Arzakanyan M.Ts. General de Goll na puti k vlasti. Moscow, 2001. (In Russ.); Arzakanyan M.Ts. De Goll. Moscow, 2007. (In Russ.); Arzakanyan M.Ts. Velikiy de Goll. Moscow, 2012. (In Russ.)

35. Slavenov V.P. Vnesnyaya politika Frantsii. 1974–1981. Moscow, 1981. (In Russ.); Slavenov V.P. Oчерki vnesnyey politiki Frantsii. 1981–1986. Moscow, 1986. (In Russ.)

36. Tyulin I.G. Vnesnepoliticheskaya mysl' sovremennoy Frantsii. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1988. (In Russ.)

37. Narochnitskaya Ye.A. Frantsiya v blokovoy sisteme Yevropy, 1960–1980-ye gg. Moscow, Nauka Publ., 1993. (In Russ.)

38. Obichkina Ye.O. Vnesnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkazi (1940–2012). Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. (In Russ.)

39. Shadurskiy V.G. Vnesnyaya politika Frantsii (1945–2002). Minsk, Elektronnaya biblioteka BGU Publ., 2004. (In Russ.)

40. Dulphi A. La politique exterieure de la France depuis 1945. Paris, Nathan, 1994; Bozo F. La politique 6trangere de la France depuis 1945. Paris, La Decouverte, 1997; Dalloz J. La France et le monde depuis 1945. Paris, CoIn, 1993; Grosser A. Affaires exterieures. La politique de la France 1944–1989. Paris, Flammarion, 1989.

41. Reau du Ye. L'idee d'Europe au XX-e sidle. Des mythes aux realites. Bruxelles, Complexe, 1996.

42. Coust6 P.-V., Visine F. Pompidou et l'Europe. Paris, 1974.

43. Fontaine A. Un seul lit pour deux r6ves. Paris, 1981.

44. Girault R., Frank R. (sous la dir. de). La puissance fransaise en question 1945–1949. Paris, Sorbonne, 1988; RI. N. 58. 6te; 1989: La France en quete de puissance.

45. Rose F. French Security Policy in a Disarming World: Domestic Challenges and International Constraints. London, Rinner, 1989.

46. Yost D.S. The NATO capabilities gap and the European Union. *The Survival*. Winter 2000–2001. Vol. 42, no. 4.

47. Barre R. Au tournant du sidle: Principes et objectifs de politique 6trangere. Paris, 1988.

48. Lourau R. Le principe de subsidiarite contre l'Europe? Paris, PUF, 1997.

49. Hall P., Hayward J., Meychina H. The evolution of domestic life in France. London, 1998.

50. Stephens E. Political system and internal policy of France. London, 1999.

51. Baranovskiy V.G. Yevropeyskoye soobshchestvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russ.); Baranovskiy V.G. Politicheskaya integratsiya v Zapadnoy Yevrope. Moscow, 1983. (In Russ.); Baranovskiy V.G. Zapadnaya Yevropa – voyenno-politicheskaya integratsiya. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1988. (In Russ.)

52. Zhurkin V.V. Yevrosoyuz v XXI veke. Yevropeyskaya politika bezopasnosti i oborony. Moscow, 2005. (In Russ.); Zhurkin V.V. Yevropeyskaya oborona: ot mifa k real'nosti. *Sovremennaya Yevropa*, 2001, no. 3. (In Russ.)

53. Shemyatenkov V.G. Yevropeyskaya integratsiya. Moscow, 2003. (In Russ.)

54. Bezopasnost' budushchey Yevropy. Ed. by Yu.A. Borko. Moscow, 1993. (In Russ.)

55. The actors in Europe's foreign policy. Ed. by Ch. Hill. Routledge, 1996.

SHIRMA Elena Yu. – *Donetsk national university.*

Ul. Universitetskaya, 24, Donetsk, 83001, Donetsk People's Republic

e-mail: vseirkaf@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016



ИСПАНОЯЗЫЧНАЯ ОБЩНОСТЬ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ НАЦИИ: ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Актуальность исследования обусловлена возрастающим влиянием стран Латинской Америки в международных делах, активным развитием связей России с данным регионом. Статья направлена на выявление роли лингвополитического объединения этих стран в международных политических процессах (в исторической перспективе и на современном этапе). Лингвополитические процессы проанализированы как на примере борьбы латиноамериканских стран за независимость, так и на современном этапе оформления испаноязычного полюса мировой политики. Исследование проведено на основе историко-генеративного метода с привлечением лингвистических методов и методологии лингвистического детерминизма (Э. Сепир, Б. Уорф). Автор статьи рассматривает язык как важнейший фактор политического процесса. По его мнению, политическое (и иное) сообщество не может функционировать без общего языка. Любое социальное сообщество – это прежде всего языковой коллектив. Языковые изменения – зеркало социально-экономических процессов, происходящих в обществе, их квинтэссенция. На языковых примерах легко представить модель того или иного исторического или политического процесса. В статье показано, что создание лингвистически родственными государствами международных политических союзов государств на основе схожего культурно-языкового базиса и, как следствие, «склонности» к той или иной идеологии закономерно. Этот процесс начинается и развивается только в условиях противостояния данной «цивилизации» с другими культурно-языковыми мирами. Так, «левый поворот» и «социализм XXI века» в Латинской Америке во многом были вызваны провалом неолиберальной идеологии, которая рассматривалась как продукт «англосаксонского мира». Предварительный распад испаноязычной лингвокультурной общности (Испания – Латинская Америка) имел своим непосредственным итогом борьбу за независимость американских колоний от Испании и создание независимых от метрополии и друг от друга испаноязычных американских государств. На современном этапе можно наблюдать возрождение латино- и ибероамериканского единства на качественно новом уровне. Материалы статьи могут быть использованы для анализа перспектив деятельности международных политических союзов, а также для дальнейшего развития лингвополитических исследований.

НАЦИЯ; ЯЗЫКОВОЕ СООБЩЕСТВО; ИСПАНОФОНИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ; МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Испаноязычный мир в начале XXI в. привлекает всё большее внимание международных и футурологов. Это связано с усилением экономического и политического влияния латиноамериканских стран в международных делах и быстрым ростом численности испаноязычного населения. Испаноговорящие сейчас рассматриваются как третье по количеству носителей языковое сообщество после англоязычного и китайского. Одновременно продолжается процесс «испанизации» США, где

так называемые «латинос» также приобретают всё большее значение. Поэтому неудивительно, что и в научных трудах, и в политической публицистике всё чаще говорится об особой «испаноязычной цивилизации», имеющей большое будущее. Прежде всего здесь, конечно же, имеется в виду Латинская Америка. Но и сама Испания является значимой частью этого мира. Эта пиренейская страна активно развивает сотрудничество со своими бывшими американскими колониями (достаточно отметить расту-

шее значение таких международных площадок, как ибероамериканские саммиты и конференции, создание секретариата ибероамериканского сотрудничества, институционализацию «испанофонии»). Сумеет ли испаноязычный мир стать одним из главных полюсов многополярного мира? Этот вопрос становится всё более актуальным для будущего международных отношений и мировой политики.

Но может ли вообще испаноязычное население разных стран рассматриваться как единая общность? «Возможно ли говорить об Иberoамерике как о некоем едином субъекте мирового цивилизационного процесса или Иberoамерика — это, так сказать, цивилизационный фантом, некая неструктурированная туманность, подпитываемая историко-культурной ностальгией по общему прошлому и неопределённому настоящему?» [4, с. 11]. Более того, вопрос о степени латиноамериканского единства также остается открытым. «Достаточно дискуссионной представляется и проблема, касающаяся степени гомогенности латиноамериканской культуры. Ведь в рамках латиноамериканского мира существуют примеры, когда различия, несомненно, превалируют над общими характеристиками» [Там же. С. 43]. Но даже в том случае, если мы признаём факт существования «испаноязычного сообщества», является ли оно исключительно культурной общностью, или же о нем можно говорить как об идеологической (некоторые исследователи, например, пишут о «ценностных ориентациях латиноамериканцев, которые существенным образом отличаются от ценностных ориентаций американцев» США [11, с. 45]) и о политической реальности?

Ответы на все эти вопросы часто носят политизированный характер. Мы попытаемся предложить путь для более объективного анализа. Поэтому в самом начале необходимо сказать о методологии нашего исследования. Язык рассматривается нами как важнейший фактор политического процесса, ибо никакое политическое (и иное) сообщество не может функционировать без общего языка. То есть любое социальное сообщество — это прежде всего языковой коллектив. Язык при этом не является исключительно пассивным инструментом общения, отчасти он сам «конструирует», подгоняет социальную реальность под свою «языковую картину мира». Однако данное положение

не означает принятия конструктивистской методологии. На наш взгляд, именно языковые реалии (которые могут быть учтены и просчитаны), а не расплывчатые «коллективные представления» являются наилучшим материалом для современного политического анализа. Языковые изменения — это некое зеркало всех социально-экономических процессов, происходящих в обществе, их квинтэссенция. Поэтому именно на языковых примерах легче всего представить модель любого исторического или политического процесса.

Очевидно, что в начале процесса испанской колонизации Америки существовала испаноязычная общность колонизаторов, бывшая частью испаноязычной общности метрополии. Конечно, гомогенность этой общности не была полной. Сама Испания изначально возникла на основе объединения различных государственных образований и конгломерата различных диалектов и даже языков. Более того, нужно вспомнить и теорию «андалусизма» латиноамериканских вариантов испанского языка (матросы у конкистадоров были преимущественно из Андалусии, они занесли в Америку этот диалект испанского языка). Но тем не менее можно говорить о культурном, языковом и религиозном единстве переселенцев с метрополией в начале процесса колонизации. Первым тезисом нашей статьи является то, что предварительный распад данной культурно-языковой общности (ибо национальные варианты испанского языка стали складываться задолго до XIX в. под влиянием как субстрата — индейские языки, так и суперстрата — языки привезенных африканских рабов) имел своим непосредственным итогом борьбу за независимость американских колоний от Испании и создание независимых от метрополии и друг от друга испаноязычных американских государств.

На современном этапе в какой-то мере можно наблюдать возрождение латино- и иberoамериканского единства на качественно новом уровне (как, впрочем, и между Великобританией и США). Таким образом, вторым тезисом нашего исследования является то, что создание международных политических союзов государств на основе схожего культурно-языкового базиса закономерно.

Итак, причины и распада, и «воссоздания» испаноязычного мира, на наш взгляд, во мно-



гом имеют языковую подоплеку или, по крайней мере, могут быть описаны «лингвистически», учитывая роль языка как зеркала любых социально-экономических изменений.

Распад языковой общности. Традиционно основными причинами борьбы американских колоний за независимость от Испании называются экономические факторы. Так, например, Н.Н. Марчук пишет, что этот процесс имел «своей задачей разрушение колониального экономического базиса (торговых и иных монополий, запретов, ограничений, регламентаций и т. п.), а также ниспровержение охраняющей его политической надстройки (завоевание политической независимости)» [7]. Причем основным противником испанского колониального господства выступило не коренное индейское население, а испаноязычные креолы, которые сами на местах активно подавляли все восстания индейцев («к концу XVI в. в Испанской Америке креолов насчитывалось от 150 до 300 тыс., к середине XVII в. — уже 659 тыс., а к 1815 г. — от 3,3 до 4,3 млн человек. К началу XIX в. они составляли большинство населения провинции Буэнос-Айрес (75 %), Уругвая (72 %), на севере Чили (69 %), в департаменте Трухильо в Венесуэле (70 %), в южном Перу и т. д.» [Там же].

Об этом пишет и известный английский исследователь национализма Б. Андерсон: «Эти цифры тем более впечатляют, если мы обратим внимание на то, что в 1800 г. в 3,2-миллионном креольском „белом“ населении Западной империи (навязанном приблизительно 13,7 млн туземцев) испанцы, рожденные в Испании, не составляли и 5 %. В Мексике накануне революции был всего один креольский епископ, хотя креольское население этого вице-королевства численно превосходило *peninsulares* в 70 раз. Нет необходимости говорить, что для креола было неслыханным делом подняться на высокий официальный пост в Испании. Более того, препонами были обставлены не только вертикальные паломничества креольских функционеров. Если полуостровные чиновники могли проделать путь из Сарагосы в Картахену, потом в Мадрид, Лиму и опять в Мадрид, то „мексиканский“ или „чилийский“ креол, как правило, служил лишь на территориях колониальной Мексики или Чили: горизонтальное движение было для него так же ограничено, как и вер-

тикальное восхождение» [1]. Таким образом, испанское господство прежде всего противоречило экономическим интересам местного креольского капитала и политическим интересам всего остального креольского населения. В культурном же и религиозном плане противоречий у креолов с иберийскими испанцами, на первый взгляд, не было.

Как известно, именно этот феномен во многом лег в основу концепции Б. Андерсона о нации как «воображаемом политическом сообществе». Андерсон пишет о «креольских пионерах» национализма, в освободительной деятельности которых «язык не был элементом, дифференцирующим их от соответствующих имперских метрополий. Все они, в том числе США, были креольскими государствами, которые создали и возглавляли люди, имевшие общий язык и общее происхождение с теми, против кого они боролись. На самом деле, можно уверенно сказать, что в их ранней борьбе за национальное освобождение вопрос о языке никогда даже не ставился» [Там же]. Именно в этом, с точки зрения Андерсона, и заключается загадка: «Почему именно креольские сообщества так рано сформировали представление о том, что они нации, — задолго до большинства сообществ Европы? Почему такие колониальные провинции, обычно содержавшие большие, угнетенные, не говорившие по-испански населения, породили креолов, сознательно перепределивших эти населения как собратьев по нации? А Испанию, с которой они были столь многим связаны, — как враждебных иностранцев? Почему испано-американская империя, безмятежно существовавшая на протяжении почти трех столетий, вдруг неожиданно распалась на 18 самостоятельных государств?» [Там же].

Первая часть ответа Б. Андерсона на свой вопрос, на наш взгляд, не вызывает сомнений: «Первую зацепку для ответа на этот вопрос мы находим в том поразительном факте, что каждая из новообразованных южноамериканских республик была с XVI до XVIII в. административной единицей. В этом отношении они стали предвестницами новых государств, появившихся в середине XX в. в Африке и разных районах Азии, и разительно отличаются от новых европейских государств конца XIX — начала XX в. Первоначальные очертания американских административных единиц были в какой-то сте-

пени произвольными и случайными, помечая пространственные пределы отдельных военных завоеваний. Но под влиянием географических, политических и экономических факторов они обрели со временем более прочную реальность. Сама обширность испано-американской империи, необычайное разнообразие ее почв и климатов и, прежде всего, исключительная затруднительность коммуникаций в доиндустриальную эпоху способствовали приданию этим единицам самодостаточного характера» [1]. Впрочем, в этом рассуждении нет ничего нового. Еще в самом начале XIX в. аббат де Прадт предсказал, что «испанские владения в Америке добьются самостоятельности и образуют 15-17 государств („наций”)» [9, с. 143].

Серьезные сомнения вызывают дальнейшие рассуждения Б. Андерсона. В качестве предварительного вывода из своей аргументации он отмечает, что она нацелена не столько на объяснение социально-экономических оснований сопротивления, направленного в Западном полушарии против метрополий, сколько на объяснение того, почему это сопротивление было воспринято именно во множественных «национальных» формах. Как пишет Андерсон, экономические интересы, поставленные на карту, хорошо известны и явно имеют основополагающее значение, а либерализм и Просвещение тоже, несомненно, оказали мощное влияние, и прежде всего тем, что дали арсенал идеологической критики колониальных имперских режимов. Однако, по его мнению, «ни экономический интерес, ни либерализм, ни Просвещение не могли сами по себе создать и не создавали тот тип, или форму, воображаемого сообщества, который необходимо было защищать от посягательств этих режимов; иначе говоря, ничто из них не создавало общую рамку нового сознания — т. е. едва заметную периферию его поля зрения, — в отличие от попадавших в центр этого поля объектов восхищения или отвращения. Решающую историческую роль в осуществлении этой особой задачи сыграли креольские паломники-функционеры и провинциальные креольские печатники» [1]. На наш взгляд, роль этих факторов сильно преувеличена, да и вообще является сомнительной. Так, например, книгопечатание скорее не создает новую нацию, а, напротив, искусственно сохраняет единую языковую литературную

норму, замедляет языковые изменения и тем самым поддерживает единство изначального языкового сообщества. С нашей точки зрения, распад испанской колониальной империи в значительной мере был вызван именно языковыми причинами.

Любой живой язык не является застывшей математической системой, напротив, он постоянно изменяется. Современная лингвистика считает изменчивость глубинным и универсальным свойством языка. Причем возможность и необходимость этих изменений вытекает из сущности языка как информационного кода, с помощью которого происходит взаимодействие индивидов. И этот код обладает избыточностью (одно и то же можно выразить разными словами). Иначе — крах коммуникации. Любое конкретное языковое сообщество в данное время избирает свой «эталон» в этой вариативности. Таким образом, в случае разделения носителей одного языка (фактор расстояния и внешних преград) неизбежен распад этого языка на диалекты, а затем, возможно, и на самостоятельные языки. Еще в XIX в. неограмматики утверждали, что язык распадается на диалекты под влиянием двух факторов — времени и расстояния. Это произошло и с испаноязычным креольским сообществом в Америке. Фактору географической удаленности от метрополии сопутствовало существование местного индейского и даже негритянского субстрата в языке. В итоге за 300 лет отдельного существования испанский язык в Америке приобрел свои четко выраженные языковые особенности, стал диалектом (или скорее конгломератом диалектов), неким «маркером», отделяющим «своих» от «чужих».

Известный лингвист В.С. Виноградов писал: «Протяженность испаноязычного ареала, контакты испанского с языками аборигенов, исторические, этнографические, миграционные, политические и прочие особенности этих государств не могли не повлиять на дифференциацию испанского языка в зависимости от зоны его использования. Неоднородность испанского языка не ограничена его членением на диалекты и говоры. В нем выделяется еще одна разновидность, более высокого уровня: так называемые национальные варианты. Каждый из них реализуется в одном из 20 испаноязычных государств... Под национальными



вариантами понимаются „такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности”» [2, с. 81]. Лингвист-романист Г.В. Степанов отмечал, что «испанский язык Америки есть разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общенародных форм и местных диалектов и говоров» [10, с. 9]. Языковед Н.М. Фирсова писала, что «в силу негомогенности испанского языка национально-культурная специфика речевого общения в нем проявляется в двух планах: с одной стороны, при его сопоставлении с иными языками (межъязыковая национально-культурная специфика), с другой – при сопоставлении между собой различных национальных вариантов испанского языка (межвариантная национально-культурная специфика)» [12, с. 52].

Процесс распада испаноязычной общности привел к возникновению ряда новых языковых коллективов, сложившихся на основе административных границ испанских колоний. «Длительный процесс смешения различных этнических компонентов сопровождался установлением определенной общности местного, креольского, негритянского и части индейского населения Испанской Америки. Все они говорили на испанском языке, исповедовали католицизм. Ранее не связанные между собой территории отдельных племен и народов были объединены в рамках вице-королевств и генерал-капитанств, делившихся на провинции и более мелкие административные единицы. Важное значение имели развитие экономических связей и образование внутреннего рынка в каждой из колоний. Под воздействием всех этих факторов к началу XIX в. сложились объективные предпосылки становления испаноамериканских наций. Однако дальнейшей национальной консолидации препятствовало колониальное положение Испанской Америки» [7].

Причем «к этому же времени едва уловимые различия между американскими европейцами и европейцами из метрополий начали перерастать в отчуждение и неприязнь. На бытовом уровне это проявлялось в употреблении креолами презрительных кличек по отношению

к европейцам и в ответных колкостях европейцев, подобных той, что они и детей бы собственных любили больше, если б факт рождения в Америке не делал их креолами. На уровне самосознания у креолов складывалось ощущение принадлежности не к европейской, но к американской общности как особой нации. Когда же, указывая на индейцев, негров и т. п., европейцы изобретали для таких наций оскорбительные ярлыки (вроде нации макак в Бразилии), креолы, помимо прочего, отвечали присвоением истории других этносов. Они, например, до такой степени принимались восхвалять подвиги чилийских арауканов в битвах с конкистадорами в XVI в., будто имели к героизму индейцев самое прямое отношение» [Там же].

Таким образом, на наш взгляд, в Латинской Америке (так же как и во всех других регионах) экономические противоречия были лишь необходимым «горючим» для сепаратизма, но не его истоком. Исток же – это появляющиеся в связи с дальностью расстояний (затруднение в общении) и местного субстрата (индейцы) национально-языковые особенности, ведущие к неизбежному противостоянию с испаноязычной общностью метрополии и формированию новой латиноамериканской идентичности.

Создание языковой «цивилизации». Итак, наша лингвистическая интерпретация истории может быть сведена к достаточно простой схеме, которая во многих аспектах совпадает с современными социологическими концепциями.

Под термином «сообщество» мы понимаем группу индивидов, которая естественно и долговременно объединена через общение. Любая форма человеческого сообщества одновременно является и устойчивым языковым коллективом (от уровня семьи или дружеского сообщества до уровня «этноса»). Таким образом, «этнос» – это «тотальное», идеальное и «изначальное» языковое сообщество. Оно построено на основе горизонтальных связей и обладает как «естественной» саморегуляцией, так и способностью к самовоспроизведению. Языковая общность существует, пока существует язык, и изменяется вместе с ним. Как писал К. Манхейм, на этом уровне внутри сообщества существует «полное единение в направлении интенции и, как следствие этого единения, содержательно родственное мировоззрение и мирозидание» [6]. По его мнению, «там, где эта патриархальная форма

(имеющая место и в классовом обществе) сохраняется, участники застолья могут различаться по степени имеющейся в их руках власти, но в своих представлениях о мире они не знают никаких различий; в любом смысле слова они образуют конъюнктивную общность» [6]. Этот язык автоматически создает свою (крайне расплывчатую и неуловимую для тех, кто существует в этом языке) «базовую идеологию», которая может быть обозначена и как видение мира.

Но, расселяясь на новых территориях и расходясь географически, эта естественная языковая и религиозная общность естественно и распадается. Происходит постепенный переход от языковой общности («языки») к новым диалектам и племенам, но какая-то база для «взаимопонимания» всё равно остается и «большая» языковая общность виртуально продолжает свое существование, несмотря на распадение «большой» религии на «маленькие», а одного языка на множество диалектов.

Причины кризиса общности как основной социальной системы могут быть выведены как из экономического прогресса (что особенно близко системе понимания, принятой в нашем сообществе), так и из демографии или процесса завоеваний. Несколько упрощая, можно сформулировать следующий принцип: экономика «тащит» общество в будущее, а культура — в прошлое. Таким образом, в процессе экономического развития и завоеваний осуществляется постепенный переход от племен к государствам, а затем от «этнических» государств к империям. На этом уровне исчезает религиозное многообразие в пользу «имперской» религии, происходит языковая унификация (как в Римской империи, частью которой некогда была Испания). Но постоянное расширение границ приводит к естественному географическому регионализму и возникновению новых диалектов (испанский, как известно, возник на основе латыни)... Опять начинается распад, совершается переход от империи к государствам. Причем эти «диалектные государства» часто претендуют не только на политическую и экономическую свободу, но и подчеркивают свою языковую независимость. Одновременно и оставшаяся в наследство от империи универсальная религия поддерживается «священным языком» империи, всё более «этнизируется» каждым языком. Но затем происходит очередной виток языковой консоли-

дации. В процессе развития капитализма осуществляется переход от феодальных «сеньорий» к единому национальному абсолютистскому государству на основе оставшихся или вновь появившихся естественных языковых границ. В то же время отбрасывается всеимперский язык и модифицируется в национальном духе всеимперская религия. Происходит «снятие раздвоения человека на гражданина и христианина», и возникают новые «языческие» религии и идеологии (в смысле предназначенные для отдельного «языка»). В Европе Нового времени начинается изобретение своих «государственных» религий, тем не менее претендующих на универсальность по самой своей религиозной функции. В этой роли в немецком случае пытается выступить лютеранство, в английском — англиканство, во французском — кальвинизм. Одновременно и католицизм во многом «приватизировался» романским миром (с которым отныне фактически стали совпадать границы его распространения в Западной Европе)...

Секуляризация Нового времени влечет за собой естественное возвращение к языковым основам, ибо в случае утраты «языческой» религии общество может вернуться лишь к своей базовой языковой картине мира. Таким образом, в XIX в. происходит не столько изобретение «нации» из ничего, сколько сакрализация и «очищение» от исторических и религиозных напластований языкового сообщества национального языка. На неосознанной основе своей языковой картины мира возрождается и укрепляется национализм, который вновь пытается завоевать сопредельные и отдаленные страны, навязав им свое политическое господство и язык.

Но империи по историческим меркам недолговечны. Географическое разделение способствует возникновению новых культурных общностей (и диалектов) и тем самым является «горючим» для сепаратизма. Однако после освобождения колоний от политической и «языковой» метрополии исчезнувшие империи виртуально продолжают свое лингвоидеологическое существование, если оставляют после себя сложившееся и многочисленное языковое и религиозное сообщество. Среди исчезнувших политически, но культурно сохранившихся империй можно назвать не только Арабский халифат, но и испанскую, британскую и фран-



пузскую колониальные империи Нового и Новейшего времени... На этой основе происходит возрождение этого прежнего латиноамериканского и даже ибероамериканского единства на качественно новом уровне. Лингвистически родственные государства закономерно создают международные политические союзы государств на основе схожего культурно-языкового базиса и, как следствие, «склонности» к той или иной идеологии. Впрочем, этот процесс начинается и развивается только в условиях противостояния данной «цивилизации» с другими культурно-языковыми мирами. Так, например, «левый поворот» и так называемый «социализм XXI в.» в Латинской Америке во многом были вызваны провалом неolibеральной идеологии, которая рассматривалась как продукт «англосаксонского мира». Эта трансформация была бы «невозможна без поддержки власти населением» [8, с. 16]. Одновременно происходит и усиление взаимодействия на ибероамериканском уровне. Причем «культурно-цивилизационная „соприродность” Латинской Америки Европе постоянно выделяется как важнейшее условие, основа успешного развертывания подобного диалога» [5, с. 251].

Современные лингвистические ландшафты — это результат исторических изменений. Но это не только музейные экспонаты, покрытые геополитической пылью, они во многом определяют будущие тренды мировой истории. Прошли века завоеваний, насильственной ассимиляции и великого переселения народов. Но лингвистическая карта не застыла, как лава, повинувшись волшебной палочке Фукуямы.

В сущности, процесс внутриязыковых изменений лишь ускорился, а границы между языками стали более расплывчатыми. Языковая карта меняется всё так же быстро, как и в прошедшие века. Борьба языков не прекратилась, и с внешней стороны ничего не изменилось. Настали времена политико-экономического доминирования (всемирного или регионального), массового изучения глобального и государственных языков и массовой миграции.

«Реальностью общественного бытия являются значительные языковые различия между разными языковыми сообществами, которые очевидны и „онтологичны”» [3]. Как следствие, это предполагает и значительные лингвополитические (идеологические) различия между «нациями» и «этносомами». Создавая естественные лингвополитические союзы, они формируют новый мировой порядок на лингвополитической основе. Когда не будет разделения на «своих» и «чужих», политического противостояния, не останется и лингвополитического разделения, а культурное станет чисто формальным. Это, однако, весьма маловероятно в обозримом будущем.

Итак, наш основной «исторический» вывод может быть сформулирован достаточно просто: на долгих исторических промежутках доминируют не политические, а языковые разделения, выступающие в разных лингвополитических формах. Множественность социальных разделений, так или иначе, всегда преодолевается константой языка, который изменяется гораздо медленнее. Языковое разделение побеждает все остальные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php. (дата обращения: 04.03.2015).
2. **Виноградов В.С.** Лексикология испанского языка. М., 2003.
3. **Дмитриев М.В.** Стабильность языкового значения. URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3468_lebedev (дата обращения: 21.02.2015).
4. **Ибероамерика** в мировом цивилизационном процессе (из материалов дискуссии) // *Iberica Americans*. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX — начала XXI века. М., 2009.
5. **Латинская Америка** в современной мировой политике. М., 2009.
6. **Манхейм К.** Социологическая теория культуры в ее познаваемости. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/manh_soc/04.php (дата обращения: 12.03.2015).
7. **Марчук Н.Н.** История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX века. URL: http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latin_america (дата обращения: 08.12.2015).
8. **Пекольдт К., Коваль А.Г.** Трансформационные процессы в Латинской Америке: причины и тенденции // *Латинская Америка*. 2012. № 9.

9. Семёнов С.И. Преобразования «нации» в Латинской Америке // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М., 2007.

10. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.

11. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. М., 2012.

12. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. М., 2000.

ЧЕРНОВ Игорь Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: igor_chernov@mail.ru

I.V. Chernov

SPANISH-SPEAKING COMMUNITY AND THE NATIONS OF LATIN AMERICA: LINGUO-POLITICAL ANALYSIS

The relevance of the study due to the growing influence of Latin American countries in international affairs, the active development of Russia's ties with the region. In this context, this article aims to identify the role linguo-political association of Latin American countries in international political processes (as in historical perspective, and at the present stage). The author analyzes the data processes as an example of the struggle for the independence of Latin American countries, and at the present stage of registration of the Hispanic pole of world politics. The study is conducted on the basis of historical and generative method, with the involvement of linguistic methods and methodology of linguistic determinism (Sapir, Whorf). Language is considered by us as the most important factor in the political process. For any political (and any other) community can not function without a common language. That is, any social community is, above all, language community. Language change – is a kind of mirror of the socio-economic processes taking place in society, their quintessence. Therefore, it is the easiest language examples present a model of any historical or political process. It is shown that the linguistic related states create international political alliances on the basis of similar cultural and linguistic basis and, as a corollary, “addiction” to this or that ideology. However, this process begins and develops only in the confrontation of the “civilization” with other cultural and linguistic worlds. For example, “left turn” and the so-called “socialism of the XXI century” in Latin America was largely caused by the failure of neo-liberal ideology, which was seen as a product of “the Anglo-Saxon world.” It is shown that the preliminary disintegration of the Spanish-speaking linguistic community (Spain, Latin America) has its immediate outcome of the struggle for the independence of the American colonies from Spain and the creation of independent from the mother and from each other Hispanic American States. Now, at the present stage, to some extent, we can observe a revival of the old Latin American and Ibero-American unity to a new level (as, indeed, and between the UK and the US). Thus, it seems logical establishment of international political alliances of states on the basis of similar cultural and linguistic basis. Article submissions may be used for the analysis of prospects for the activities of international political alliances and serve the further development of linguo-political research.

NATION; LINGUISTIC COMMUNITY; HISPANOPHONIA; INTERNATIONAL RELATIONS;
REGIONALIZATION; INTERNATIONAL ORGANIZATIONS.



REFERENCES

1. Anderson B. *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [The imagined communities. Reflections about sources and distribution of nationalism]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php (accessed 04.03.2015).
2. Vinogradov V.S. *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [Lexicology of Spanish language]. Moscow, 2003. (In Russ.)
3. Dmitriyev M.V. *Stabil'nost' yazykovogo znacheniya* [Stability of linguistic meaning]. Available at: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3468_lebedev (accessed 21.02.2015).
4. [Iberoamerica in world civilization process (from discussion materials)]. *Iberica Americans. Latinoamerikanskaya kul'tura v diskussiyakh kontsa XX – nachala XXI veka* [Iberica Americans. The Latin American culture in discussions of the end of XX – the beginnings of the XXI centuries]. Moscow, 2009. (In Russ.)
5. *Latinskaya Amerika v sovremennoy mirovoy politike* [Latin America in modern world politics]. Moscow, 2009. (In Russ.)
6. Manheim K. *Sotsiologicheskaya teoriya kul'tury v yeye poznavayemosti* [Sociological theory of culture in its cognoscibility]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/manh_soc/04.php (accessed 12.03.2015).
7. Marchuk N.N. *Istoriya Latinskoj Ameriki s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Latin America since the most ancient times before the beginning of the XX century]. Available at: http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latin_america (accessed 08.12.2015).
8. Petsold K., Koval A.G. [Processes of transformation in Latin America: reasons and tendencies]. *Latin America*, 2012, no. 9. (In Russ.)
9. Semyonov S.I. [Transformations of “nation” in Latin America]. *Natsional'naya ideya. Strany, narody, sotsiumy* [National idea. Countries, people, societies]. Moscow, 2007. (In Russ.)
10. Stepanov G.V. *Ispanskiy yazyk v stranakh Latinskoj Ameriki* [Spanish in the countries of Latin America]. Moscow, 1963. (In Russ.)
11. Firsova N.M. *Ispanskiy yazyk i kul'tura v ispanoyazychnykh stranakh* [Spanish and culture in the Spanish-speaking countries]. Moscow, 2012. (In Russ.)
12. Firsova N.M. *Yazykovaya variativnost' i natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya v ispanskom yazyke* [Language variability and national and cultural specifics of speech communication in Spanish]. Moscow, 2000. (In Russ.)

CHERNOV Igor V. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: igor_chernov@mail.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Я. МАРРА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (1919–1920, 1922–1934 ГГ.)***

Статья посвящена деятельности Н.Я. Марра (1864/65–1934), одного из ведущих отечественных ученых 1910–1930-х гг., на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (до 1926 г. Российская академия истории материальной культуры, РАИМК). Так как вопросы истории российской науки часто исследуются в различных идеологических ракурсах и исходя из определенных политических установок, автор статьи обращался к принципам эпистемологической нейтральности С. Ору. На основании широкого спектра не введенных в научный оборот архивных источников проанализированы особенности руководства одним из ведущих научных гуманитарных центров страны в непростых политических условиях 1920-х гг. Н.Я. Марру удалось выработать принцип взаимоотношения с властью, позволявший защищать интересы академии, успешно отстаивать претензии своей лингвистической теории и одновременно пользоваться содействием коллег, поддерживавших его кандидатуру в качестве председателя. При этом в условиях обострения идеологической борьбы 1920–1930-х гг. он, с одной стороны, стремился смягчить «чистку» академии, но, с другой, в случае конфликтов с коллегами шел на союз с сочувствующими его теории молодыми борцами за марксизм. Таким образом, роль Н.Я. Марра как председателя ГАИМК была амбивалентной – при признании колоссальных заслуг ученого в создании и функционировании академии с него нельзя снимать ответственность за агрессию по отношению к своим оппонентам, перешедшую в репрессии 1930-х гг., затронувшие в том числе и ГАИМК. Обращение к данной теме помогает дополнить представления о биографии ученого. Материалы статьи могут быть использованы при исследовании взаимоотношений ученого сообщества и власти, а также институционализации новых научных учреждений в постреволюционный период.

Н.Я. МАРР; ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ; НАУКА И ВЛАСТЬ; ИСТОРИЯ НАУКИ; ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ.

Личность Николая Яковлевича Марра (1864/65–1934), благодаря ее спорности и значимости в истории отечественной гуманитаристики, является одной из самых популярных

среди историков науки. Не меньший интерес, чем его научное наследие, представляет фигура Н.Я. Марра-руководителя, бесспорно талантливого администратора, возглавлявшего целый ряд научных центров страны. В условиях непосредственной зависимости развития науки от поддержки правительства и постоянных изменений политической и экономической ситуации в стране Марру удавалось разрабатывать

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук (проект МК-6876.2016.6).



сценарии взаимоотношения с властью, которые позволяли ему добиваться успехов как в царское время, так и в советский период. При этом в рамках руководства каждым отдельным учреждением (факультетом восточных языков Петербургского/Петроградского университета, Государственной академией истории материальной культуры, Яфетическим институтом, Государственной публичной библиотекой) они были уникальными. В центре внимания настоящей статьи находится деятельность Н.Я. Марра в качестве председателя Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (до 1926 г. Российская академия истории материальной культуры, РАИМК).

Несмотря на активное участие в реализации проекта создания академии многих представителей ученого сообщества, ключевой фигурой в этом процессе по праву можно считать Н.Я. Марра¹. В мае 1918 г. он был единогласно избран взамен скончавшегося Н.И. Веселовского штатным членом Археологической комиссии, на базе которой и была основана академия, а уже в ноябре того же года стал ее председателем. К тому моменту Марр был деканом факультета восточных языков Петроградского университета и ординарным академиком Академии наук, а участие в раскопках в Армении принесло ему известность и уважение среди коллег. Именно Н.Я. Марр в начале октября 1918 г. поставил перед наркомом просвещения А.В. Луначарским вопрос о преобразовании комиссии в академию [2, с. 27]. Декрет о создании академии был подписан В.И. Лениным 18 апреля 1919 г. Выборы в ее состав прошли 5–7 августа 1919 г., председателем академии стал Н.Я. Марр. Его кандидатура идеально подходила сразу по нескольким причинам. Во-первых, он был на тот момент одним из самых талантливых организаторов и администраторов среди ученого сообщества, а его бесконечная энергия, умение доказывать власти свою правоту и доводить начатое до конца позволяли преодолевать любые бюрократические барьеры. Академия получила особый статус, «археологические исследования впервые становились государствен-

ным делом» [3, с. 14], и уровень их проведения определялся РАИМК².

Вторым фактором, послужившим избранию Н.Я. Марра, являлась его репутация человека, который устраивает новую власть. Основания так думать действительно есть. Кроме А.В. Луначарского, среди большевистских лидеров он активно контактировал с его заместителем З.Г. Гринбергом и заведующей Отделом по делам музеев Н.И. Троцкой. В частности, двое последних активно способствовали передаче академии Мраморного дворца, на который также претендовал Всероссийский союз рабочих водного транспорта [5, с. 89].

Тем не менее, вопреки распространенному мнению [См., например: 6, с. 38–39], у ученого не было каких-либо совершенно особых отношений с большевистскими лидерами. Его коллеги по РАИМК (скажем, С.Ф. Ольденбург) могли точно так же свободно обращаться к А.В. Луначарскому или М.Н. Покровскому [7, с. 372], а Б.В. Фармаковский являлся другом детства и юности самого В.И. Ленина [8, с. 1072]. Одновременно ученый в принципе не симпатизировал революционному движению как таковому, ему было не важно, с какой властью договариваться: одинаково активно и достаточно успешно он это делал и с министром народного просвещения Л.А. Кассо [7, с. 372], и с министрами Временного правительства (например, с А.А. Мануйловым) [9, л. 10–11], и с большевиками. Многие коллеги Марра по академии просто либо не умели, либо не хотели этого делать. Они даже готовы были смириться со сложным характером ученого, его неадекватным поведением, позднее начавшим граничить с сумасшествием.

В течение 1920-х гг. Н.Я. Марр умело выстраивал взаимоотношения как с властью, так и со старой академической элитой. Новая академия сохраняла свой прежний состав и тематику исследований, долгое время в ней не было ни одного члена Коммунистической партии (сам ученый вступил в партию в 1930 г.). Желание оставить прежних специалистов было следствием не только понимания Марром их компетентности, но и стремления служить интересам и ценностям самой академической

¹ Сам Н.Я. Марр этого впоследствии не отрицал, называя себя «инициатором» учреждения академии [1, с. 129].

² На практике археологические раскопки часто проводились без разрешения академии [4, л. 101].

корпорации. Ученый очень гордился тем, что смог сохранить всех работников Археологической комиссии [10, с. 2–3; 11, с. 78] (это было закреплено в пункте 2 Декрета об учреждении академии [12, с. 1]). Востоковед И.М. Дьяконов даже назвал академию «заповедником», «где под эгидой Марра и ленинского декрета могли спастись неприкаемые гуманитарии» [13, с. 256]. Кроме этого, Н.Я. Марр всегда старался помогать своим подчиненным и защищать их. Ученый постоянно ходатайствовал перед властями об освобождении арестованных сотрудников (в частности, А.С. Раевского и М.М. Гирсе в 1920 г.), подключая для этого личные связи [14, л. 15 об., 19 об., 30 об.].

Умение Н.Я. Марра вести диалог с властью благотворно сказывалось на развитии академии. Он неустанно выбивал средства на экспедиции, издания, зарплаты. Исследователь В.В. Селиванов отмечает, что активность Марра, его многочисленные лекции, командировки, поездки и различные выступления расширяли и увеличивали «не только лично его популярность и известность, но не в меньшей мере и популярность ГАИМК'а, известность его сотрудников как крупных и высокоавторитетных ученых» [15, с. 478].

Незаменимость Н.Я. Марра в качестве руководителя академии стала очевидной уже вскоре после его назначения. На заседании правления 16 августа 1920 г. он возбудил ходатайство об освобождении его от исполнения обязанностей председателя ввиду предстоящего отъезда в командировку в Италию и просил разрешение передать их С.Ф. Ольденбургу. Также ученый заявил, что по возвращении из поездки он на этот пост не вернется [16, л. 76]. Правление постановило обратиться в совет академии с представлением о назначении выборов президиума [Там же. Л. 76 об.]. 13 сентября 1920 г. новым председателем академии стал А.А. Васильев, который был не способен жестко отстаивать ее интересы в коридорах власти. В частности, при нем число сотрудников академии резко снижалось (в 1921 г. – 224, из них 204 по научной части, а в 1922 г. – 170, из них 140 по научной части) [17, л. 70 об.]³. На заседании со-

вета 30 октября 1922 г. было заслушано словесное заявление А.А. Васильева с ходатайством об освобождении его от занимаемой должности [18, л. 70]; оно также было доложено и. о. ученого секретаря С.А. Жебелевым на заседании правления 10 ноября 1922 г. [19, л. 73]. Временным исполняющим обязанности председателя стал товарищ председателя, ученый сотрудник С.Н. Тройницкий. Вскоре правление приняло решение предложить на пост председателя кандидатуру Н.Я. Марра [20, л. 84 об.]. На наш взгляд, выбор был обусловлен именно тем, что ученый обладал административным талантом. Об острой нехватке администраторов среди членов академии говорит и пример И.А. Орбели, который долгое время безуспешно пытался сложить с себя обязанности заведующего издательством академии и даже составил записку, где признавался: «Я совершенно не приспособлен для исполнения каких бы то ни было административных обязанностей» [21, л. 35]. Несмотря на это, коллеги всячески просили его остаться [Там же].

Признание и значительная поддержка со стороны властей в условиях 1920-х гг. не означала безмятежного существования академии. Ее руководству приходилось постоянно бороться за обеспечение нормальной работы академии, материальную помощь и гарантии. Н.Я. Марр делал это успешнее других. Вернувшись из-за границы, он на первом же заседании сообщил, что заведующий Петроградским управлением научных учреждений согласился отпустить средства на перевозку библиотеки, музея и склада изданий Русского археологического общества в помещение академии [22, л. 36], а также что, «по полученным им сведениям, Главнаука считает желательным учреждение в Москве органа Академии» [Там же. Л. 69].

После возвращения на пост председателя ученый с головой погрузился в решение многочисленных проблем. В письме заведующему Управлением научных учреждений М.П. Кристи в 1923 г. Марр отмечал, что академия – «одно из редких оказавшихся жизнеспособными крупных учреждений, потребность в котором в РСФСР не только научная, в интересах чисто теоретических изысканий, но и материальная, поскольку богатства памятников человеческой культуры ископаемых и надпочвенных, беспримерно богатых у нас, и в целях одной лишь ох-

³ Правда, Н.Я. Марру удалось лишь немного ограничить сокращение штатов: в 1925 г. число сотрудников академии снизилось до 96 человек [15, с. 499].



раны их требуется процветание, а не прозябание молодой Академии» [4, л. 100]. Он рьяно отстаивал интересы академии в вопросе сокращения ее штатов: «Передайте всем, кому дороги укрепление порядка в России при существующей общественности, что Академия Истории Материальной Культуры заслуживает не урезания штатов, не ущемлений созданием параллельных импотентных организаций, а усиления и всякого содействия. Повторяю, я это говорю не только потому, что я Председатель; то же самое буду я утверждать, уйдя из председательства, что, вероятно, придется сделать, если вместо дела мне придется заниматься поддержанием канцелярской переписки о прошлогоднем, вроде вопроса о времени распубликования декрета об учреждении Академии Истории Материальной Культуры, созданной чуть не под свист пуль» [Там же. Л. 101]. В том же письме за нежелание Наркомпроса финансировать работы академии Н.Я. Марр сравнивает его политику с действиями царских властей: «Правда, я слышал, что в Наркомпросе обращали внимание на необходимость „заниматься Уралом, а не отвлекаться Палестиной“, но людям с таким пониманием научно-исследовательских задач в РСФСР следовало бы вернуться и к общественной организации эпохи существования Императорской Археологической Комиссии» [Там же. Л. 100 об.]. Стоит отметить, что финансовое положение академии в этот период действительно было тяжелым – шестнадцати наиболее квалифицированным ее сотрудникам пришлось отказаться от оплаты труда и работать безвозмездно [23, л. 106; 4, л. 100].

Для того чтобы добиться принятия своей точки зрения, Н.Я. Марр также использовал один интересный и во многом показательный прием, который в его случае всегда срабатывал. Когда ученого категорически не устраивало что-либо в политике власти по отношению к возглавляемому им учреждению или в поведении его коллег, он сразу же писал заявление об отставке. Уже на втором заседании совета только что созданной академии 14 августа 1919 г. Марр заявил, что «слагает с себя обязанности Председателя», так как его не удовлетворили результаты голосования, которые, по мнению ученого, свидетельствовали о недостаточной поддержке со стороны коллег [24, л. 4–5]. Менее чем через 3 месяца после своего возвращения на долж-

ность председателя, в самом начале сентября 1923 г., Марр направил в совет академии записку: «Находя бесполезным при сложившихся условиях мое председательство в Академии Истории Материальной Культуры и признавая невозможным, при имеющихся у меня на руках специальных по моим знаниям научно-исследовательских и научно-учебных дел, тратить время на бесполезное дело, прошу Совет быть ко мне снисходительным и не осудить, что я отказываюсь от должности Председателя Академии. Причем прошу ввиду состояния моего душевного разрешить мне не принимать участия в административных делах Академии, ни вообще по управлению Академией» [25, л. 50]. Ученый был не доволен тем состоянием дел, которое досталось ему в наследство от предшественника. Вероятно, со стороны коллег было явное или скрытое желание переложить на активного Марра всю административную работу, начиная с борьбы за расширение штата и заканчивая решением вопросов снабжения дровами, починки водопровода и пр. На заседании совета, на котором оглашалась записка, было постановлено: «Признавая, что при создавшихся условиях исполнение обязанностей Председателя Академии является невозможным для кого-либо из ее членов, отложить суждение по существу заявления Н.Я. Марра до ближайшего заседания Совета» [26, л. 49]. На следующем заседании, состоявшемся 1 октября, Н.Я. Марр уже вновь присутствовал в качестве председателя. Видимо, это был пример одного из его многочисленных нервных срывов, которые быстро проходили.

На заседании 3 марта 1924 г. было заслушано письмо Н.Я. Марра, в котором он отказывался от всякой работы в академии вследствие «создавшихся условий» [27, л. 8]. Члены совета сочли, что причиной написания письма явилась ненадлежащая организация президиума академии [Там же. Л. 8 об.]. Марр желал двух товарищей председателя вместо одного. В итоге совет, как всегда, пошел ему навстречу и постановил «назначить на следующее заседание Совета выборы двух Товарищей Председателя и Ученого Секретаря Академии» [Там же. Л. 8]. Эти выборы не прошли без эксцессов. Как следует из протокола заседания, на котором проводились выборы [28, л. 10 об.], вместо С.Н. Тройницкого Н.Я. Марр предложил на должности В.В. Бартольда и А.С. Жебелева, избрание ко-

торых состоялось на заседании 10 марта [28, л. 13 об.—14]. Тройницкий в письме Марру выразил сожаление, что тот не сообщил ему о своем предложении. «В противном случае, — писал Тройницкий, — я мог принять в нем более деятельное участие, тем более что сейчас же по Вашем вторичном избрании на должность Председателя, в июне 1923 года, я предоставил Вам возможность наметить Товарища Председателя по Вашему выбору» [Там же. Л. 11]. В ответном письме Марр утверждал, что это было решение не его, а академии [Там же. Л. 12]. Серьезных последствий этот случай не имел — на следующем заседании тема не поднималась, а через заседание Марр поблагодарил членов совета за проведение реконструкции президиума [29, л. 18 об.]. Подобные многочисленные примеры того, с какой легкостью ученый готов был расстаться (хотя бы на словах) с академией, на наш взгляд, не позволяют согласиться с мнением П.И. Борисковского, утверждавшего, что именно ГАИМК была «любимым детищем» Н.Я. Марра [30, с. 5]. Во всяком случае, постоянные угрозы увольнения характерны именно для его работы в ГАИМК и, например, в практике руководства действительно его любимым детищем, Яфетическим институтом, не встречались.

Весьма интересно отметить, что к подобным способам отстаивания своих интересов прибегал и Т.Д. Лысенко, который в своих обращениях к партийным лидерам «не раз угрожал отставкой, пытаясь заставить власть предпринять нужные ему действия» [31, с. 63]. Можно вспомнить и В.И. Ленина, угрожавшего на заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля 1918 г. подать в отставку в случае непринятия решения о заключении мира на условиях Германии.

Еще одной особенностью взаимодействия власти и ученого сообщества в относительно спокойных с точки зрения идеологического диктата 1920-х гг. являлось то, что представители последнего не боялись смело отстаивать свои интересы в диалоге с властью [32, с. 85]. На заседании совета академии 30 апреля 1928 г. Н.Я. Марр огласил записку о предполагаемом выделении художественных музеев из ведения Главнауки. Совет заявил, что это губительно отразится на деле музейного строительства, о чем решили сообщить наркому просвещения [33, л. 9 об.]. Этим заявлением

академия, в частности, давала понять, что ее больше устраивала политика, которую проводила бывшая заведующая Отделом по делам музеев Н.И. Троцкая. Она не раз активно помогала Н.Я. Марру и академии, но в 1927 г., после того как Л.Д. Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б), его жена вынуждена была оставить свой пост. После ее отставки Музейный отдел был объявлен «гнездом троцкистов» и подвергся репрессиям [34]. Предполагаем, что даже косвенное выражение симпатии к жене главного врага генеральной линии партии было достаточно смелым и рискованным шагом.

Наиболее чуткие к политическим переменам ученые достаточно рано поняли, что сотрудничество с большевиками подразумевает необходимость принятия материалистической идеологии. Предпосылки идеологического прессинга начали улавливаться в середине 1920-х гг. Руководство Наркомата просвещения стало открыто говорить, что «новое поколение ученых-марксистов, окончивших аспирантуру, должно стать „могильщиком” старой археологии» [См.: 35, с. 43]. В РАИМК первым осознал необходимость введения марксизма Н.Я. Марр. По замечанию М.А. Тихановой, возглавляемый им «разряд Кавказа и яфетического мира <...> куда входили И.И. Мещанинов, И.А. Орбели, Б.Б. Пиотровский и другие, был единственным очагом, в котором делались попытки, правда довольно робкие и не всегда удачные, приблизиться к марксистскому пониманию исторического процесса» [36, с. 34]. Видимо, для того чтобы заручиться лояльностью власти, в апреле 1924 г. в академию в качестве председателя Комиссии по социологии искусства и искусствоведения был приглашен А.В. Луначарский [24, л. 19; 37, л. 22].

Серьезным испытанием для ученой корпорации как ГАИМК, так и других ведущих научных центров страны стали события рубежа 1920—1930-х гг., когда власть санкционировала и активно проводила политику, направленную на перестройку всей науки на основах марксизма-ленинизма. Для Н.Я. Марра это стало периодом жестокой борьбы за утверждение своего «нового учения о языке» в качестве единственной подлинно марксистской теории [5]. При этом беспощадные битвы велись не столько на научном поле, сколько на идеологическом, и



ученый с готовностью принимал поддержку радикально настроенных партийных идеологов. Как известно, борьба закончилась для ученого триумфом, но цена его для науки была очень высока [См. об этом подробнее: 38]. Конечно, последствия утверждения марризма для археологии были далеко не столь трагичными, как для языкознания, однако коллегам ученого по ГАИМК было опасно открыто выступать против во многом антинаучных идей Марра.

Переломным моментом в истории академии стало дело академика А.С. Жебелева, подробности которого, в первую очередь благодаря объемной статье И.В. Тункиной [39], нам хорошо известны. Н.Я. Марр стремился смягчить репрессии. В своем выступлении на собрании по «чистке» аппарата академии он утверждал, что в подконтрольном ему учреждении идеологическая работа велась и ведется в нужном направлении: «В ГАИМК новая общественность не только сложилась, но и выявляет большую активность, и соответственно повысился темп, усилилась массовость общественной жизни внутри учреждения», что в академии держались «новой философии в самой нашей специальности, как по истории материальной культуры, так и речевой» [40, л. 1]. В речи Марра сочетались элементы самокритики и покаяния с высокой оценкой проделанной работы, готовностью к активной перестройке, комплиментами в адрес власти и даже указаниями на недостаточное финансирование. Необычайно сильным являлся его призыв поддержать предложение Ф.В. Кипарисова, старого партийца, пришедшего в академию из системы высшего партобразования, «закреть ГАИМК на год-два и заняться в это время изучением марксизма» [Там же. Л. 7]. Можно представить себе, насколько унижительно было для Н.Я. Марра, одного из влиятельнейших ученых страны, представителя старой школы, главного среди основателей академии, во многом благодаря которому она выживала и развивалась, хвалить служебные порывы партийного выскочки! Он тяжело переживал происходившие события, но готов был признать многочисленные ошибки и делать вид, что горячо поддерживает и считает своевременным нелепое предложение абсолютно некомпетентного в вопросах науки проводника линии партии, лишь бы отвести беду от себя, своих коллег и всей академии.

Именно Ф.В. Кипарисов сменил С.А. Жебелева и исполнял обязанности председателя в отсутствие Н.Я. Марра. В 1930 г. в состав академии вошел еще один профессиональный революционер-большевик, С.Н. Быковский, у которого даже не было высшего образования. Главной своей задачей они видели утверждение в истории материальной культуры марксистско-ленинской методологии. Для этого, в частности, было создано методологическое отделение [41, л. 324 об.] (идея, поддержанная Н.Я. Марром в силу очевидной необходимости пойти на компромисс), занявшееся выдвиганием «новых задач» советской археологии и требований «бескомпромиссной борьбы» с установками буржуазной науки, тотального противопоставления им установок советской науки во всем — «от философской концепции и методологии до конкретных исследовательских методов» [42, с. 23]. Именно по заданию методологического отделения археолог В.И. Равдоникас написал в 1930 г. работу «За марксистскую историю материальной культуры», ставшую символом начала нового этапа в истории академии, подобно тому, как статья И. Сталина «Год великого перелома» обозначила начало нового этапа в истории страны.

Н.Я. Марр был фанатично предан своей яфетической теории, постепенно превращенной им в «новое учение о языке», претендующее на то, чтобы стать единственным подлинно марксистским. В конце 1920-х гг. оно включало в себя не только смелые утверждения о связях ряда языков друг с другом, вольно названных ученым яфетическими (по имени Иафета, третьего сына Ноя), но и идеи о языке как «надстройке» над социально-экономическими отношениями, об общем происхождении всех языков от «четырех элементов» — «трудовых выкриков» САЛ, БЕР, ЙОН и РОШ, отрицание достижений западного языкознания. Подобная позиция делала ученого крайне заинтересованным в союзе с поддерживающими его учение молодыми борцами за марксизм. В связи с этим его поведение в ситуации с «чистками» в академии не может не заслуживать уважения. Марр изо всех сил заступался за попавших в немилость и требовал принятия тезиса о том, что академия достигла некоторых успехов не благодаря ему одному, а благодаря коллективной работе [41, л. 283]. Он говорил о необходимости смяг-

чить приговор сотрудникам, возражал против выдвинутого и разрабатываемого положения о существовании в академии группы евангелистов, хотя и вынужден был согласиться, что к секте принадлежали сотрудники Нарбут и Грибач, а им пособничали Гринберг, Дядьковская и М.В. Фармаковский [41, л. 323]. Председатель пытался оправдать сотрудников, не близких к марксизму [Там же. Л. 324 об.–325]. Показательно, что пострадавшие во время «чисток» не винили в этом Н.Я. Марра, тем более что к этому времени он «в значительной мере уже не был хозяином в руководимых им учреждениях» [43, с. 515]. В частности, это можно сказать о Е.Ч. Скржинской (1894–1981), работавшей в академии и уволенной в августе 1930 г. вместе с рядом других сотрудников за «идеалистическое мировоззрение» [Там же]. В то же время именно Н.Я. Марру удалось не допустить переименования академии в институт, убедив власти, что по функциям академия значительно отличается от института [41, л. 323 об.]. Идеи о переименовании озвучивались властями и раньше [См.: 44, л. 4].

Н.Я. Марр возглавлял ГАИМК вплоть до своей смерти в 1934 г. В саду Мраморного дворца вскоре был установлен памятник с барельефным портретом и надписью «Н.Я. Марр, организатор и председатель ГАИМК в 1919–1934 гг.» [45]. Легенда о герое-одиночке, создавшем академию, ставшем во главе борьбы за материалистическое учение о языке, требовала отказаться от исторической достоверности. Идея учреждения академии принадлежала не только Н.Я. Марру, а с сентября 1920 по ноябрь 1922 г. ее председа-

телем был эмигрировавший в 1925 г. А.А. Васильев⁴, но об этом сочли нужным умолчать.

Как глава академии, Н.Я. Марр до последнего момента стремился сохранить высокую степень свободы учреждения от политических тревог, оставить его неким «заповедником», где работали выдающиеся специалисты старой школы. Даже в жестоких условиях «чисток» рубежа 1920–1930-х гг. он активно заступался за них. Ученый не боялся рьяно отстаивать интересы академии перед властью, что позволило сохранить ее. Одновременно он умело боролся с оппозицией внутри академии, не брезгуя в случае конфликтов с коллегами союзническими отношениями с партийными функционерами. В сочетании с введением марксизма и агрессивной поддержкой молодых партийных идеологов «нового учения о языке» это привело к кризису в развитии учреждения. Таким образом, роль Н.Я. Марра как председателя ГАИМК была амбивалентной – при признании колоссальных заслуг ученого в ее создании и функционировании с него нельзя снимать ответственность за агрессию по отношению к своим оппонентам, перешедшую в репрессии 1930-х гг., затронувшие в том числе и ГАИМК.

⁴ Многие отечественные и зарубежные исследователи до сих пор оперируют в своих работах данными о том, что Н.Я. Марр возглавлял РАИМК – ГАИМК без перерыва с 1919 до 1934 г., до своей смерти [46, с. 87; 47, с. 51; и др.]. При этом сам ученый в своей автобиографии 1933 г. упоминал о том, что он оставил пост председателя академии осенью 1920 г. [1, с. 129].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Марр Н.Я.** Автобиография // Проблемы истории докапиталистических об-в. 1935. № 3–4. С. 126–130.
2. **Пескарева К.М.** К истории создания Российской академии истории материальной культуры // Краткие сообщения Ин-та археол. АН СССР. 1980. № 163. С. 26–32.
3. **Пряхин А.Д.** История советской археологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 284 с.
4. **Марр Н.Я.** Письмо М.П. Кристи (1923 г.) // Центр. гос. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. № 466.
5. **Сидорчук И.В.** Н.Я. Марр и государственная культурная политика 1917–1930 гг. // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 88–93.

6. **Формозов А.А.** Русские археологи в период тоталитаризма. Исторические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

7. **Платонова Н.И.** Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археол. вестн. № 5. 1996–1997. СПб.: Дм. Буланин, 1998. С. 371–381.

8. **Платонова Н.И., Мусин А.Е.** Императорская Археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Имп. Археол. комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отеч. археол. и охраны культурного наследия. СПб.: Дм. Буланин, 2009. С. 1065–1115.

9. **Марр Н.Я.** Письмо А.А. Мануйлову [1917] // Санкт-Петерб. ф-л Арх. РАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. Б-24.



10. **Марр Н.Я.** Государственная академия истории материальной культуры. Л., 1927. 10 с.
11. **Голубева О.Д.** Н.Я. Марр. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. 280 с.
12. **Устав** Российской академии истории материальной культуры [утв. Гос. учен. советом 21 октября 1919 г.]. Пг., 1919. 30 с.
13. **Дьяконов И.М.** Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. 765 с.
14. **Журналы** заседания Правления РАИМК за 1920 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1920) Д. 5.
15. **Селиванов В.В.** Вяч.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (ч. II) // Мнемон. Исслед. и публ. по ист. антич. мира: сб. ст. Вып. 6. СПб., 2007. С. 473–510.
16. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 16 августа 1920 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1920) Д. 5.
17. **Фармаковский Б.В.** Российская академия истории материальной культуры за 1919–1923 годы // Центр. гос. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 466.
18. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 30 октября 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 3.
19. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 10 ноября 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 4.
20. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 20 декабря 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 4.
21. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 12 мая 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 3.
22. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 25 июня 1923 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1923) Д. 7.
23. **Краткий** отчет о деятельности РАИМК за март-июнь 1923 г. // Центр. гос. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 466.
24. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 14 августа 1919 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1919) Д. 4.
25. **Марр Н.Я.** Записка в Совет РАИМК от 1 сентября 1923 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6 (1923).
26. **Протокол** заседания Совета РАИМК от 3 сентября 1923 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6 (1923).
27. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 3 марта 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
28. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 10 марта 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
29. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 7 апреля 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
30. **Борисковский П.И.** Первые 30 лет Института археологии АН СССР // Кратк. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. № 163. М.: Наука, 1980. С. 5–10.
31. **Россиянов К.О.** Сталин как редактор Лысенко. К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ // Вопросы филос. 1993. № 2. С. 56–69.
32. **Fitzpatrick Sh.** Education and social mobility in the Soviet Union. Cambridge Univ. Press, 2002. 368 p.
33. **Журнал** заседания Совета ГАИМК от 30 апреля 1928 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1928) Д. 6.
34. **Кончин Е.Ф.** Революция в Мертвом перелуке // Арбатский арх. Ист.-краевед. альм. Вып. 1 / под ред. С.О. Шмидта. М., 1997. URL: http://msk-csportal.ru/information/book/1/arbat6_1_1.html (дата обращения: 24.07.2011).
35. **Платонова Н.И.** История археологической мысли в России (послед. треть XIX – первая треть XX в.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2008. 52 с.
36. **Тиханова М.А.** Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК – ГАИМК) // Кратк. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. № 163. М.: Наука, 1980. С. 34–36.
37. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 12 мая 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
38. **Алпатов В.М.** История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
39. **Тункина И.В.** «Дело» академика Жебелева // Др. мир и мь: классич. наследие в Европе и России: альм. Вып. II. СПб., 2000. С. 116–161.
40. **Марр Н.Я.** Выступление на собрании по «чистке» ГАИМК // Санкт-Петерб. ф-л Арх. РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 797.
41. **Материалы** по «чистке» сотрудников ГАИМК // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1930) Д. 4.
42. **Мерперт Н.Я.** Из истории Института археологии (к 80-летию его учреждения) // Рос. археол. 1999. № 2. С. 16–31.
43. **Каганович Б.С.** Е.Ч. Скржинская о Н.Я. Марре // Вспом. ист. дисциплины. Т. 30. 2007. С. 514–520.
44. **Об уставе** Академии. Переписка // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1929) Д. 3.
45. **Длужневская Г.В.** Деятельность РАИМК – ГАИМК: 1917–1937 гг. // Археол. и социальный прогресс. Матер. конф. Вып. 1. СПб.: Рус. коллекция, 2006. С. 347–371.
46. **Lawrence L.T.** The linguistic theories of N.Ja. Marr. Univ. of California Press, Berkeley, 1957. 176 p.
47. **Слэзкин Ю.** Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // Нов. лит. обозр. 1999. № 2 (36). С. 48–82.

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: chubber@yandex.ru

I. V. Sidorchuk

NICHOLAS MARR ON THE POST OF DIRECTOR OF THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE (1919–1920, 1922–1934)

The relevance of the study due to the fact that the relationship between science and government in the transitional period of the 1920s in contemporary science investigated not complete and biased. In this regard, this article is aimed at disclosure of such ill-studied question of how the activities of Nicholas Marr as Director of the State Academy for the History of Material Culture (until 1926 – the Russian Academy for the History of Material Culture). As issues of history of Russian science is often examined under different ideological perspectives and based on certain policies, the author addressed the principles of epistemological neutrality S. Aurox. The author analyzed broad-spectrum of archival sources and researched the question how Nicholas Marr managed to work out the principle of relationship with the power which allowed protecting the interests of the Academy, successfully defended his linguistic theory and at the same time had the support of colleagues who supported his candidacy as Director. In the conditions of aggravation of the ideological struggle of the 1920–30s, he is, on the one hand, sought to ease the purges in the Academy, but on the other, in the case of conflict with colleagues went to the union with young Marxists who supported his “new linguistic doctrine”. The author made a conclusion that the role of Nicholas Marr as Director of the State Academy for the History of Material Culture was ambivalent – he played decisive role in creation and functioning of the Academy but at the same time he was responsible for the aggression against their opponents, who joined in the repression of the 1930s, which affected the Academy. The results of the research can help in reconstruction of biography of Nicholas Marr and in analysis of the history of the relationship of the Soviet scientific community and power, the institutionalization of new scientific institutions in the post-revolutionary period. They can be used in the preparation and modernization of educational courses, which addresses the problems of the history of science and education.

NICHOLAS MARR; THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE; SCIENCE AND POWER IN USSR IN 1920S; THE HISTORY OF SCIENCE; HISTORY OF ARCHAEOLOGY.

REFERENCES

1. Marr N.Ya. [Autobiography]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of history of pre-capitalist societies], 1935, no. 3–4, pp. 126–130. (In Russ.)
2. Peskareva K.M. [The history of creating the Russian Academy of history of material culture]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short messages of Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR], 1980, no. 163, pp. 26–32. (In Russ.)
3. Pryakhin A.D. *Istoriya sovetskoy arkheologii* [The history of Soviet archaeology]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1986. 284 p. (In Russ.)



4. Marr N.Ya. *Pis'mo M.P. Kristi (1923 g.)* [Letter to M.P. Christie (1923)]. [Central state archive of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 466.
5. Sidorchuk I.V. [Nicholas Marr and the national cultural policy 1917–1930's.]. *Vestnik of St. Petersburg State Univ.* Ser. 2, 2011, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.)
6. Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoricheskie ocherki* [Russian archaeologists in the period of totalitarianism. Historical essays]. Moscow, Znak Publ., 2006. 344 p. (In Russ.)
7. Platonova N.I. [Nikolay Yakovlevich Marr – archaeologist and organizer of archaeology]. *Archaeological news*, 1996–1997, no. 5. St. Petersburg, 1998. Pp. 371–381. (In Russ.)
8. Platonova N.I., Musin A.E. [The Imperial Archaeological Commission and its transformation into 1917–1919]. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the 150th anniversary of its founding. At the origins of domestic archaeology and cultural heritage]. St. Petersburg, 2009. Pp. 1065–1115. (In Russ.)
9. Marr N.Ja. *Pis'mo A.A. Manuylovu (1917)* [Letter to A.A. Manuylov (1917)]. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 800. Op. 2. D. B-24.
10. Marr N.Ya. *Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury* [State Academy of History of Material Culture]. Leningrad, 1927. 10 p. (In Russ.)
11. Golubeva O.D. N.Ya. Marr. St. Petersburg, National Library Publ., 2002. 280 p. (In Russ.)
12. *Ustav Rossiyskoy akademii istorii material'noy kul'tury*. Uтвержден Gosudarstvennym uchenym sovetom 21 oktyabrya 1919 g. [The Charter of the Russian Academy of history of material culture. Approved By The State. The academic Council 21 October 1919]. Petrograd, 1919. 30 p. (In Russ.)
13. D'yakov I.M. *Kniga vospominaniy* [Book of memories]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1995. 765 p. (In Russ.)
14. *Zhurnaly zasedaniya Pravleniya RAIMK za 1920 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, 1920]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1920) D. 5.
15. Selivanov V.V. [Vyach.I. Ivanov and N.Ya. Marr the life and creative life of K.M. Kolobova (pt. II)]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world. SB. articles], no. 6. St. Petersburg, 2007. Pp. 473–510. (In Russ.)
16. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 16 avgusta 1920 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, August, 16. 1920]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1920). D. 5.
17. Farmakovskiy B.V. *Rossiyskaya akademiya istorii material'noy kul'tury za 1919–1923 gody*. Doklad [Russian Academy of history of Material Culture over the years 1919–1923. Report]. [Central state archive of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 466.
18. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 30 oktyabrya 1922 g.* [Journal of Board meeting of The State Academy for the History of Material Culture. October, 30. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 3.
19. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 10 noyabrya 1922 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture. November, 10. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 4.
20. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 20 dekabrya 1922 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, December, 20. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 4.
21. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 12 maya 1922 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, May, 12. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 3.
22. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 25 iyunya 1923 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, June, 25. 1923]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1923). D. 7.
23. *Kratkiy otchet o deyatelnosti RAIMK za mart-iyun' 1923 goda* [A brief report on the activities of The State Academy for the History of Material Culture for March-June, 1923]. [Central state archive of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 466.
24. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 14 avgusta 1919 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, August, 14. 1919]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1919). D. 4.
25. Marr N.Ya. *Zapiska v Sovet RAIMK ot 1 sentyabrya 1923 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, September, 1. 1923]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1. D. 6 (1923).

26. *Protokol zasedaniya Soveta RAIMK ot 3 sentyabrya 1923 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, September, 3. 1923]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1. D. 6 (1923).
27. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 3 marta 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, March, 3. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
28. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 10 marta 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, March, 10. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
29. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 7 aprelya 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, April, 7. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
30. Boriskovskiy P.I. [The first 30 years of the Institute of archaeology of the Academy of Sciences of the USSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short messages of Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR], 1980, no. 163, pp. 5–10. (In Russ.)
31. Rossijanov K.O. [Stalin as Lysenko's editor. Back in August (1948) session of agricultural Sciences]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1993, no. 2, pp. 56–69. (In Russ.)
32. Fitzpatrick Sh. Education and social mobility in the Soviet Union. Cambridge Univ. Press, 2002. 368 p.
33. *Zhurnal zasedaniya Soveta GAIMK ot 30 aprelya 1928 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, April, 30. 1928]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1928). D. 6.
34. Konchin E.F. [Revolution in a Dead alley]. *Arbatskiy arhiv* [Arbat archive. Local history almanac. Vol. 1]. Moscow, 1997. Available at: http://msk-sportal.ru/information/book/1/arat6_1_1.html (accessed 24.07.2011).
35. Platonova N.I. *Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii (poslednyaya tret' XIX – pervaya tret' XX v.)*. Avtoref. dokt. dis. [A history of archaeological thought in Russia (the last third of XIX – first third XX centuries). Abstr. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2008. 52 p. (In Russ.)
36. Tihanova M.A. [From past Institute of archaeology, Academy of Sciences of the USSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short messages of Institute of Archeology of the AN USSR]. No. 163. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 34–36. (In Russ.)
37. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 12 maya 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, May, 12. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
38. Alpatov V.M. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The story of a myth: Marr and marrism]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 240 p. (In Russ.)
39. Tunkina I.V. [“Case” academician Zhebelev]. *Drevniy mir i my: klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii*, vyp. II [The Ancient world we are: the Classical heritage in Europe and Russia: the Almanac. Vol. II]. St. Petersburg, 2000. Pp. 116–161. (In Russ.)
40. Marr N.Ya. *Vystuplenie na sobranii po chistke GAIMK* [The speech at the meeting on “purge” of The State Academy for the History of Material Culture]. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 800. Op. 1. D. 797.
41. *Materialy po “chistke” sotrudnikov GAIMK* [Materials for “purge” of the staff of The State Academy for the History of Material Culture]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1930). D. 4.
42. Merpert N.Ya. [From the history of the Institute of archaeology (on the 80th anniversary of its establishment)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1999, no. 2, pp. 16–31. (In Russ.)
43. Kaganovich B.S. [Elena Skrzhinsky about Nicholas Marr]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Vol. 30, 2007. Pp. 514–520. (In Russ.)
44. *Ob ustave Akademii. Perepiska* [The bylaws of the Academy. Correspondence]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1929). D. 3.
45. Dluzhnevskaya G.V. [The activities of The State Academy for the History of Material Culture, 1917–1937]. *Arheologiya i social'nyy progress*. Materialy konferencii [Archaeology and social progress. Materials of the conference]. Vol. 1. St. Petersburg, 2006. Pp. 347–371. (In Russ.)
46. Lawrence L.T. The linguistic theories of N.Ja. Marr. Univ. of California Press, Berkeley, California [u.a.], 1957. 176 p.
47. Slezkin Yu. [Nicholas Marr and the national roots of the Soviet ethno-genetic]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1999, no. 2 (36), pp. 48–82. (In Russ.)



SIDORCHUK Илья В. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: chubber@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.255.12

УДК 32.019.5

С.С. Гулякин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЛОФА ПАЛЬМЕ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СОЮЗЕ ШВЕЦИИ В 50-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу деятельности выдающегося шведского политика Улофа Пальме в 1950-х годах как руководителя Социал-демократического молодежного союза (СДМС) Швеции (SSU, Sveriges socialdemokratiska ungdomsförbundet). Работа Пальме в СДМС, где он не только приобрел обширные знания о молодежном движении, но и установил контакты с большим количеством его членов, оказала значительное влияние на его дальнейшую политическую карьеру. Многие члены СДМС стали впоследствии политиками, например Б. Йёранссон – министром культуры, У. Ларссон – госсекретарем Пальме, Р. Молин – министром без портфеля, Б. Сэфвелин – секретарем профсоюзной организации. В статье также рассмотрена позиция У. Пальме по двум важным для него вопросам: о республике и об атомном оружии.

УЛОФ ПАЛЬМЕ; СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СОЮЗ; МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ; ПОЛИТИКА; ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА; РЕСПУБЛИКА; АТОМНОЕ ОРУЖИЕ.

Летом 1955 г. 28-летнему Улофу Пальме, занимавшему должность секретаря в государственной канцелярии, предложили стать руководителем Социал-демократического молодежного союза (СДМС) Швеции (SSU, Sveriges socialdemokratiska ungdomsförbundet), который выполнял две функции: был генератором идей для Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) и в то же время открывал своим членам дорогу в большую политику, причем последнюю из этих двух функций СДМС выполнял прекрасно. Многие лидеры СДРПШ получили политическое образование в СДМС, а для председателя союза открывался путь либо к правительственному креслу, либо к высокому государственному посту. Членами СДМС были: И. Карлссон – заместитель премьер-министра с 1982 по 1986 г., премьер-министр Швеции с 1986, после убийства Улофа Пальме, по 1991 и с 1994 по 1996 г.; Б. Рингхольм – политик, член регионального правления (landstingsråd) с 1983 по 1997 г., генеральный директор министерства занятости (Arbetsmarknadsstyrelsen) с 1997 по 1999 г., член парламента с 2002 по 2010 г.; Л. Енгквист – министр внутренних дел с 1998 по 2004 г., губернатор Йёнчёпинга с 2004 по

2010 г.; Я. Нигрен – госсекретарь министерства по гражданским делам в 1987–1988 гг., госсекретарь министерства обороны с 1988 по 1991 г., министр по координации в 1994–1996 гг., председатель Государственного агентства по оборонным технологиям (Försvarets materielverk) с 2015 г.; А. Линд – член налогового комитета с 1982 по 1985 г., глава министерства окружающей среды с 1994 по 1998 г., член парламента с 1998 по 2003 г., министр иностранных дел с 1998 по 2003 г., а Й. Перссон был лидером студенческого союза в начале 1970-х гг.

Однако СДМС никогда не функционировал в качестве решающей левой силы. Отчасти это объясняется его историей. В первые два десятилетия XX в. СДМС был центром левой оппозиции в партии. В 1917 г. в нем произошел раскол: большинство членов союза вошло в созданную Шведскую коммунистическую партию, остальные же, по-прежнему преданные партийному руководству и новому союзу, видели свою задачу в том, чтобы избавиться от марксистских догм и в то же время оставаться чисто левонаправленными [1, с. 27–28]. Последние с гордостью называли себя «молодежью со взглядом на действительность».



Количество членов СДМС быстро росло, и вскоре в нем насчитывалось уже более 100 тыс. человек, однако в 1930-х гг. произошел некоторый спад. В 1950-х гг. число членов союза уменьшилось вдвое только за одно десятилетие. Пополнение шло в основном за счет молодежи из рабочего класса. Студенты, симпатизировавшие левым, как правило, присоединялись к студенческому обществу «Клартэ» или к Социал-демократическому студенческому союзу. Поэтому трудно было предположить, что У. Пальме согласится стать руководителем СДМС. Но после короткого разговора с Т. Эрландером он принял это предложение [2, с. 226].

Приглашение Пальме было удивительным еще и потому, что СДМС уже имел своего студенческого лидера: им являлся Т. Елиассон. Скорее всего, приглашение связано с тем, что на предстоящем конгрессе СДМС из-за возникших политических разногласий должна была развернуться борьба за председательство в союзе. Действовавшему председателю Бертилу Лёфбергу был брошен вызов от его же секретаря — Оскара Линдквиста. «Оскаринцы» (фракция, поддерживавшая О. Линдквиста) были недовольны тем, что сторонники Лёфберга слишком боялись партийного руководства и несовпадения своей точки зрения на некоторые политические вопросы с позицией правительства, стремились иметь гарантии «сверху», прежде чем занять какую-либо позицию, будь то вопрос социализации или атомной угрозы. Это мешало развитию союза. «Бертилианцы» (фракция, поддерживавшая Б. Лёфберга), напротив, считали, что демонстрационная политика, которую вели «оскаринцы», устарела, курс СДМС должен быть направлен на «более практичные и конструктивные решения» [3, с. 93]. В решающем голосовании Б. Лёфберг проиграл (222 голоса против 227).

Следует отметить, что «оскаринцы» и «бертилианцы» перед голосованием представили полные списки своих кандидатов в исполнительный комитет. По приглашению Лёфберга одним из таких кандидатов стал У. Пальме. Так как «бертилианцы» стремились получить одобрение «сверху», прежде чем занять какую-либо позицию, выбор Пальме, являвшегося личным помощником премьер-министра, был превосходным. В то же время их точка зрения по некоторым вопросам, например по вопросам

социализации и обороны страны, совпадала с мнением Пальме.

У. Пальме был лидером СДМС в течение шести лет. Следует отметить, что, став в 1958 г. депутатом парламента Швеции, он принимал участие во встречах на правительственном уровне и в комиссиях. Уже в 31 год Пальме был переизбран еще на три года. Вначале у многих членов СДМС У. Пальме вызывал определенный скепсис. В руководстве союза его считали «аристократическим юношей с высшим образованием», но вскоре мнение о нем изменилось. Б. Йёранссон (Bengt Göransson), будущий министр культуры, отмечал, что Пальме стал «истинным лидером союза» [4, с. 54]. В 1958 г. он был избран представителем от СДМС на партийный конгресс. Участвуя в различных дебатах, Пальме говорил об экономике, государственной поддержке кинематографа, основанной на оценке качества, а также высказывался за бесплатные учебники в гимназиях, увеличение инвестирования в исследования и, с определенным сомнением, за реформу Конституции, в новом варианте которой говорилось бы о выборах в парламент именно большинством [5]. В ходе дебатов на конгрессе были подняты два очень важных для У. Пальме вопроса: о республике и об атомном оружии.

Социал-демократы с 1911 г. в своей партийной программе требовали изменения формы государственного правления: на смену монархии должна прийти республика, однако никогда не пытались осуществить это. К партийному конгрессу 1958 г. сформировалось движение, которое требовало референдума по вопросу о ликвидации монархии. Одним из лидеров движения был О. Линдквист. Пальме был докладчиком по данному вопросу, и можно констатировать, что он пытался «убить» это движение.

«Оскар Линдквист слишком эмоционален из-за республики», — отметил У. Пальме. Саму идею референдума он считал «отвратительной», так как она могла стать угрозой для парламентской системы. Именно поэтому Пальме сделал следующий тактический ход: он предположил, что на референдуме большинство скорее всего проголосует за монархию, а это, напротив, ослабит республиканское движение.

«Будь я зол на Оскара Линдквиста, сказал бы, что он эффективнее, чем камергер фон Эссен (kammarherre von Essen), которого называют официальным пропагандистом королевского

дома и который служит долгосрочным интересам монархии. <...> Нам следует усерднее работать, чтобы достичь зрелости политического сознания... а участвовать в референдуме — значит показать свою политическую незрелость» [6]. Этим высказыванием Пальме дал характеристику республиканскому движению. Он также привел аргументы против движения, сторонники которого хотели бы, чтобы СДМС протестовал против «содержания королевской семьи», и ему удалось придать этому классовый оттенок. Пальме заявил, что всё это может привести к тому, что служащим в администрации (*hovförvaltningen*) будет повышена зарплата, как и другим чиновникам [Там же].

Эта речь Пальме способствовала ослаблению позиции как Линдквиста, так и левых вообще. Однако противостояние сохранилось. Следует отметить, что в отличие от большинства сторонников Пальме некоторые ведущие «оскаринцы» позднее получили высокие политические посты в партии и государстве [1, с. 68]. В 1958 г. борьба внутри партии была еще очень ожесточенной.

Другой вопрос, поднятый на конгрессе, касался атомного оружия. Влиятельное меньшинство во главе с представительницами женского союза и несколькими лидерами старшего поколения, такими как Э. Вигфорс (E. Wigforss) и министр иностранных дел Э. Унден (Ö. Undén), было его убежденными противниками. Большинство из центрального руководства партии, в том числе Т. Эрландер и У. Пальме, по крайней мере, хотели иметь свободу действий, чтобы в будущем принять позитивное решение [7].

Стремясь к компромиссу по данному вопросу, Пальме в одной из своих речей с большим риторическим мастерством отстаивал свою точку зрения, чтобы предотвратить присоединение членов СДСМ к противникам атомного вооружения. Вот что он, в частности, сказал:

«Любой, кто слушал эти долгие дебаты, должен смотреть в светлое будущее, когда речь заходит о привлечении на нашу сторону молодежи, которая готова отстаивать идею...

Дебаты, которые сейчас продолжаются, скоро могут затихнуть. И та, и другая стороны, возможно, выдвинут лидеров с принципами, написанными большими буквами на лбу...

Конечно, это нужно, чтобы показать различные позиции, но в то же время важно, чтобы

наш союз нашел единую платформу, единство вещей и ценностей. <...>

Все согласились, что атомное оружие ужасно, но вопрос должен рассматриваться с международной точки зрения. Как мы можем повлиять на международное мнение в мирном направлении? Как Швеция будет подводить другие страны к атомному разоружению? Разве не правда, что великие державы потеряют свою монополию?

Баланс террора до сих пор держится на великих державах и дает слабую уверенность в хрупкой безопасности. Но для отчаявшегося Израиля, оттесненного к морю, отчаявшегося Египта, для французского правительства, изо всех сил старающегося удержать последние мечты о французском великодержавии... для Индии и Пакистана, вовлеченных в сложный, ужасный, порочный конфликт, атомное оружие может стать привлекательной альтернативой. Возможно, эта угроза может заставить великие державы начать разоружение. Да, прямо сейчас, это имело бы вес, и Швеция могла бы сыграть решающую роль. В течение нескольких горячих месяцев 1958 года и, возможно, в начале 1959 года позиция малой страны по атомному оружию может стать рычагом для продвижения к международному соглашению. Промедление слишком опасно.

...Мы не можем вести эти дебаты без внимания к судьбе, перед которой стоит человечество. Мы должны держать международную обстановку в поле зрения, потому что политика — это искусство делать правильные вещи в нужное время.

Может быть кто-то наконец скажет: „Мы молодежный клуб, мы не госслужащие. Мы не можем оказывать такое влияние, брать такую ответственность на себя”. Это неправильно. Конечно, мы государственные деятели, независимо от того, откуда мы — из Брэкнэ-Хоби (Bräkne-Noby), Люкселе (Lucksele), Хабу (Habo) или из правления союза. Мы государственные деятели, поэтому мы присоединились к движению, которое будет влиять на людей ради наших идей, которые изменят общество и мир на основе наших идей. Таким образом, пока каждый из нас имеет личную ответственность, мы не можем освободиться от нее. И поэтому мы принимаем эту ответственность — члены клубов, государственные деятели, социалисты и мечтатели» [8].



Затем Пальме пошел на компромисс: «Так как большинство против вооружения шведской армии атомным оружием, вопрос о рассмотрении атомной проблемы с точки зрения международной перспективы исключается из повестки дня конгресса». В результате с 177 голосами против 123 его предложение было принято [8]. Риск того, что члены СДМС присоединятся к противникам атомного оружия, был устранен.

Очевидно, что основные аргументы в речи Пальме сомнительны. Международные переговоры по разоружению не состоялись. Однако это был открытый конфликт с проводимой политикой – не использовать угрозу атомного оружия, чтобы оказать давление на крупные державы [9, с. 357]. Речь Пальме прежде всего является ярким примером мастерства риторики, благодаря которому оратор смог изменить неудобное для СДМС общественное мнение.

Для тех, кто слушал речь У. Пальме, это послание имело огромное значение: стало очевидным, что Швеция, как малая страна, должна отстаивать свое мнение на международной арене. Независимо от того, какие цели преследовал Пальме, помещая молодежный союз в центр мира, он способствовал изменению мировоззрения нового поколения.

Следует отметить, что Улоф Пальме часто поднимал вопросы, которые были удобны для правительственных чиновников. Возможно, это было связано с тем, что оппозиция в СДМС была слабой. Однако были моменты, когда руководство союза «чувствовало себя угнетенным» при проведении собственной политики. Так, например, летом 1957 г. Б. Лёфберг (B. Löfberg) жестко раскритиковал коалицию с Аграрной партией. Пальме пытался успокоить Т. Эрландера, говоря, «что для Лёфберга необходимо было утвердиться в любом вопросе против партий». Эрландер попросил Пальме поговорить с Лёфбергом начистоту [10, с. 171]. Этот вопрос Пальме взял под личную ответственность.

Когда в середине 1950-х гг. правительство с помощью различных способов пыталось привлекать сбережения граждан, СДМС напечатал небольшую брошюру из серии «Вечера и сейчас» (Kvällar i nuet), где лидер союза Пальме писал: «Теперь появляются смелые идеи для строительства общества в эпоху атомной энергетики и автоматизации... Но строительство в

будущем не произойдет само по себе. Предполагается, что мы экономим ради будущего... это значит ограничить увеличение потребления сегодня. Это выбор между сегодняшней и завтрашней экономикой, то есть то, перед чем мы стоим» [11].

Летом 1957 г. Государственный банк Швеции повысил ключевую процентную ставку, заранее не проинформировав правительство, что вызвало возмущение у Т. Эрландера. Пальме по этому поводу написал статью для газеты «Свобода» (Frihet), где, в частности, отметил: «Идею совета Государственного банка пуститься в свободное плавание я считаю недемократичной. Это будет означать, что демократам нужно будет находиться под опекой и нести ответственность за неприятные решения...» [12]. Надо сказать, что ведущие социал-демократы считали независимые европейские Центральные банки проблемой демократии.

Лояльность Пальме по отношению к текущей политике правительства можно проследить также по политическим дебатам в правлении союза, состоявшимся в 1956 г. В Швеции в 1950-х гг. не хватало жилья для молодежи. Пальме написал исследовательскую статью по данному вопросу [13, с. 4]. В статье он отметил: «Я думаю, что те партии, которые считают, что можно уже сейчас ликвидировать нехватку жилья, в какой-то степени обманывают себя, потому что мы в обозримом будущем, вероятно, не сможем ликвидировать дефицит жилья. Я не думаю, что это станет возможным благодаря быстрому экономическому росту или повышению уровня жизни [людей]. Я имею в виду то, что в действительности всем наплевать на ликвидацию нехватки жилья. Что означают не построенные дома в сравнении с целями, которые ставились в послевоенное время? И где они? Ну, они проявились в виде подводных ангаров и бомбоубежищ, построенных в горах – не считая того, что строится сейчас, – на это тратится более миллиарда крон в год. Добавьте к этому жилью, и выйдет довольно много! Ведь никто не считает, что мировая политическая ситуация такова, что среди инвестиций в армию имеются „обрезки“, с помощью которых можно решить жилищный вопрос?» [14].

Очевидно, что Улоф Пальме не разделял взгляды радикального крыла СДМС. Это удивительно, ведь с таким «взглядом на дейст-

вительность» союз имел бы сложности с привлечением новых сторонников, особенно, когда в конце десятилетия картину мира вместе с холодной войной заменили «составным и радикальным взглядом» на политическую ситуацию в мире в целом.

Необходимо отметить, что студенчество всегда играло особую роль в шведских массовых движениях. Именно поэтому Пальме должен был стать студенческим лидером в СДМС. На фоне уменьшения числа сторонников союза студенческая активность продолжала расти. «Студенческая активность лучше, чем когда-либо», «студенческая деятельность в союзе была чрезвычайно хороша», — отмечалось в протоколах Пальме [15].

Взяв инициативу по проведению новых курсов по экономике и социализму в свои руки, новоизбранный студенческий руководитель пригласил для чтения курса по литературе писателя Б. Нормана (B. Norman), который должен был начать чтение цикла лекций от Э. Асклюнда (E. Asklund) и Г. Грина (G. Greene) вплоть до биографии футболиста Г. Нордаля (G. Nordahl).

В тот период особое внимание стало уделяться учебным кружкам («Клуб в центре», «Возьми тон», «Явление соратников», «Юные в профсоюзе», «Благосостояние в опасности», «Перспективы 60-х», «Индия в литературе», «Спорные вопросы в политике», «Наш клуб», «Соратники в центре»). Список таких кружков, который комиссия поручила переработать, был очень длинный. Во вновь созданном кружке «Вечера и сегодня» в повестку дня был включен ряд актуальных тем. Предметные рубрики дают интересную картину того, что молодым людям было интересно обсуждать в 1950-х гг.: атомное оружие, расы и их права, культ Джеймса Дина (актера), женщины-священники, молодежь и моторизм, муниципальная инициатива, безработица среди молодежи, конкурсы красоты и культ красоты. В заметке «Равенство и прогресс» Пальме вместе с А. Линдбеком (A. Lindbeck) и В. Паульсоном (V. Paulsson) рассмотрел проблему социально-экономического баланса.

Центральное место в СДМС занимал учебный центр союза — Боммерсвик (Bommersvik). Здесь существовали круглогодичные курсы по ряду направлений. Благодаря учебному

центру открывались новые возможности для дальнейшей политической карьеры, а также происходило знакомство с деятельностью молодежи в СДМС.

Руководство союза и студенческая комиссия со всей ответственностью разрабатывали программу курсов для учебного центра. Были организованы курсы профсоюзные молодежные, клубные, шестинедельные, районные, курсы-программы, студенческие конференции, муниципально-политические курсы, международные, женские курсы риторики, семейные, курсы по социализму и т. д. Пальме часто приглашали в качестве лектора. Вскоре он стал здесь самым популярным оратором. «Больше Пальме» — таково было обычное пожелание при оценке курса. «Наши идеи» или «Идеи о ценностях» — темы лекций У. Пальме, на которых он рассматривал политические вопросы. Пальме обладал способностью делать лекции увлекательными, приводя примеры из жизни.

Подходил к концу срок полномочий Пальме в СДМС. Находясь на должности секретаря в государственной канцелярии, он часто приглашал в свой кабинет членов учебной комиссии из Боммерсвик. Следует отметить, что кабинет Пальме находился рядом с кабинетом премьер-министра Эрландера. Близость к власти производила на членов СДМС огромное впечатление. Именно благодаря этому молодежь шла в политику. Состав учебного комитета менялся, однако костяк его состоял из таких деятелей, как Б. Йёранссон (B. Göransson) — позднее министр культуры, У. Ларссон (U. Larsson) — будущий госсекретарь Пальме, К. Вард (K. Ward) — генеральный директор, позднее председатель ландстинга, Р. Молин (R. Molin) — министр без портфеля, Б. Сэфвелин (B. Säfvelin) — секретарь профсоюзной организации (LO, Landsorganisationen).

Работа в СДМС оказала большое влияние на будущую карьеру Улофа Пальме. Он стал лучше понимать молодое поколение, которое спустя несколько десятилетий будет вести партию и, в определенной степени, шведское общество на местном и центральном уровнях. Благодаря хорошей памяти, Пальме на протяжении всей своей политической жизни будет иметь связь с представителями этой молодежной сети. В то же время молодежь СДМС



узнала его как знающего, увлеченного, несущего идею человека. Пальме часто говорил с молодыми людьми на разные темы, это давало молодежи нечто большее, чем обычные политические доклады.

В благодарственном письме У. Пальме от СДМС, в частности, говорится: «Вы проделали большую работу. Некоторые считают, что Вы говорили часто то, в чем не было никакой поль-

зы. Мое мнение абсолютно противоположно» [16]. Так считали все социал-демократы.

Пальме приближался к молодежному движению, «как восторженный путешественник к неизведанной ранее территории: систематически и с большим интересом». В результате он не только приобрел обширные знания о молодежном движении, но и установил контакты с большим количеством его приверженцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bengtsson H.** Vägval: Idéutvecklingen i SSU. SSU, Stockholm, 1992.
2. **Erlander T.** Dagböcker 1955. Gidlunds förlag, Hedemora, 2005.
3. **Axelsson K.** Ungdom i en föränderlig värld. SSU, Stockholm, 1967.
4. **Larsson U.** Olof Palme och utbildningspolitiken. Hjalmarson & Högberg, Stockholm, 2003.
5. **Olof Palmes** arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Protokoll från SSU:s kongress 24.08.1958.
6. **Olof Palmes** arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Protokoll från SSU:s kongress 28.08.1958.
7. **Olof Palmes** arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Motioner om försvaret och atomvapenfrågan: anförande vid SSU:s kongress 24.08.1958.
8. **Olof Palmes** arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Motioner om försvaret och atomvapenfrågan: anförande vid SSU:s kongress 25.08.1958.
9. **Von Sydow B.** Kan vi lita på politikerna? Tidens förlag, Stockholm, 1978.
10. **Erlander T.** Dagböcker 1957. Gidlunds förlag, Hedemora, 2007.
11. **Olof Palmes** arkiv. Del. 2.3. Vol. 3. Utkast i OP:s arkiv. 1950.
12. **Tage Erlanders** arkiv. Del. 4.3. Vol. 9. Utkast till artikel i Frihet. 1957.
13. **Palme O.** Tionde för bostäder // Kvällar i nuet. 1957. No. 3.
14. **SSU:s** arkiv ARAB. SSU förbundsstyrelse 26–27.03.1956.
15. **SSU:s** arkiv ARAB. SSU förbundsstyrelse 31.03.1958, 25.04.1960.
16. **Olof Palmes** arkiv. Del. 3.2. Vol. 1. Tackbrev från Kronobergs SSU-distrikt 15.02.1957.

ГУЛЯКИН Святослав Сергеевич — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

S.S. Gulyakin

OLOF PALME'S POLITICAL ACTIVITIES IN SWEDISH SOCIAL DEMOCRATIC YOUTH LEAGUE IN THE 1950S

This article is devoted to the outstanding Swedish politician Olof Palme. The main aim of this work is to analyse his activity in the 1950's on the post of the head of SSDYL (Swedish Social Democratic Youth

League, SSU, Sveriges socialdemokratiska ungdomsförbund). It should be noted that the time spent in the SSU had a great impact on Palme's career. Olof Palme acquired not only broad knowledge of the youth movement, but also established contacts with a large number of his followers. Many young people from the Swedish Social Democratic Youth League became in consequence, politicians: Bengt Göransson, later Minister of Culture, Ulf Larsson, future Palme's state secretary, Rune Molin, minister without portfolio, and Britt Säfvelin, secretary of the trade union organization (LO – Landsorganisationen). The article also examines the position of Olof Palme on two important issues: the Republic and the nuclear weapon.

OLOF PALME; SWEDISH SOCIAL DEMOCRATIC YOUTH LEAGUE; YOUTH MOVEMENT; POLITICS; POLITICAL CAREER; REPUBLIC; NUCLEAR WEAPON.

REFERENCES

1. Bengtsson H. Vägval: Idéutvecklingen i SSU. SSU, Stockholm, 1992.
2. Erlander T. Dagböcker 1955. Gidlunds förlag, Hedemora, 2005.
3. Axelsson K. Ungdom i en föränderlig värld. SSU, Stockholm, 1967.
4. Larsson U. Olof Palme och utbildningspolitiken. Hjalmarson & Högberg, Stockholm, 2003.
5. Olof Palmes arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Protokoll från SSU:s kongress 24.08.1958.
6. Olof Palmes arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Protokoll från SSU:s kongress 28.08.1958.
7. Olof Palmes arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Motioner om försvaret och atomvapenfrågan: anförande vid SSU:s kongress 24.08.1958.
8. Olof Palmes arkiv. Vol. 2.4.0: 003. Motioner om försvaret och atomvapenfrågan: anförande vid SSU:s kongress 25.08.1958.
9. Von Sydow B. Kan vi lita på politikerna? Tidens förlag, Stockholm, 1978.
10. Erlander T. Dagböcker 1957. Gidlunds förlag, Hedemora, 2007.
11. Olof Palmes arkiv. Del. 2.3. Vol. 3. Utkast i OP:s arkiv. 1950.
12. Tage Erlanders arkiv. Del. 4.3. Vol. 9. Utkast till artikel i Frihet. 1957.
13. Palme O. Tionde för bostäder. *Kvällar i nuet*, 1957, no. 3.
14. SSU:s arkiv ARAB. SSU förbundsstyrelse 26–27.03.1956.
15. SSU:s arkiv ARAB. SSU förbundsstyrelse 31.03.1958, 25.04.1960.
16. Olof Palmes arkiv. Del. 3.2. Vol. 1. Tackbrev från Kronobergs SSU-distrikt 15.02.1957.

GULYAKIN Svyatoslav S. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

МОРАЛЬНОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР

В статье рассмотрено влияние проблемы морального безразличия на функционирование общественной системы. Акцент сделан на трансформации индивидуальных отношений в общественную коммуникацию. Проанализированы социальные причины возникновения данного явления в конкретные исторические периоды. Показана взаимосвязь кризисных ситуаций, обусловленных переоценкой общепринятых положений, с восприятием индивидом собственной сущности. Отмечена потенциальная возможность перерастания моральной индифферентности в поведенческие формы, представляющие социальную опасность.

МОРАЛЬНОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ; ОБЩЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ; СОЦИУМ; АСОЦИАЛЬНОСТЬ; ЭГОЦЕНТРИЗМ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ; ОБЩЕЗНАЧИМОЕ.

Тема морального безразличия на современном этапе переходит из разряда теоретических исследований в плоскость поиска практических решений данной проблемы. Ее актуальность распространяется на сферы гражданской ответственности, социальной коммуникации, общественной активности населения. Отсутствие заинтересованности в динамике социального процесса, реформировании взаимосвязей индивида и общества, гражданина и государства, искоренении негативных явлений в общественной среде, совершенствовании структуры межличностных отношений – причина неэффективности многих государственных проектов и начинаний. Расширение области асоциальных проявлений связано с деструкцией как личностных проявлений, так и социального статуса человека, обусловленной расхождением между индивидом и социумом в понимании ценностных требований. Нарушение общественного единства инициирует этническую разобщенность, политические кризисы, трансформацию национального сознания. В этом контексте моральное безразличие можно рассматривать

как социальное явление со своей спецификой, историческим генезисом, влиянием на самореализацию индивида.

В философской литературе, посвященной данной проблематике, можно отметить следующие сложившиеся тенденции. Французский ученый П. Адо уверен, что феномен безразличия развивается из скептической традиции, оформленной в древнегреческой философии. Установка на непознаваемость мира и невозможность прогнозирования собственной жизни является причиной безразличия к окружающим и к себе [1, с. 5–12]. В постиндустриальный период эта тема истолковывается, исходя из изменившихся условий существования. Как считает американский исследователь Д. Белл, человек утрачивает потребность в диалоге и компенсирует его ростом материального потребления, теряя интерес к окружающим [2, с. 146–158]. Отечественный ученый А.С. Панарин рассматривает «безразличие к морали» как следствие разрыва связей с традицией и стремление к гедонистическому существованию [3, с. 118–119]. Американские психологи и антропологи склонны трактовать

феномен безразличия как следствие детских психических травм, отсутствие полноценных социальных партнеров (Х.С. Салливан и Дж. Зилбург), столкновение с пограничными ситуациями (К.Э. Мустакис), несоответствие внешних и внутренних процессов вокруг человека (Л.Э. Пепло) [4, с. 152–169].

Исследование феномена безразличия подразумевает комплексный характер: этический аспект дополняется средствами социальной философии. Использование историко-сравнительного метода при рассмотрении проблемы морального безразличия позволяет проанализировать детерминацию поведенческих стандартов в границах конкретной исторической эпохи, определить ее содержание, установить типичные черты данного феномена. Понятия «безразличие», «равнодушие», «индифферентность», «безучастность» используются в тексте в качестве синонимов.

Отношение индивида к себе, к другим, к сообществу, в котором он пребывает, характеризует нравственную атмосферу, сложившуюся в социуме. Восприятие ценности человеческой жизни, общезначимых принципов, прав и обязанностей, гражданского долга служит критерием личностного и гражданского развития. Эффективность социальной коммуникации зависит от согласия и доверия, установившихся между гражданином и государством. Заинтересованность и участие в общественной деятельности формируют чувство сопричастности с другими членами сообщества, тем самым признается система нравственных приоритетов, регулирующая отношения в обществе. Она опирается на гражданскую солидарность как знаковый консенсус участников социального процесса. В американской традиции рассмотрения данного вопроса безразличие выступает индикатором в определении моральных обязательств в предоставлении помощи родственному кругу и всем остальным в соответствии с общепринятой позицией [5, с. 327–332].

Фундаментальной чертой морального безразличия является разрыв с традиционной аксиологией, диктующей цели, образцы, мотивацию индивидуальных действий, что предусматривает формирование иных поведенческих стереотипов. Смыслы существования в таком контексте определяются эгоцентрическим принципом, выводящим социальную проблематику за пре-

делы индивидуального восприятия мира как не представляющую интереса при достижении личного благополучия. Основными стимулами деятельности становятся удовлетворение материальных потребностей, реализация амбиций, позиционирование собственной исключительности. Сознательное безучастие декларируется как адекватный выбор по отношению к обществу, в котором концентрируется неприятие или недоверие к сложившейся системе ценностей, общезначимым целям, гражданским усилиям. В таком ракурсе другой человек перестает восприниматься на уровне самостоятельной ценности. Данное отношение переносится на социальную среду, частью которой он является. Демонстрируемое безразличие к окружающей действительности инициирует жесткую границу с другими индивидами. Вместе с тем ответственность за препятствия, мешающие расширению пространства эгоистических проявлений, возлагается на социум, а принятая в нем шкала оценок утрачивает свое значение или признается необязательной. Вместе с ней девальвируется влияние общественного мнения. Борьба за достижение собственных интересов перерастает в идею противостояния «враждебному» миру. Основные моральные регуляторы взаимодействия с согражданами: порицание и общественные почести перестают быть эффективными, их воздействие не находит эмоционального отклика. Сочувствие, взаимопомощь, сострадание, соучастие рассматриваются как лишённые смысла поступки. В таком плане межличностная коммуникация сводится к жизненно необходимым контактам, не включающим в себя социального диалога. Обмен с общественной системой усилиями, возможностями, знаниями, энергией, направленными на общее благо, становится неоправданным, так как сфера соприкосновения между человеком и сообществом утрачена или сугубо формализована. В этой ситуации моральное безразличие трансформируется из личного мировоззрения в социальный фактор, определяющий состояние и перспективу государственной жизни.

Равнодушие противоречит принципам социальной солидарности, признанной за основу гражданской коммуникации. Незаинтересованность в результатах совместной деятельности, имеющей значение для большинства населения, содержит разрушительный потенциал



для всей общественной системы. Опасность подобного явления обнаруживается в критических обстоятельствах: военные действия, техногенные катастрофы, природные катаклизмы, духовные угрозы. Пассивность, устранение, безучастие создают условия для возникновения конфликтной ситуации между гражданами и способствуют нарушению целостности общественной системы. Моральная составляющая в таком случае может приобретать черты политического, материального, национального противостояния. Восприятие равнодушия как личного качества человека переносится на уровень восприятия общества, его мобильности, единства, способности реагировать на внешние вызовы. Масштабность явления моральной индифферентности порождает ощущение упадка, отсутствия перспектив, кризиса социальной системы и становится мотивацией понижения самоотдачи, направленной на осуществление социально значимых целей.

Безразличие формирует чувство разобщенности между согражданами и потери связующего начала, выполняющего объединительную функцию. Скептическое отношение к ключевым идеям обосновывается расхождением заявленного и осуществленного обществом, что должно оправдать принцип неучастия в социальном процессе. Исходной посылкой морального безразличия является обвинение общества во лжи и лицемерии, оно перерастает в недоверие к знаковым событиям, фигурам, представленным как образец для подражания, укрепляя индивида в стремлении к самоустранению. Самоизоляция в основе своей совпадает с безучастностью по оценочным критериям. Отказ человеку во взаимодействии, взаимопомощи, взаимопонимании, взаимовыручке приобретает социальный подтекст, в нем раскрывается отношение к общности. В таком случае происходит деформация части через отторжение целого. Социальная разрозненность препятствует утверждению четкой нравственной позиции и может истолковываться как следствие морального безразличия.

В переломные эпохи происходит смена мировоззренческих систем, связанная с нарушением прежних форм общественного контроля, изменением государственной перспективы, деформацией нравственной парадигмы. Содержание социальной коммуникации между гражданами

наполняется новыми приоритетами, обусловленными трансформацией ценностных установок. Особенно это касается предъявления индивида социуму через набор общезначимых поступков. На раннем этапе античной истории гражданское начало превалирует над личными интересами. Коллективные принципы выживания, существования, участия в общественном процессе исключали феномен безразличия как таковой. Моральное достоинство гражданина определялось через контакты с соплеменниками и выполнение гражданских обязанностей. «Римский народ, свобода народа, долг служить всеми силами Риму на любом месте, в любой роли – такова была основа системы ценностей римлян периода расцвета их города-государства» [6, с. 48]. Компактность проживания, немногочисленность жителей города-полиса создавали условия прозрачности моральной составляющей любого индивида. Общие цели, общее благо, общие герои стимулировали социальную активность. Во времена правления римских императоров происходит изменение ценностной шкалы. Коллективное начало уступает место индивидуалистическим проявлениям, связанным с корыстью, борьбой за власть, тщеславными амбициями. Моральное безразличие как форма выживания выводится из общественных настроений, признающих в качестве определения достоинств человека богатство, знатность, место в социальной иерархии. Равнодушие к другим становится средством самоактуализации в мире.

Моральное безразличие может принимать разные формы: отстраненность, автономное существование, уединенность. Оно связано не с обесцениванием человеческого достоинства, а с ощущением неспособности совершенствовать социальную структуру. Л.А. Сенека писал: «Подумай, сколько вокруг тебя зла... <...> А какая награда нас ждет, если мы разом покончим... со всем этим цепким злом! <...> Если мы выберемся из этой грязи на высокие вершины, нас ждет... полная свобода. – Ты спросишь, в чем она? – В том, чтобы не бояться ни людей, ни богов; чтобы не желать ни постыдного, ни лишнего; чтобы стать полновластным повелителем самого себя» [7, с. 17]. Обращаясь к своему «я», индивид замыкается на собственных проблемах, рассматривая их как наиболее значимые и приоритетные, и в силу этого теряет интерес

к социальной жизни, предпочитая заниматься личным самоусовершенствованием, а не общественным реформированием. Авторитет общественного мнения, не подкрепленный примерами достойного поведения большинства, теряет свое влияние на индивида, предоставляя человека самому себе. В такой ситуации моральное безразличие совпадает с основными тенденциями общественного состояния и служит защитной реакцией для самосохранения.

В средневековый период в силу экономической и политической модификации структуры общественных отношений изменяются регуляторы морального поведения. Институт церкви и профессиональная корпорация (цех, деревенская община, рыцарское сообщество, монашеское братство) контролируют нравственные проявления индивида, выносят оценку его личным качествам. Тесное взаимодействие в производственной, военной, духовной сфере, зависимость от профессионального сообщества, подчинение правилам сословной страты ограничивают эгоистическую мотивацию поступков. Интересы профессионального союза, по большей части совпадающие с выгодой и пользой отдельного его представителя, вынуждают человека принимать их за главенствующие и отстаивать как свои собственные. Моральное безразличие не получает возможностей явного выражения, оставаясь латентным качеством личности, оно ограничено действительными барьерами, сдерживающими эгоцентрическое начало. Профессиональная солидарность распространяется и на сословные интересы, так как в них концентрируются общие цели и возможности. Изгнание, потеря расположения, лишение сословных и профессиональных привилегий – социальные меры, предотвращающие возникновение и развитие морального безразличия.

Социальные установки в моральной составляющей совпадают с церковными положениями. «Персона, служение или должность человека, время его жизни, имущество, которым он владеет, объединены в неразрывное целое. Всё должно быть употреблено на пользу индивида и вместе с тем в интересах социального целого, причем эти интересы представлены в проповеди в привычном религиозном виде, как выполнение воли Бога» [8, с. 209]. Стимулом общезначимой деятельности является следование

евангельским заповедям, которые не меняются в зависимости от политической и государственной конъюнктуры. Помощь ближнему, сострадание, милосердие – критерии подлинной христианской жизни, а так как церковная община по своему составу, как правило, совпадала с профессиональной группой, а религиозные и социальные требования относительно нравственности были тождественны, эти моральные качества принимали универсальный характер и были востребованы в двух основных плоскостях реализации личности.

Христианская мораль сформулировала основной тезис коммуникации: добродетель порождает согласие, порок – обособление между индивидами. Церковь в своих проповедях воспитывала смирение, которое помогает преодолеть барьер гордыни, разрушающий целостность мира, стимулирующий ложную самостоятельность, создающий ощущение превосходства, что приводит к отстраненности от общезначимого. «Пусть почувствует душа братская, не посторонняя, не душа сынов чужих, чьи уста изрекают ложь, чья десница – десница неправды, а душа брата, который, одобряя меня, за меня радуется, а порицая, за меня огорчается, ибо одобряет ли он меня, порицает ли, – он меня любит» [9, с. 238]. Сопричастность с другими через веру как высшее проявление человека и профессию как средство выживания вынуждает индивида ограничивать эгоизм и, как следствие, преодолевать проявления морального безразличия.

В XVII веке в европейской истории наступает мировоззренческий перелом, связанный с развитием промышленности, научными революциями, изменением социальной структуры. Общественное мнение диктует новые поведенческие стереотипы, в которых отражаются идеи личной свободы, самостоятельности, индивидуальной независимости. Материальное благополучие становится основополагающим критерием социального признания. Конкуренция и соперничество – основные способы достижения успеха. Честолюбие, тщеславие, эгоцентризм оправдываются, исходя из природной сущности человека. Моральное безразличие становится эффективным фактором соответствия между предлагаемыми обществом условиями существования и личными стремлениями к процветанию. Собственный интерес оправдывает любые



поступки, не находящиеся в поле юрисдикции. Общественные связи выстраиваются на основе взаимной выгоды и взаимной пользы. Задача социума – определить общезначимые смыслы, в которых представлены как интересы отдельно взятого человека, так и интересы всех, чтобы не допустить распад государственной системы.

Авторы Нового времени (Фр. Бэкон, Т. Гоббс и др.), рассматривая проблему безразличия, оперировали понятием «естественное», наполняя его природными желаниями и законами. Человек действует на свой страх и риск и в силу этого опирается на идеи самосохранения. Все окружающие воспринимаются как потенциальные враги, способные нанести вред и ущерб интересам индивида. В такой ситуации солидарность с другими становится абсурдной. Только страх за собственную жизнь заставляет человека искать возможности для социального объединения. Эмоциональное стремление к соучастию заменяется рациональным посылом о пользе моральных максим. Равнодушие не осуждается, его предлагают модифицировать в выгодные для себя правила. «...В случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты» [10, с. 156–157].

Страх за собственную жизнь стимулирует общественную активность, чтобы предотвратить нежелательные проявления. В философии Нового времени эгоизму придается социальный статус, регулируемый государственными законами. Безразличие не осуждается общественным мнением, а унифицируется в виде данности отношений между людьми. Баланс индивидуального и коллективного поддерживается с помощью рациональных обоснований. Моральная сфера получает закрепление в правовых положениях: гражданские законы препятствуют проявлениям несправедливости, надменности, насилию. Таким образом, демонстрируемое равнодушие к социальным вопросам противоречит требованиям разума и не встречает понимания в общественной среде. Европейские государства и гражданские сообщества начиная с XVII века постепенно выстраивают политику использования человеческого эгоизма во благо всех, опираясь на формирование рационалистического мировоззрения, когда человек вовлекается в соци-

альный процесс, исходя из очевидной для себя пользы и выгоды.

Ускорение динамики жизни, новые информационные возможности, позитивные улучшения стандарта существования трансформируют понимание собственной сущности человека. В XX веке актуальность выживания постепенно теряет свое первоначальное значение и вместе с ней видоизменяется потребность в социальных контактах. В большей степени они заполняются совместным досугом, времяпрепровождением, общими развлечениями. Коллективность существования как форма противостояния голоду, холоду, болезням становится невостребованной. Ценность общественной системы определяется через предоставление комфорта и социальных гарантий. Безразличие гармонизирует с общим ритмом жизни, переходя из разряда моральных пороков в обыденность. «Если человек не принадлежит к какой-либо общности, если его жизнь не приобретает какого-либо смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет» [11, с. 28]. Равнодушие становится ответной реакцией на отчуждение от общественной системы. Заинтересованность в другом теряет свое былое значение в силу самодостаточности индивида и рассматривается как вынужденная форма жизни, лишенная полноценной коммуникации. Социальные связи формализуются, так как в них отсутствует связующее начало, наполненное общими для всех смыслами. Человек попадает в ситуацию тотального одиночества, наполненную пессимизмом, неверием, циничным отношением к согражданам.

Утрата моральных авторитетов, разрыв с обществом, призванным контролировать поведение человека, формируют асоциальный стиль жизни. Безразличие принимает протестный вариант самопредъявления. Отказ от принятых в обществе моральных требований декларирует несогласие с социальной системой. Мнения, оценки, взгляды окружающих воспринимаются агрессивно. Общество, государство не оправдали возлагаемых на них ожиданий в глазах разочаровавшегося субъекта и в силу этого не имеют права ограничивать альтернативные формы существования. Маргинализм, нигилизм, эскапизм проводят жесткую демаркацию с гражданской составляющей индивида. Образ жизни,

мышления, сориентированный только на собственное «я», не включает другого в круг значимых ценностей. Конфликт с общепринятым освобождает индивида в его представлениях от социальных обязанностей и долженствований. «Логика обмена ценностей теперь не действует. В силу вступает логика отказа от ценности и смысла» [12, с. 230]. Безразличие становится социально опасным явлением.

Таким образом, общественная коммуникация, лишенная общезначимых интересов, утрачивает свою привлекательность в глазах большинства граждан и, как следствие, инициирует развитие феномена морального безразличия. Нарушение личностных связей, равнодушие к

другому становятся причиной потери интереса к социальной системе, частью которой человек является. В этом контексте моральная проблема переходит в разряд негативных социальных факторов, препятствующих позитивному реформированию государственных и общественных структур. Диссонанс личности и социума формирует позиция неприятия гражданской солидарности по основным вопросам существования сообщества (безопасность, выживание, самоидентификация, сохранение духовных традиций). Открытость власти, заинтересованность во всеобщем процветании, реализация прав гражданина могут способствовать изменению вектора индивидуальной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адо П. Что такое философия? / пер. с фр. В.Г. Гайдемана. М.: Гуманитарная лит., 1999. 320 с.
2. Белл Д. Культурные противоречия капитализма / пер. с англ. А.К. Оганесяна // Этическая мысль: науч.-публ. чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 146–158.
3. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.
4. Пепло Л.Э., Перлман Д. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: сб. ст. М.: Прогресс, 1989. С. 152–169.
5. Чатгерджи Д.К. Моральное дистанцирование: введение // Questia. Trusted online research. The Monist. Vol. 86. No. 3. Moral Distance (JULY 2003). Pp. 327–332 [Journal]. URL: <https://www.questia.com> (дата обращения: 08.05.2016).
6. Шгаерман Е.М. Кризис античной культуры. М: Наука, 1975. 273 с.
7. Сенека Л.А. О благодеяниях / пер. с лат. П. Краснова // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 14–167. (Б-ка этической мысли).
8. Блок М. Апология истории / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. 254 с. (Пам. истор. мысли).
9. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / пер. с лат. М.Е. Сергеенко. М.: Renaissance, 1991. 485 с. (Пам. религ.-филос. мысли).
10. Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль, 1965. 445 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с англ. Н.И. Войскунской, И.И. Коменкович и С.В. Федулова. М.: Прогресс, 1990. 330 с. (Б-ка заруб. психологии).
12. Бодрийяр Ж. Фантомы современности / пер. с фр. Н.В. Сулова // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008. 270 с. (Филос. бестселлер).

МИРОНОВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор Севастопольского государственного университета.

Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33
e-mail: andreyvmironov@gmail.com



A. V. Mironov

MORAL INDIFFERENCE AS A SOCIAL FACTOR

The article discusses the problem of moral indifference and its impact on the functioning of the social system. The emphasis is on the transformation of the individual in public relations communication. Analyzes the social causes of this phenomenon in specific historical periods. Reveals the relationship of crisis situations related to the reevaluation of the common provisions, with the perception of the individual's own essence. Emphasizes the potential of escalating moral indifference in behavioral form, representing social danger.

MORAL INDIFFERENCE; PUBLIC COMMUNICATIONS; SOCIETY; ANTI-SOCIAL BEHAVIOUR; EGOCENTRICITY; PUBLIC INTEREST; GENERAL INTEREST.

REFERENCES

1. Ado P. *Chto takoye filosofiya?* [What is philosophy]. Moscow, Gumanitarnaya literatura Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)
2. Bell D. [The cultural contradictions of capitalism]. *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskiye chteniya*. Moscow, Politizdat Publ., 1990. Pp. 146–158. (In Russ.)
3. Panarin A.S. *Global'noye politicheskoye prognozirovaniye* [Global political forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)
4. Peplo L.E., Perlman D. [Theoretical approaches to loneliness]. *Labirinty odinochestva*. Moscow, Progress Publ., 1989. Pp. 152–169. (In Russ.)
5. Chatterdshi D.K. [Moral distance: introduction]. *Questia. Trusted online research*. The Monist, vol. 86, no. 3, Moral Distance (JULY 2003), pp. 327–332 [Journal]. Available at: <https://www.questia.com> (accessed 08.05.2016).
6. Shtayerman Ye.M. *Krizis antichnoy kul'tury* [The crisis of ancient culture]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 273 p. (In Russ.)
7. Seneka L.A. [On the goodness]. *Rimskiye stoiki. Seneka, Epiktet, Mark Avreliy*. Moscow, Respublika Publ., 1995. Pp. 14–167. (In Russ.)
8. Blok M. *Apologiya istorii* [The apology of history]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 254 p. (In Russ.)
9. Avgustin A. *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, yepiskopa Gipponskogo* [The confessions of St. Augustine, Bishop of Hippo]. Moscow, Renaissance Publ., 1991. 485 p. (In Russ.)
10. Gobbs T. [Complete works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 445 p. (In Russ.)
11. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow, Progress Publ., 1990. 330 p. (In Russ.)
12. Bodriyyar Zh. [The phantoms of modernity]. *Yaspers K., Bodriyyar Zh. Prizrak tolpy*. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 270 p. (In Russ.)

MIRONOV Andrey V. — *Sevastopol State University*.

Universitetskaya ul., 33, Sevastopol', 299053, Russia

e-mail: andreyvmironov@gmail.com

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВЕРТЫВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ИДЕИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Целью настоящей статьи является философский анализ развития математической идеи в новоевропейской науке. Основным методом анализа выступает синтез исторического и логического в науке в процессе формирования научной реальности, который дополняется герменевтической методологией. В Новое время развертывание математической идеи делает скачок вперед. Идея как таковая оторвалась от практических идей V–IV вв. до н. э. и, совершив герменевтический круг, преодолев противопоставление чистой и прикладной математике, снова возвращается к практическим задачам. Как только математика обращается к исследованию процессов – преобразований геометрических форм, в центре ее внимания оказывается изучение переменных величин, что вызвало необходимость открытий дифференциального и интегрального исчисления. Это привело к преобразованию объекта математики: произошел поворот от изучения отношения между постоянными величинами к отношениям между переменными величинами, что явилось абсолютной новизной. Теперь происходит отделение алгебры от геометрии и начинается дифференциация внутри математики. Изменяется и предмет математики: если раньше это была наука о числах и величинах, то теперь она становится наукой о количестве и форме, т. е. общий уровень абстракции и обобщения значительно повысился. Открываются новые перспективы и горизонты познания. Материалы статьи могут применяться в самых разных исследованиях эволюции научной реальности.

ИДЕЯ; МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ; НОВОЕ ВРЕМЯ; ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ; КАРТЕЗИАНСТВО; ЭМПИРИЗМ; РАЦИОНАЛИЗМ; КОНЦЕПТУАЛИЗМ; АПРИОРИЗМ; РЕАЛИЗМ; КОНВЕНЦИАЛИЗМ.

Проблемы, порожденные кризисом математики в V в., составляли содержание в ее развитии вплоть до XVII в. и определяли общее направление научного поиска в ней, приведшего к новой революции в математике.

Развертывание идеи через научный поиск вовсе не означает непрерывности единожды взятого направления. Так, «во второй половине I в. до н. э. исследования по математике практически прекращаются и происходит перерыв в передаче научной традиции» [1, с. 128]. Во II в. н. э. наблюдается оживление поиска; на этот раз центром становится Александрия. Здесь

велись оригинальные исследования, хотя компилирование всё более становится основным видом научной деятельности. Происходит возврат к числу, вычисление и самостоятельное построение алгебры (Герон, Диофант, Клавдий Птолемей). Впервые в математику вводится буквенная символика. Но возрождение занятий математикой «засыпает» вместе с гибелью рабовладельческой античной культуры, и с VIII в. н. э. эстафету подобных занятий подхватывают арабы, которые с XIII в. стали передавать ее Европе. При этом не обошлось без серьезных потерь. Так, отступлением назад по сравнению с



эпохой Диофанта был отказ от буквенной символики. Неизвестное и его степени записывались словесно, что, разумеется, делало алгебру громоздкой и малооперативной.

В ходе научного поиска идея развертывается, порождая производные идеи, в том числе и фундаментальные, для того или иного направления развития, выдвигая новые методы и понятия. Так происходило, например, развитие одного из важнейших направлений научного поиска в математике – решения проблемы бесконечности в связи с поисками общего правила для вычисления площадей и объемов криволинейных фигур и тел. На этом пути зарождалась инфинитезимальная математика. Начало ее ведут от метода неделимых, предложенного еще Демокритом (IV в. до н. э.) и получившего развитие в трудах Архимеда (III в. до н. э.). В основе этого метода лежало представление, что фигуры и тела составлены из элементов меньшей размерности. Евдокс (IV в. до н. э.) в противовес методу Демокрита разрабатывает метод исчерпывания, не содержащий ссылки на атомизм. Вслед за этим Архимед развивает метод интегральных сумм, который вплотную подводит его к открытию дифференциального и интегрального исчисления. Именно архимедова метода стала отправной точкой для развития данного направления математики в Новое время.

Но при этом развитие математической мысли как бы идет по второму кругу. И. Кеплер и Б. Кавальери развивают метод неделимых. К середине XVII в. метод неделимых арифметизируется, освобождается от громоздких геометрических конструкций, начинает использовать язык новой алгебры. Рождается новый взгляд на неделимые – их начинают трактовать «не как образование меньшей размерности, чем рассматриваемая фигура или тело», но как однородные с ней бесконечно малые элементы [1, с. 33]. В том же XVII в. П. Ферма разрабатывает метод интегральных сумм, вносит большой вклад в развитие и прояснение математического смысла касательной. Это напоминает герменевтический круг: положения, выдвинутые Архимедом и его последователями, осмысливаются в свете всего накопленного опыта математических занятий и на ином уровне познавательных методологических принципов.

В частности, сами эти принципы имели двойную направленность. Общим было одно –

«созерцательный, теологический текстовый характер познавательной деятельности» [2, с. 44], который ими утверждался. Одно из этих направлений – августицианство, унаследовавшее многие черты неоплатонизма. Характерной его чертой был символизм: говорящим, активным началом является слово; всё создано Творцом, его логосом, и поэтому всё символично; оно лишь «воспроизводило, воплощало, олицетворяло скрытую за ним фундаментальную сущность... Переданное человеку, оно выступало и универсальным орудием постижения творения» [Там же. С. 35]. Исполнен символического содержания и сам человек, выступая олицетворением единства микро- и макрокосма. Методами интроскопии он в состоянии постичь многие тайны тварного мира и его отношения к сакральному миру. Близкую к этому точку зрения выражал Паскаль: «Мы познаем истину *не только разумом, но и сердцем...* Именно сердцем мы познаем начальные понятия, и тщетно рассудок, к этому не приспособленный, пытается их оспорить... Знание первоначал – пространства, времени, движения, числа – твердо. На эти-то знания, добытые сердцем и инстинктом, и должен опираться разум и основывать на них все свои рассуждения. Мы сердцем знаем, что число чисел бесконечно, а уж потом разум наш доказывает, что нет двух таких квадратных чисел, из которых одно было вдвое больше другого» [3, с. 304–305]. Иначе говоря, этому подходу присуще признание фундаментальности интуиции, и даже не интеллектуальной, а симпатической.

Другое направление – это христианская версия Аристотеля и Аверроэса, разработанная Фомой Аквинским и Альбертом Великим. Именно в ее рамках слышалось положение о том, что Творец дал человеку разум для того, чтобы им пользоваться, что всё «тварное», т. е. сотворенное, богопознаваемо, в том числе и «мировой порядок», который стал постепенно отождествляться с математичностью («Природа написана на языке математики») и панлогизмом («Божество логики, онтологии и теории познания»).

В XVII в. развертывание математической идеи делает новый скачок вперед. Идея оторвалась от практических идей V–IV вв. до н. э. и, совершив герменевтический круг, преодолел противопоставление чистой и прикладной математике, «физике» (наука о природе) и ма-

тематике, снова возвращается к практическим задачам, находя в них новые стимулы и материалы для исследования. По характеристике Б.Я. Яшина, «в силу прежде всего запросов практики... Математики обращаются к исследованиям движения, процессов, преобразований геометрических форм. В центре внимания математиков оказывается изучение *переменных величин*, с которыми в математику вошло движение... и благодаря этому стало *немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление*» [4, с. 35].

В области исчисления бесконечно малых первым итогом стал поворот, осуществившийся в объекте математики – от изучения отношения между постоянными величинами к отношениям между переменными величинами. Это была абсолютная новизна, и ее следствием было разрешение всех противоречий и парадоксов, поразивших некогда античную математику. Происходит отделение алгебры от геометрии, и начинается дифференциация внутри математики. Изменяется и предмет математики: если раньше это была наука о числах и величинах, то теперь она становится наукой о количестве и форме, т. е. общий уровень абстракции и обобщения значительно повысился. Открываются новые перспективы и горизонты познания.

Эта революция в математике, однако, еще глубоко не затрагивает общеметодологические основы познания (несмотря на всё более острую критику схоластивизированной перипатетики). Онтологизированная логика, законы которой распространяются на мир, считается основой математизации. Так, по Г. Галилею, «человеческий разум постигает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютностью, какую имеет сама природа. Таковы чистые математические науки, геометрия и арифметика. Хотя божественный разум знает о них бесконечно больше истин, ибо он объемлет всё, но то немногое, что доступно человеческому разуму, он постигает полным, ибо его познание объективно достоверного равно божественному» [5, с. 230]. Та же мысль зафиксирована и в логике Пор-Рояля в правилах для аксиом: «Принимать за аксиомы только совершенно очевидные положения. Очевидное – то, что признается истинным без усилий ума» [6, с. 54].

Но в эту схему, в общих чертах сохранившуюся на целые столетия, картезианство, на-

ходившееся у истоков революции в математике, внесло весьма существенные потаенные перемены. В эпоху античности и средневековья господствовало представление о цельности человека. В христианстве он был двуедин, но не интровертен, не подобен «матрешке», в которой одна кукла помещена в другую. Тело и душа – обе стороны одного и того же человека. Мыслит, как и трудится, один человек, существо тварное, как и весь материальный мир, каждая вещь в котором также имеет две стороны – сенсibiliи и интеллигибелии. Интеллект имеет ту же логическую структуру, как и отношение интеллигибелей. Интеллектуальная интуиция («сердце» у Паскаля) – надежный наш поводырь в познании.

Картезианство исходит из тезиса об отчетливой различимости материального и ментального. По характеристике Р. Рорти, картезианская интуиция, основанная на противопоставлении телесного и духовного, предполагает непреодолимую антитезу тела и духа, оставляя лишь две возможности: «либо два несводимых друг к другу онтологических вида (две субстанции), либо дуализм на базе онтологической пропасти» [7, с. 14]. Для того чтобы преодолеть разрыв между тем и другим в познании, требуется новая методологическая основа. Базис ее Декарт видит в априоризме, в концепции «врожденных идей», «врожденной истины». «Человеческий ум содержит в себе нечто божественное, в чем посажены первые семена полезных мыслей так, что часто, как бы они не были заглушены посторонними занятиями, они приносят самопроизвольные плоды» [8, с. 276]. Это доказывают арифметика, геометрия и аналитическая геометрия. Иначе говоря, математика покоится на априорных началах. Во всяком случае, только так можно истолковать его мнение о том, что «едва ли существуют настолько тупые и глупые люди, которые не были бы способны усваивать математику и подниматься до ее высших знаний» [Там же. С. 235].

Это весьма характерно для развития математической и научной идеи в целом. Непредвиденное (потому что оно представляется немислимым по ту сторону преодоленного горизонта знания) в итоге научной революции внезапно осознается как нечто, строго говоря, совершенно естественное и очевидное. Непонятным теперь становится непонимание этого.



Несколько отличный от Декарта вариант априорности, обосновывающий истинность и необходимость математических утверждений, предлагал Лейбниц, утверждавший, что «необходимые истины, вроде тех, которые встречаются в чистой математике, в особенности в арифметике и геометрии, должны покоиться на принципах, доказательство которых не зависит от примеров и, следовательно, от свидетельств чувств, хотя, не будь чувств, нам никогда не пришло бы в голову задумываться над ними» [9, с. 172]. Иначе говоря: «Вечные законы разума нельзя прочесть в душе прямо, без всякого труда, но достаточно, если их можно открыть в нас, направив на это свое внимание» [10, с. 14]. Определяя различие в подходе Декарта и Лейбница, Н. Бурбаки отмечает: «Декарт и Паскаль стремились, прежде всего, к тому, чтобы освободить философскую мысль от опеки схоластики. Они отбрасывали всё то, что могло быть связано с ней, и в первую очередь формальную логику». Правила о рассуждениях Декарта «являются прежде всего психологическими наставлениями» и имеют, по Лейбницу, лишь «субъективную значимость» [Там же. С. 15].

Задача Лейбница была шире. До XVII в. геометрия развивалась по примеру Евклида как жестко аксиоматизированная система. В отличие от этого арифметика-алгебра складывались из разрозненных, полуэмпирических исследований. В XVII в. умножились исследования по алгебре — вплоть до аналитической геометрии Декарта, смыкавшей геометрию с алгеброй. Но с развитием алгебры нельзя было не заметить аналогии, существующей между правилами алгебры: и те, и другие обладают тем общим свойством, что они применимы к неопределенным объектам (высказываниям и числам). Переход от словесного описания алгебраических задач и построений к символическому, осуществляемый уже в трудах Виетта и Декарта, открывает новую перспективу. «Лейбниц, который был не только философом, но и величайшим математиком, умел извлекать из своего математического опыта ростки тех идей, которым суждено было вывести формальную логику из схолистического тупика» [Там же. С. 14]. Тем самым Лейбниц как бы приоткрывает тайну математической идеи, заставляя ее заговорить на своем собственном языке. И подобное понимание идеи имеет то преимущество, что, по словам

Г. Гейне, именно в трудах Лейбница «перед нами учение о врожденных идеях в наиболее законченном виде» [11, с. 85]. Разъясняя эту мысль, он пишет, что «Лейбниц занимался примирением Платона и Аристотеля... Платон насковзь идеалист и признает только врожденные или, точнее, прирожденные идеи: человек приносит идеи с собою в мир, и когда он осознает их, они представляются ему как бы воспоминаниями из прежнего бытия. Отсюда всё неопределенное и мистическое у Платона — он вспоминает не вполне отчетливо. У Аристотеля, напротив, всё ясно, всё отчетливо, всё определено, ибо его знания раскрываются ему не в отношениях, предшествовавших бытию, — он черпает *всё из опыта* и умеет всё точнейшим образом классифицировать» [Там же. С. 87]. Иначе говоря, речь идет об антитезе трансцендентного и трансцендентального в научном познании, противостояние которых и пытался снять Лейбниц.

Примечателен комментарий Т.И. Ойзермана: «Проблема предустановленной гармонии, поставленная Лейбницем, представляется нам неправильно сформулированной *реальной проблемой единства Мира*, универсальной связи всех явлений» [12, с. 203]. И если, по словам Гёте, мы ничего не знаем о мире вне его отношения к человеку, то важнейшей характеристикой подобного отношения является то, что сам человек — лишь особое звено в сети, лишь элемент структуры универсальной взаимосвязи, и соответственно этому «разумение человека — вне природы, а есть разумение природы о себе, законы мышления, осознанные законы бытия, следовательно, мысль несколько не теснит бытия, а освобождает его» [13, с. 111]. Это, наконец, соответствует и формуле Гегеля: «Возвышение понятия над жизнью состоит в том, что его реальность есть форма понятия, освобожденная от единичного в качестве всеобщности» [14, с. 233]. Но это как раз уже является проблемой универсалий, т. е. вопросом о природе родовых понятий и общих имен.

Порфирий, философ-неоплатоник III в. н. э., комментируя Аристотеля, писал, что «существует вопрос относительно родов и видов, существуют ли они в действительности, или же только в мышлении, и если они существуют в действительности, телесны ли они, или бестелесны, и существуют ли они отдельно от чувственных вещей, или в них, слитно с

ними» [См.: 15, с. 147]. Первый шаг в поисках ответа на этот вопрос состоял в разграничении понятий «общее имя» и «родовое понятие». «Общее имя» — это собирательное понятие, понятие, в котором отображены признаки целого класса однородных предметов, имеющих одно и то же название (например, «дерево», «звезда», «лошадь» и т. п.). В отличие от этого универсалия — не вообще имя, а общее, родовое понятие, *идея*.

В ходе дискуссий по поводу природы универсалий в IX—XIV вв. выделились три возможных подхода к этой проблеме. Прежде всего это умеренный реализм. Ибн-Рушд, Фома Аквинский саму проблему универсалий подразделили на три, каждая из которых имеет собственное решение. Во-первых, это универсалии, находящиеся в божественном разуме и существующие до единичных вещей (*causa exemplaris, universalia ante rem*). Во-вторых, универсалии, существующие как общее в самих единичных, но мысленно отделимое в абстракции. Так Аристотель трактовал математические объекты (*universalia in re*). В-третьих, универсалии, существующие в разуме человека апостериори, т. е. нечто сугубо воображаемое. Во всех этих случаях единичное оказывается тем, что возникает и исчезает, тогда как тип, общее, универсалия не зависит от смены поколений единичностей, она обладает сравнительно с ними высшей, более устойчивой реальностью, и «мы должны проникнуть в объединяющую деятельность ума и отыскать те основания, те действительные факты, на которые она опирается» [Там же. С. 152].

Другое возможное решение вопроса об универсалиях — номинализм (Д. Скотт, У. Оккам). Согласно этому подходу, универсалии — лишь имена; реальны только единичные вещи (*vox et proterea nihil*). По сути дела, в зачатке это была философия языка, что было правильно подмечено В. Минто: «Познание невозможно без общения, а таким средством сообщения и является язык. Сомнительно даже, могло бы мышление пойти так далеко без символов, с помощью которых понятия приобретают известную определенность и точность. Нельзя объяснить понятия без ссылки на его символ» [Там же. С. 154].

Третье направление в решении вопроса об универсалиях — концептуализм (Пьер Абеляр, Шильбер Порретанский). Согласно этому под-

ходу, универсалии не существуют сами по себе, независимо от отдельных вещей, но и не являются только именем; они относятся к особой форме познания действительности, допытным общим понятием (концептам). Это — идеальные сущности, которые изначально находятся в уме человека. Восхождение от чувственного опыта к концептам реализуется путем концептуальной интуиции, в процессе которой осуществляется переход от имеющегося наглядного образа к общему понятию, концепту.

На уровне XVII в. разработка Декартом и Лейбницем проблемы универсалий, с одной стороны, выдвигала в качестве альтернативы либо умеренный реализм (Декарт), либо концептуализм (Лейбниц), но, с другой стороны, вольно или невольно ставила проблему отношения грамматики и логики, законов языка и законов мышления.

Эту сторону дела в вопросе об универсалиях, и как раз в аспекте математического мышления, отмечает Н. Хомский. Он обращает внимание на то общее, что роднит Декарта и Лейбница, и в то же время разделяет их. Это — лежащий в основе рассуждений того и другого дуализм души и тела, нуса и сомы. Тот и другой дают версии преодоления разрыва между субъектом и объектом в познании. Так как прямая связь души и тела отвергается, то априоризм, концепция «врожденных идей» «определяет характер того, что может быть познано» [16, с. 176]. Различие же между Декартом и Лейбницем состоит в том, что Декарт утверждает абсолютный гносеологический дуализм, тогда как Лейбниц ищет путь преодоления разрыва, не отказываясь от дуализма. Отсюда, согласно Декарту, раньше всякого опыта «в нас была идея истинного треугольника» [17, с. 207], тогда как, по Лейбницу, «идеи и истины врожденны в нас лишь как определенные предрасположенности» [18, с. 52]. По словам Б. Уорфа, у рационалистов «считается, что речь, т. е. использование языка, лишь выражает то, что уже в основных чертах сложилось помимо языка. Мысль, согласно этой системе взглядов, зависит не от грамматики, а от законов логики или мышления, будто бы одинаковых для всех областей вселенной и отражающих рациональное начало, которое может быть обнаружено всеми разумными людьми независимо друг от друга... У нас принято считать, что математические формулы и



постулаты формальной логики имеют дело как раз с подобными явлениями, т. е. со сферой и законами чистого мышления» [19, с. 203].

Очевидно, что в сфере чистого мышления язык математики, математическая символика отнюдь не заложены. Если Декарт прибегал к алгебраической символике спорадически, то Лейбниц видит в ней особое достоинство. И это создает для него острую проблему. С одной стороны, Лейбница увлекают «большие проекты формализации языка и мышления. Как только он познакомился с алгеброй, он использовал ее для своей *Универсальной характеристики*, под которой подразумевал некий символический язык, способный без двусмысленности выразить все человеческие мысли. Хотя подобные чаяния и могут показаться чрезмерными, но всё же надо признать, что, находясь именно под их постоянным воздействием, Лейбниц создал значительную часть своих математических трудов, и прежде всего свои работы по символике исчисления бесконечно малых» [10, с. 15–16]. Но, становясь на этот путь, априорист Лейбниц приоткрывает двери математическому конвенциализму, оставаясь на позициях концептуализма. Принимается, что «абстрактные сущности образуют самостоятельную сферу, которая является относительно независимой от индивидуумов, но не является независимой от субъекта или носителя языка. Наоборот, эта сфера считается результатом логико-конструктивной активности носителя языка» [20, с. 84]. Но объективация абстрактных сущностей в системе немотивированных знаков, символов, наделенных четким значением как раз и ведет к конвенциализму. «По этому пути идут рационалистически ориентированные философы, начиная, по крайней мере, с Лейбница, а также логики, математики, семиотики, развивающие концепцию Ч. Пирса» [21, с. 85].

Таким образом, «возвышение понятия над жизнью» (Гегель) порождает одновременно с этим раздвоение идеи на субъективное понятие, реальность которого есть оно само по себе, и на объективное понятие, которое отражает реальное во всей его полноте. Второе проявляется одновременно как отчуждение идеи, опредмечивание сознания, объективация мысли, превращение идеального в объективную реальность. Но теперь и сама математическая идея расходится на рационализм и эмпиризм

как антитезы интерпретации природы математического объекта. Именно через эмпиризм, через отрицание априоризма пролегал путь к конвенциализму. И это был путь переосмысления природы математической идеи. Но такое переосмысление требовало одновременно отказа как от умеренного реализма, так и от последовательного концептуализма.

В частности, Дж. Локк в работе «Опыт о человеческом разумении» отвергает априорность в математике. По его словам, всем известно, что доказать теорему труднее, чем понять ее и согласиться с нею после того, как она уже доказана. Да и самому доказательству предшествует обучение. Математический объект в своей исходной основе, по Локку, это наиболее простые и в то же время массовидные отношения в нашем опыте. Их обнаруживает любой объект, с которым имеют дело наши чувства, любая мысль в нашем уме, которую мы помыслим. Так, число относится ко всему, что измеримо. Детей учат считать. Дикари умеют считать не дальше, чем требует их опыт. Но они доходят до «способности достигать указанной цели только путем практики и упражнения... Только практика совершенствует наш ум так же, как и тело, и мы вправе ожидать чего-либо от нашего разума только в той мере, в какой он совершенствуется путем навыка» [22, с. 217].

Но сводить к этому взгляды Локка на математический объект было бы всё же упрощением по отношению не только к нему, но и к процессу развертывания математической идеи. По оценке В. Виндельбанда, Локк был мыслителем, «признававшим внутренний опыт равноправным с внешним, и в подобном качестве он был преемником скептицизма Декарта»; он пытался определить, «как далеко вообще простирается познавательная деятельность человека... гносеологическая мысль Локка исходит из сомневающейся мысли, не является ли всеобъемлющее познание целью, изначально недостижимой для человека в силу его собственной сущности» [23, с. 267]. Утверждая единство внутреннего и внешнего опыта, Локк пытался обойти коренную трудность в понимании математики, унаследованную от античности и средневековья: «математика основывалась на признании объективности существования абстрактных объектов и почти общепринятого убеждения в отсутствии хорошо объяснимой

связи между этими абстрактными объектами и эмпирическими явлениями. Ясно, что одновременное допущение этих вещей приводит к неудовлетворительной философской концепции, чреватой противоречиями и почти непреодолимыми трудностями» [24, с. 63–64].

Утверждение Локка о том, что достаточным основанием познания является то, что «одни и те же идеи вечно сохраняют одни и те же свойства и отношения» [22, с. 6], при том, что он допускает «истины знания», лежащие за пределами воспринимаемого нами, позволяет заключить, что он считал абстрактные математические объекты чисто структурными, в отличие от конкретных «субъективных» объектов. Но в таком случае явно «Локк путает высказывание „q необходимо следует из p” и „q необходимо”» [25, с. 65]. Смешиваются наглядность и чувственная данность.

С точки зрения Д. Юма, развивавшего эмпирическую линию Локка, математические объекты, или идеи математических наук, «будучи доступными ощущениям, всегда ясны и определены... главное же затруднение в математике состоит в протяженности (т. е. громоздкости) умозаключений, необходимых для того, чтобы прийти к какому-нибудь выводу» [26, с. 81–82]. В этом кроется непосредственность рассуждений Юма. В его лице «номинализм той эпохи достигает высшей точки, но одновременно с этим и пределов своих возможностей: совершенство абстракции сводится к законченности, достигаемой „привычкой”» [27, с. 379]. Утверждая, что «науки о количестве и числе... могут быть с полным правом признаны единственным объектом знания и демонстративного доказательства» [26, с. 226–227], Юм, по меткому замечанию А. Папа, «не различает истинное и воображимое» [25, с. 85]. Это особенно ярко проявляется в юмовском понимании математической истины как атрибута аналитического суждения. По словам И. Канта, Юм, устремившись к исследованию «всего поля чистого познания *apriori*... неосмотрительно исключил отсюда целую и притом самую важную область, а именно чистую математику... Его мнение было равносильно тому, как если бы он сказал, что чистая математика содержит только *аналитические* положения» [28, с. 32].

Завершенную форму сенсуалистического номинализма находит в математическом кон-

венциализме Дж. Беркли. По его утверждению, «число есть всецело создание духа» [29, с. 176]. Оно «не есть нечто определенное и установленное, существующее реально в самих вещах... Оно есть всецело создание духа, рассматривающего или простую идею саму по себе, или какую-либо комбинацию простых идей, которой дается одно имя и которая, таким образом, сходит за единицу» [Там же. С. 102].

Такая философская позиция по отношению к природе математического объекта соответствует той стадии развития идеи, когда она переходит в определенном отношении в свое отрицание. Следуя Гегелю, можно сказать, что философская мысль «вращалась вокруг определений субстанции, простоты, имматериальности определений, для которых она полагала в основание в качестве *субъекта* представление о духе, почерпнутое из *эмпирического* сознания, а затем вопрошала, какие предикаты согласуются с восприятиями», чтобы в конце концов, «исходя из опыта, прийти путем формального умозаключения к противоположным определениям» [14, с. 234].

Возникающий таким образом герменевтический круг в истолковании природы математического объекта завершает И. Кант, стремящийся в новом отрицании синтезировать рационализм и эмпиризм. В этом суть априоризма Канта. Не отрицая единичности чувственных образов и восприятий, но утверждая вслед за рационалистами необходимость и истинность математических рассуждений, Кант ищет опору этому в априорных формах чистого опыта, противопоставляя их роли *привычки*, в которой Юм искал универсальную панацею от всех трудностей гносеологии. Тем самым утверждается имматериализм универсалий. И это окончательно завершает тот этап развертывания идеи, который Гегель именует *жизнью*. В итоге подобного развертывания «истиной идеи жизни оказалась идея духа... Ведь в жизни реальность идеи выступает как *единичность*; *всеобщность* же, или род, есть *внутреннее*... Истина жизни... снимает абстрактную или, что то же самое, непосредственную единичность и как *тождественное* тождественна с собой, как род равна самой себе. Эта идея и есть дух... в той форме, которая присуща этой идее как логической» [Там же. С. 239]. Но это завершение очередного витка спирали герменевтического



круга в философии математики, а не в гносеологии. И здесь не лишним будет привести слова М.К. Мамардашвили, относящиеся к рассматриваемому этапу: «В положении идеалистического рационализма XVII в. о врожденности идей на деле отразился тот факт, что у научного знания, взятого как отдельный элемент (идея), обнаруживаются не только свойства, порожденные наличием существующего вне сознания отдельного объекта этого знания, но и свойства, порождаемые в нем связью с другими знаниями и с общей системой мышления. Это фактический предмет и источник приведенного рационалистического тезиса, реальная проблема теории врожденных идей, скрывающаяся за историческим контекстом их своеобразного освоения и выражения» [30, с. 62].

Определенный круг в развитии в ту же эпоху математическая идея получила в обсуж-

дении вопроса об отношении математики и логики. Декарт выдвинул идею «универсальной математики», которая должна предварять другие математические дисциплины. Но вопрос о соотношении с логикой он не ставил. В отличие от него Лейбниц пытался построить систему логических исчислений. Однако сколько-нибудь внятно он не выдвинул задачу обоснования математики, хотя и предвосхищал концепции науки, в которых логика выступала основанием математики. Кант же такую задачу продумывал. Но отсутствие развитой формализованной логики и теории порождающих конструкций не давало ему возможности шагнуть дальше Декарта.

Таким образом, сам по себе революционный в области математики XVII в. открывает перспективу движения математической мысли к новой революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова С.С., Демидов С.С. Развитие математического анализа // Очерки по истории математики. М.: Изд-во МГУ, 1997.
2. Ильин В.В. Философия науки. М.: Изд-во МГУ, 2003. 359 с.
3. Паскаль Б. Мысли // Антология мировой философии. Т. 2. М.: Мысль, 1970. 776 с.
4. Яшин Б.Л. Математическое знание и его история в контексте философских проблем // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М., 2007.
5. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира // Антология мировой философии. Т. 2. М.: Мысль, 1970. 776 с.
6. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М.: Наука, 1991. 413 с.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 296 с.
8. Декарт Р. Правила для руководства ума // Антология мировой философии. Т. 2. М.: Мысль, 1970. 776 с.
9. Лейбниц Г. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
10. Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М.: Иностранная лит., 1963. 292 с.
11. Гейне Г.К. Истории религии и философии в Германии. М.: Прогресс, 1994. 232 с.
12. Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М.: Мысль, 1969. 402 с.
13. Герцен А.И. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1948. 740 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 376 с.
15. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1898. 542 с.
16. Хомский Н. Теория врожденных идей // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
17. Декарт Р. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
18. Лейбниц Г.В. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
19. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Язык как образ мира. М.: АСТ, 2003. 576 с.
20. Тондл Л. Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1993. 488 с.
21. Чертов Л.Ф. Знаковость. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 388 с.
22. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. 560 с.
23. Виндельбанд В. История новой философии. Т. 1. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 639 с.
24. Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков Н.В. Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука, 1982. 189 с.
25. Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002. 418 с.
26. Юм Д. Исследование о человеческом разуме. М.: Прогресс, 1995. 237 с.
27. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. СПб.: Петрополис, 1996. 714 с.

28. **Кант И.** Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М.: Прогресс, 1993. 237 с.

29. **Беркли Дж.** Сочинения. М.: Мысль, 1978. 556 с.

30. **Мамардашвили М.К.** Некоторые вопросы исследования истории философии // Вопросы философии. 1969. № 12.

ЛЕЗГИНА Марина Львовна — доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: lezgina@mail.ru

ИВАНОВ Вячеслав Григорьевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: lezgina@mail.ru

M.L. Lezgina, V.G. Ivanov

THE EPISTEMOLOGIC ANALYSIS OF EVOLVING OF MATHEMATICAL IDEA IN MODERN TIMES

The purpose of this article is the philosophical analysis of development of mathematical idea in modern European science. The main method of such analysis is the synthesis of historicity and logicity in science in forming of scientific reality. Such method is added by hermeneutic methodology. In modern times, evolving mathematical idea makes a leap forward. The idea as such, divorced from practical ideas in the V–IV century BC and, having made a hermeneutic circle, overcoming the opposition of pure and applied mathematics, she returns to the practical problems. Since the mathematics is drawn to the study of processes — the transformation of geometric shapes — in the center of her attention is the study of the variables that caused the need for differential and integral calculus discoveries. This has led to the transformation of the object of mathematics: there was a turn from the study of the relationship between the constant values to the relationship between variables, which was the absolute novelty. From this point there is separating algebra from geometry and differentiation arises inside mathematics. The subject of mathematics changes also: if earlier it was the science of numbers and quantities, but now it becomes the science of number and form, ie, the general level of abstraction and generalization has risen to higher level. New perspectives and horizons of knowledge opens. The results, received by authors, can be used in numerous variants of reevaluation of scientific reality.

IDEYA; MATHEMATICAL IDEA; MODERN TIMES; HERMENEUTIC CIRCLE; CARTESIAN; EMPIRICISM; RATIONALISM; CONCEPTUALISM; APRIORISM; CONVENTIONALISM.



REFERENCES

1. Petrova S.S., Demidov S.S. Razvitiye matematicheskogo analiza. *Ocherki po istorii matematiki*. Moscow, MGU Publ., 1997. (In Russ.)
2. Ilin V.V. *Filosofiya nauki*. Moscow, MGU Publ., 2003. 359 p. (In Russ.)
3. Paskal B. Mysli. *Antologiya mirovoy filosofii*. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 776 p. (In Russ.)
4. Yashin B.L. Matematicheskoye znaniye i yego istoriya v kontekste filosofskikh problem. *Filosofiya nauki. Metodologiya i istoriya konkretnykh nauk*. Moscow, 2007. (In Russ.)
5. Galiley G. Dialog o dvukh glavneyshikh sistemakh mira. *Antologiya mirovoy filosofii*. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 776 p. (In Russ.)
6. Arno A., Nikol P. Logika, ili iskusstvo myslit'. Moscow, Nauka Publ., 1991. 413 p. (In Russ.)
7. Rorti R. *Filosofiya i zerkalo prirody*. Novosibirsk, Novosibirskiy univ. Publ., 1997. 296 p. (In Russ.)
8. Dekart R. Pravila dlya rukovodstva uma. *Antologiya mirovoy filosofii*. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 776 p. (In Russ.)
9. Leybnits G. [Works]. Of vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 636 p. (In Russ.)
10. Burbaki N. *Ocherki po istorii matematiki*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1963. 292 p. (In Russ.)
11. Gejne G.K. *Istorii religii i filosofii v Germanii*. Moscow, Progress Publ., 1994. 232 p. (In Russ.)
12. Oyzerman T.I. Problemy istoriko-filosofskoy nauki. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 402 p. (In Russ.)
13. Gertsen A.I. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 740 p. (In Russ.)
14. Gegel G.V.F. *Nauka logiki*. Of vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 376 p. (In Russ.)
15. Minto V. *Deduktivnaya i induktivnaya logika*. Moscow, Tipografiya I.D. Sytina Publ., 1898. 542 p. (In Russ.)
16. Khomskiy N. *Teoriya vrozhdennykh idey. Filo-sofiya yazyka*. Moscow, Yeditorial URSS Publ., 2004. 208 p. (In Russ.)
17. Dekart R. [Works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 633 p. (In Russ.)
18. Leybnits G.V. [Works]. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 686 p. (In Russ.)
19. Uorf B.L. *Nauka i yazykoznanie. Yazyk kak obraz mira*. Moscow, AST Publ., 2003. 576 p. (In Russ.)
20. Tondl L. *Problemy semantiki*. Moscow, Progress Publ., 1993. 488 p. (In Russ.)
21. Chertov L.F. *Znakovost*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1993. 388 p. (In Russ.)
22. Lokk Dzh. [Works]. In 3 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 560 p.
23. Vindelband V. *Istoriya novoy filosofii*. Of vol. 1. Moscow, Kanon-press-Ts Publ., 2000. 639 p. (In Russ.)
24. Tselishchev V.V., Karpovich V.N., Polyakov N.V. *Logika i yazyk nauchnoy teorii*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 189 p. (In Russ.)
25. Pap A. *Semantika i neobkhodimaya istina. Issledovaniye osnovaniy analiticheskoy filosofii*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2002. 418 p. (In Russ.)
26. Yum D. *Issledovaniye o chelovecheskom razumenii*. Moscow, Progress Publ., 1995. 237 p. (In Russ.)
27. Reale Dzh., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney*. Of vol. 3. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. 714 p. (In Russ.)
28. Kant I. *Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, mogushchey vozniknut v smysle nauki*. Moscow, Progress Publ., 1993. 237 p. (In Russ.)
29. Berkli Dzh. [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 556 p. (In Russ.)
30. Mamardashvili M.K. *Nekotoryye voprosy issledovaniya istorii filosofii. Voprosy filosofii*, 1969, no. 12. (In Russ.)

LEZGINA Marina L. – *Herzen State Pedagogical University of Russia*.

Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: lezgina@mail.ru

IVANOV Vyacheslav G. – *St. Petersburg State University*.

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: lezgina@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.15

УДК 1:165

Л.В. Мурейко

МИМЕЗИС И РЕКУРСИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рекурсия – свойство мимезиса, посредством которого система процессуально продуцирует разнообразные многочисленные копии (подобия) себя, – будучи еще недостаточно изученной, является важным фактором эволюционной, онтологической возможности эффективной саморегуляции, самосознания, интересубъективности, социальной коммуникации в целом, включая массовую коммуникацию. В статье уточняются причины мимезиса, выделены его разновидности в зависимости от того, что лежит в его основе: подражание образцу, объекту, другому субъекту, уподобление системе знаков, экрану, технологиям, опосредующим и замещающим объекта и субъекта. Подчеркивается, что рекурсия – свойство, сквозное для всех видов мимезиса, имеющее коммуникативную функцию. Новым является анализ специфики рекурсии с привлечением данных нейрофизиологии, антропологии, социологии, семиотики, рассматриваемых через призму эпистемологии. В этой связи используются методы сравнительного анализа, аналогии, обобщения, объединяемые методологией междисциплинарного анализа. Учет механизма мимезиса, его свойства рекурсии имеет, как минимум, три практических приложения: в выявлении более широкого горизонта познавательных возможностей и адаптации, в оптимизации обучения детей и социализации в целом и в повышении эффективности управления массовым сознанием.

МИМЕЗИС; РЕКУРСИЯ; ЗЕРКАЛЬНЫЕ НЕЙРОНЫ; СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ; МАСС-МЕДИА; ЭПИСТЕМОЛОГИЯ.

Актуальность заявленной темы определяется растущим хаосом в представлении знаний, затруднением самоидентификации субъектов в условиях роста информационных потоков, с которыми часто не справляется классически понимаемая рефлексия, вовлекаемая в пространство масс-медиа.

Цель данной работы – исследовать специфику поисковой, практически действующей неосознаваемой самоорганизации системы, реализуемой через ее самокопирование (в том числе в условиях масс-медиа). Такое исследование необходимо, чтобы в дальнейшем, выявив характер связи неосознаваемой, но продуктивной самоорганизации и самокопирования с рефлексией, расширить потенциал последней.

Мимезис в его метафизике, как духовно-интеллектуальный процесс, был объектом исследовательского интереса Платона и Аристотеля. Мимезис биологического характера основательно изучался В.М. Бехтеревым. Сравнительному анализу биологического и

социального мимезиса посвятили свои труды Г. Тард, Р. Кайуа К. Лоренц, Т. Тинберген. Уточнение мимезиса через анализ самоорганизации и самокопирования системой осуществлялось в исследованиях У. Матураны, Ф. Варелы, Н. Лумана, Ж. Делеза, А.В. Анисимова, В.И. Аршинова, Я.И. Свирского, отталкивающихся от работ по синергетике. Г. Хакен (совместно с Ю. Португали), применяя синергетический подход к анализу активности мозга, рассматривал процессы самоорганизации и самокопирования в коллективных когнитивных процессах. М. Арбиб, Дж. Риззолатти, Т.В. Черниговская, исследуя самокопирующую функцию зеркальных нейронов мозга, находили связь между их действием и социальной самоидентификацией субъектов. В. Беньямин выявлял характер трансформации архаических чувственных уподоблений в современном языке. Эстетические возможности мимезиса исследовали М. Мамардашвили, В. Подорога, Ж. Батай. Концепцию экономического



мимезиса разрабатывал Ж. Деррида. Однако, несмотря на множество работ, посвященных мимезису в его различных проявлениях, специфика рекурсивного свойства мимезиса в его коммуникативной функции еще не имеет достаточной ясности.

В данной работе мы используем методы сравнительного анализа, аналогии, обобщения, классификации, структурно-функциональный и семиотический методы. Все они объединяемы междисциплинарным подходом к исследованию заявленной темы.

Мимезис играет немаловажную роль в эволюционном процессе. М. Дональд не случайно называет его одним из важнейших эволюционных факторов формирования собственно человеческой пролонгированной, объемной оперативно-пластичной памяти, необходимой для сложного обучения [1].

Характерной чертой мимезиса является удвоение мира через уподобление (имитацию). К наиболее острым вопросам в исследовании мимезиса относятся следующие: а) Что имитируется? б) Чем обусловлена необходимость имитации? в) Лежит ли в ее основании механизм отражения?

Сравним две разные позиции биологов в решении этих вопросов. Первую представляет В.М. Бехтерев, согласно которому биологический, инстинктивный мимезис основан на отражении-подражании объектному миру, имеет характер реактивности и состоит в «оживлении» следов предыдущих воздействий внешней среды. Общая причина подражания — страх, непосредственная реакция на угрозу жизни, стремление к самосохранению.

Другая позиция представлена исследованиями Р. Кайуа, К. Лоренца, Т. Тинбергена, У. Матураны, Ф. Варелы и др. Их критика первой позиции состоит в неоправданности идеи мимезиса, если он жестко определяется подражанием *чему-то*, если присутствует акцент на *объекте* подражания, и тем самым мимезис сводится к воспроизведению (репродукции). Так, согласно К. Лоренцу, живое существо в своем выживании определяется не подражанием, а тем, что оно представляет собой «знающую реальность». Не образ, а индивидуально значимый мельчайший знак может содержать в себе информацию, чрезвычайно важную для выживания животного [2].

Эту идею У. Матурана и Ф. Варела развивают и уточняют следующим образом: биологические корни познавательного процесса определяются тем, что «никакого объекта познания нет. Знать — значит уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями» [3, с. 135]. Матурана и Варела полагают, что не отражение (репродукция), а аутопойезис как саморегулирующаяся система оказывается конституирующим признаком жизни [4, с. 51–52].

Суть аутопойетической системы любого уровня (включая социальные системы) состоит в том, что всё, что в ней происходит, является выражением особенностей самой системы, реагирующей на внешние раздражители тем способом, который ей имманентно присущ. Она занимается не столько отражением внешнего мира, сколько творчеством собственной модели этого мира на основе поступающих от него сигналов. При этом связь нейрофизиологии живых существ и неорганической природы осуществляется на основе принципа «структурной сопряженности» системы и окружающей среды через *механизм коммуникативного типа*. Речь идет о том, что живые существа в качестве самозамкнутых аутопойетических систем сосуществуют с окружающей средой через взаимодействие друг с другом на основе выработки системы сопряжений (координаций), понятной для всех.

Итак, термин «аутопойетические системы» — сквозной термин работ У. Матураны — означает «сети производства компонентов, которые (1) рекурсивно, через свои интеракции, генерируют и реализуют сеть, которая производит их; и (2) конституируют в пространстве своего существования границы этих сетей как компоненты, которые участвуют в реализации сети» [5, с. 21]. Определяющими здесь оказываются такие свойства аутопойетических систем, как *рекурсия* (процессуальное самокопирование) и *конституирование своих меняющихся границ*.

Сам термин «рекурсия» заимствован из математической логики и теории множеств. Сегодня он используется в широком контексте, в том числе и применительно к социальным системам.

На тот факт, что мышление функционирует на основе особого нейрофизиологического про-

цесса рекурсии в виде самопроекции нервной системы, которая взаимодействует с собственными внутренними состояниями, включая их в свою структуру, кроме исследователей У. Матураны и Ф. Варелы, указывают в своих трудах Н. Бехтерева [6], Т. Черниговская [7], М. Арбиб и Дж. Риззолатти [8] и др.

М. Арбиб и Дж. Риззолатти открыли определенные свойства мозга, которые были обозначены как «зеркальные нейроны» и «зеркальные системы» [Там же]. При исследовании зеркальных нейронов было обнаружено, что они фиксируют и «работают» только с той исходящей от разнообразных существ информацией, которая вписывается в понятную систему координат, знаковая система которых имеет некоторые сходные черты и формы интерпретации. Здесь особенно важно, что зеркальные нейроны реагируют не на любую информацию (действие), а только на доступную органам чувств того, кто ее воспринимает, и когда она актуальна для действия, которое он выполняет самостоятельно. Было установлено, что зеркальные системы особенно активизируются, когда возникает необходимость *удвоения* воспринимаемого, переживаемого *в качестве значимого*. Наиболее активны они в случаях *предвидения* будущих действий в отношении уже существующих, *воспоминания*, а также *сопереживания* эмоций.

Выделим три важные составляющие нейрофизиологической основы таких свойств зеркальных систем, как динамичная самоорганизация и самокопирование: 1) нейроны, принадлежащие разным областям коры, которые способны мгновенно объединяться в единый функциональный блок [9]; 2) нейронные ансамбли, выполняющие функцию широко понимаемой доминанты [10]; 3) кодируемые посредством нейрофизиологических структур постоянно воспроизводимые базисные социально и культурно значимые концепты-примитивы [7; 11, с. 72, 73].

Принципы объединения нейронов, согласно П.К. Анохину, — это динамичность, пластичность, т. е. способность к быстрой перестройке всего паттерна с учетом множества факторов влияния. Заметим, сходные сведения можно найти в исследованиях распределения энграмм в памяти, когда выясняется, что один и тот же объект познания может *одновременно быть составной частью ассоциативных множеств,*

действующих по разным основаниям: сенсорных модальностей, различных парадигматических и синтагматических связей. Доминанта и кодируемые нейрофизиологическими структурами базисные социально и культурно значимые концепты-примитивы — факторы, вносящие иерархический порядок в действие нейронов, функционирующих по принципу ассоциативных множеств.

Роль зеркальных систем в обеспечении устойчивой возможности *социальной самоидентификации* оказывается настолько важна, что их выход из строя вызывает психическую патологию в виде шизофрении [12] и, по-видимому, аутизма: для обоих характерно разрушение социально ориентированных действий. В нейрофизиологическом плане, вероятно, это обусловлено снижением активности доминанты и нейронных структур концептов-примитивов.

Некоторые исследователи, ссылаясь на открытие нейронов навигационной системы, нейронов, обеспечивающих «чувство числа» или протоматематической интуиции, являющихся, возможно, «основанием абстрактного мышления вообще» (С. Деан), считают, что «образ (человеческой) культуры в общем и целом определяется мозгом» [13, с. 1150]. Для частных видов и сфер деятельности, может быть, это верно. Так, Р. Дули представляет результаты своих нейронаучных исследований, проведенных на базе Венского института функциональной топографии головного мозга им. Людвига Больцмана, как продуктивную платформу для эффективного изменения поведения покупателя в интересах продавца [14]. Однако применительно к обществу в целом вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что фундаментальные изменения социальной практики определяются структурно-функциональными особенностями мозга. Скорее правы Т.В. Черниговская [7], а также Т. Дикон [15], согласно которому язык как социальное явление «оккупировал» мозг. Мозг и язык осуществляют ко-эволюцию, но ведущую роль в этом процессе всё же играют социальные факторы, среди которых особое место занимает язык.

Современный социум существует в технически сложном, во многом искусственном мире, в котором важную роль по отношению к предметному миру играет широко разветвленная сложная система знаков. Подчеркивая осо-



бенность современности символом бунта или восстания посредством знаков, действующих в духе «Kool Killer» [16, с. 155–166] применительно к обществу, где знаково-символический способ представления реальности подчинен масс-медиа, Ж. Бодрийяр приходит к выводу, что все попытки самоорганизации и самореференции симулятивны. В основе повсеместной симуляции, полагает он, лежит механизм социального кода, схожий с механизмом самовоспроизводства живых систем, управляемым бинарным кодом ДНК [Там же. С. 133]. Далее Бодрийяр проводит аналогию кода ДНК и элементарной частицы информации – бита. Устанавливается, что действие бита по принципу «вопрос – ответ», которому соответствует алгоритм «да – нет», аналогично действию кода ДНК, циклически воспроизводящего одну и ту же модель существования.

В обществе масс референция становится тестом и референдумом. Любой знак, сообщение, телепередача, социологический опрос, выборная кампания действуют по принципу «вопрос – ответ», где ответ предустановлен для бесконечно дробящихся вопросов. Разрастающийся нарциссизм, стремящийся уйти от стереотипов в условиях особой роли в обществе масс-медиа, охарактеризован Бодрийяром как «синтетический», искусственно моделируемый, как *наиболее изощренная форма симуляции индивидуальной самобытности*. При этом субъект нарциссизма определяется следующим образом: «...фактически это никто, фиктивный элемент, служащий опорой дискурсу модели. Это не то „вы“, к которому обращается речь, а внутрикодовый эффект раздвоения, призрак, возникающий в зеркале знаков» [Там же. С. 212]. Всё дело в том, что сама отдаленность оппозиций в пространстве масс-медиа симулятивна.

С точки зрения Ж. Делеза, ситуация не так безнадежна. Саморегуляция, самореферентность в условиях довлеющего влияния стереотипов обеспечивается *сингулярностью*. Это одно из ключевых понятий постмодернизма, обозначающее *самобытность, которая существует в поле пересечения индивидуального и безличного*.

Если для Бодрийяра симулякр – подражание подражанию – связан с невозможностью выйти за пределы разрастающейся стереотипной имитации реальности, то для Делеза он – средство преодоления искусственно заданного

шаблона репрезентации как предметного мира, так и субъекта. «Если верно, – пишет Делез, – что элементом репрезентации является тождество, единицей измерения – подобие, то единица измерения чистого присутствия, каким оно предстает в симулякре, – „разрозненное“, т. е. постоянное различие различия в качестве непосредственной составляющей» [17].

Позиции Ж. Делеза близка позиция Ж. Деррида, который вводит понятие «дифференц» (различающее различие), делая ставку на свободное от шаблонов, самореферентное, рекурсивное письмо, рассматриваемое как способность множественного миметического удвоения существования через уподобление избытию смысловых возможностей знака. Миметическая способность такого письма, с этой позиции, позволяет причаститься (уподобиться) к мощной энергии непознанного мира, к игре сверхчеловеческих стихий. Это возможно за счет актуализации значений непознаваемого путем множественного удвоения в письме банальных концептов, автоматически используемых имен и ценностей с целью испытания их границ. С этим постмодерн связывает возможность передавать невыразимое в обычной коммуникации, появление способности уподобления «трепету *суверенных сил*». Благодаря этому ожидается появление более продуктивной и быстрой связи с другими сознаниями, повторения себя в них (за счет возникающего в условиях трансгрессии усиленного эффекта суггестии) (Ж. Батай). Прогнозируется самораскрытие в этих условиях самой инфраструктуры познания, *проявление его инструментальных средств* на фоне обнаруживающих себя условности дискурса и его парадигмы в целом.

Не принимая крайностей постмодерна, можно согласиться с ним в том, что рост деперсонализации и стереотипного мышления в условиях особой роли в обществе масс-медиа требует специальной работы с дискурсом социальной коммуникации, выявления в нем продуктивной функции рекурсии, неявных автоматических и шаблонных механизмов, а также дискурсивных средств сопротивления последним. Это позволит уточнить феномен социальной рациональности. В эпистемологии, представляющей науку в широком плане (в ее включенности в социально-культурные процессы), рекурсия должна быть рассмотрена

как важная составляющая *единого* познаватель-но-практического процесса. Представленная в таком плане эпистемология должна учитывать и самоорганизующую субъективность, присущую познавательному процессу (через создание субъектом собственных копий для само-сохранения в разных условиях и в отношении разных адресатов), и особенность адаптации социально-коммуникативного характера.

В значительной степени правы авторы работы «Проблемы субъектов в постнеклассической науке» [18], утверждающие, что «коммуникативно-рекурсивная модель» является базовой для исследования постнеклассического субъекта. Можно согласиться и с их толкованием онтологического аспекта исследования рекурсии, при котором она «выступает как предпосылка принципа аналогии, обобщенной фрактальности, лежащей в основе динамики эволюционных процессов» [Там же. С. 58].

При этом следует иметь в виду особенность «эпистемических вещей» по отношению к «вещам технологическим» (Х.-И. Райнбергер). «Технологические вещи» определяются фиксированными, стабильными качествами. В этом случае субъекты (исследователи, потребители, эксперты), обладая иллюзией независимого наблюдателя, воспринимают вещь через те инструментальные функции, знанием которых они сами предварительно уже располагают. «Эпистемические вещи» порождены и развиваются далее через их *рекурсивную* подпитку знанием субъектов-наблюдателей, когда представление о вещи наращивает свою сложность за счет соучастия наблюдателя. Один из эффективных путей эпистемологии – выявление особенности «эпистемической вещи» через анализ «объективации» ее рекурсивного усложнения, которое осуществляется благодаря включенности в ее изменение наблюдателя.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Важно определиться с причиной мимезиса, самокопирования процессуального характера. Не существует абсолютной копии из-за разницы между конечной, формальной системой означающего и бесконечностью разнообразного означаемого. Именно этим и обусловлен ряд повторений, которые всегда сопровождает

различие. Ненасытность копирования происходит от стремления приблизиться к уникальности сущего, к манящей, но всё время ускользающей полноте знания. Добавим к этому, что повторение также имеет функцию социального сплочения, символического воспроизведения запретного, акцентирования на том, что значимо, и актуализации неясного, непонятного.

2. Формы мимезиса разнообразны в зависимости от того, *что лежит в его основе*. Это может быть подражание *образцу, объекту*, уподобление *системе знаков, экрану, технологиям*, опосредующим и замещающим объекта и субъекта. Рекурсия, обеспечивая самосохранение и самообновление живых систем, в той или иной степени присуща всем видам мимезиса.

3. Соотносительный анализ данных нейрофизиологических и социально-гуманитарных наук в изучении мимезиса и рекурсии показывает, что необходима более интенсивная работа по выстраиванию междисциплинарной связи.

4. Эвристическая продуктивность эпистемологической модели, принимающей в расчет мимезис и рекурсию, состоит прежде всего в связи классически понимаемой рефлексии и поисковой, практически реализуемой неосознаваемой самоорганизации и самоидентификации.

5. Важно, что это две стороны единого коммуникативного процесса, в котором значимо не только противопоставление субъекта и объекта, индивидуального и коллективного, личного и безличного, но и процессуально-смысловое поле их взаимодействия как равнозначных сторон, без редукции одного к другому. Благодаря этому сохраняется возможность не упустить в идентификации системы ее уникальных свойств, без чего и знание об объекте является неполным, и коммуникация между людьми оказывается формальной, неполноценной.

6. Рекурсивный механизм усложнения знаний об объекте позволяет прояснить неожиданный запуск качественно новых свойств комплексных социальных объектов, прежде всего усиление их автономности в продуцировании неуправляемых, непредсказуемых явлений, которые могут восприниматься как девиации с позиции классической теории.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Donald M.** Mimesis and the executive suite: Missing links in language evolution // Approaches to the Evolution of Language: Social and Cognitive Bases / Ed. Hurford J.R., Studdert-Kennedy M., Knight C. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 44–67.
2. **Лоренц К.** Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 243–467.
3. **Матурана У.** Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 95–142.
4. **Матурана У., Варела Ф.** Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
5. **Maturana H.** Autopoiesis // Autopoiesis: A theory of living organization. N. Y.: North Holland, 1981.
6. **Бехтерева Н.П.** О мозге человека. СПб.: Нотабене, 1999.
7. **Черниговская Т.В.** Мозг и язык: полтора века исследований // Теор. проблемы языкознания. К 140-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 16–35.
8. **Arbib M.A., Rizzolatti G.** Neural expectations: A possible evolutionary path from manual skills to language // Communication and Cognition. 1997. No. 29. P. 393–424.
9. **Анохин П.К.** Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 391 с.
10. **Ухтомский А.А.** Доминанта. СПб.: Центр, 2002. 448 с.
11. **Черниговская Т.В.** Когнитивный романтизм в зеркале контекстов // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т. IX, № 3. С. 71–77.
12. **Arbib M.A., Mundhenk T.N.** Schizophrenia and the mirror system: and essay // Neuropsychologia. 2005. No. 43. P. 268–280.
13. **Chater N., Christiansen M.** Language acquisition meets language evolution // Cognitive science. 2010. No. 34. P. 1131–1157.
14. **Дули Р.** Нейромаркетинг. Как влиять на подсознание потребителя. М.: Попурри, 2013. 336 с.
15. **Deacon T.W.** The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. N. Y.: Norton, 1997.
16. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
17. **Делез Ж.** Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
18. **Проблемы** субъектов в постнеклассической науке: препринт / под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. 176 с.

МУРЕЙКО Лариса Валериановна — кандидат философских наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: lamureiko@gmail.com

L. V. Mureyko

MIMESIS AND RECURSION: THE PROBLEM OF SOCIAL COMMUNICATION IN THE EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Recursion is a property of mimesis, through which the system procedure produces a variety of numerous copies (of similarity). While still poorly understood, it is an important factor in evolutionary and ontological possibilities of effective self-regulation, self-awareness, intersubjectivity, social communication in General, including mass communication. Specifies the causes of mimesis, the varieties depending on what underlies it: the imitation of the model; object; another entity, likening the system of signs, screen, technology, mediating and replacing of object and subject. It is emphasized that recursion is a property, through to

all types of mimesis that has communicative function. New is the specificity of recursion involving data from neurophysiology, anthropology, sociology, semiotics seen through the lens of epistemology. In this regard, the use of methods of comparative analysis, analogy, generalization, combine the methodology of interdisciplinary analysis. Consideration of the mechanism of mimesis, the properties of the recursion has at least three practical applications: 1) to identify a broader horizon of cognitive possibilities and adaptation; 2) to optimize children's learning and socialization as a whole; 3) to enhance effectiveness in the control of the mass consciousness.

MIMESIS; RECURSION; MIRROR NEURONS; SOCIAL COMMUNICATION; MASS MEDIA; EPISTEMOLOGY.

REFERENCES

1. Donald M. Mimesis and the executive suite: Missing links in language evolution. *Approaches to the Evolution of Language: Social and Cognitive Bases*. Ed. Hurford J.R., Studdert-Kennedy M., Knight C. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998, pp. 44–67.
2. Lorenz K. [The reverse side of the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998. Pp. 243–467. (In Russ.)
3. Maturana H. [Biology of cognition]. [*Language and intelligence*]. Moscow, Progress Publ., 1995. Pp. 95–142. (In Russ.)
4. Maturana H., Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2001. 223 p. (In Russ.)
5. Maturana H. *Autopoiesis. Autopoiesis: A theory of living organization*. New York, North Holland, 1981.
6. Bekhtereva N.P. *O mozge cheloveka* [About the human brain]. St. Petersburg, Notabene Publ., 1999. (In Russ.)
7. Chernigovskaya T.V. [Brain and language: a half-century of research]. *The Theoretical problems of linguistics. To the 140th anniversary of the Department of General linguistics St. Petersburg State Univ.* St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2004. Pp. 16–35 (In Russ.)
8. Arbib M.A., Rizzolatti G. Neural expectations: A possible evolutionary path from manual skills to language. *Communication and Cognition*, 1997, no. 29, pp. 393–424.
9. Anokhin P.K. *Filosofskiy aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Philosophical aspects of the theory of functional system]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 391 p. (In Russ.)
10. Ukhtomsky A.A. [Dominanta]. St. Petersburg, Centr Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)
11. Chernigovskaya T.V. [Cognitive romanticism in the mirror of contexts]. *Epistemology & Philosophy of science*, 2006, of vol. IX, no. 3, pp. 71–77. (In Russ.)
12. Arbib M.A., Mundhenk T.N. Schizophrenia and the mirror system: and essay. *Neuropsychologia*, 2005, no. 43, pp. 268–280.
13. Chater N., Christiansen M. Language acquisition meets language evolution. *Cognitive science*, 2010, no. 34, pp. 1131–1157.
14. Duli R. *Neyromarketing. Kak vliyat' na podsoznaniye potrebiteleya* [Neuromarketing. How to influence the subconscious of the consumer]. Moscow, Medley Publ., 2013. 336 p. (In Russ.)
15. Deacon T.W. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York, Norton, 1997.
16. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p. (In Russ.)
17. Deleuze G. [Difference and repetition]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
18. [Problems actors in post-nonclassical science]. Preprint ed. by V.I. Arshinov and V.E. Lepskiy. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2007. 176 p. (In Russ.)

MUREYKO Larisa V. — *Petersburg State Transport University.*

Moskovsky pr., 9, St. Petersburg, 190031, Russia
e-mail: lamureiko@gmail.com

РЕЧЕВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

В статье актуализирована проблема формирования речевых компетенций у студентов в условиях исключения из учебных планов речевых дисциплин. Цель статьи – выявление уровня речевой культуры авторов современных научных публикаций. Использован объективный метод анализа научных текстов на соответствие нормам современного русского литературного языка. Наиболее многочисленный кластер в исследовании составили аннотации к научным статьям. Выявлены типичные ошибки на разных языковых уровнях. Детально исследован такой вид речевой ошибки, как нарушение лексической сочетаемости. Сбор фактологического материала осуществлялся с использованием метода сплошной выборки. Для обработки полученных результатов применен статистический анализ. Нарушение лексической сочетаемости выявлено в 21 из 100 аннотаций к научным статьям. Представлены суммарные данные, фиксирующие отрасли науки и отражающие квалификацию авторов статей, в которых имеется такое нарушение. Лидируют по этому показателю статьи на экономические темы (28,6 %). Среди авторов статей, в которых встречается данная ошибка, есть доктора наук (более 30 %) и кандидаты наук (около 40 %). Перечень типичных ошибок сопровождается примерами из научных сочинений разных жанров. Сопоставление полученных данных с результатами анализа речевых компетенций выпускников школ позволило сделать вывод, что уровень владения русским языком в процессе вузовского и послевузовского обучения практически не меняется. Материалы статьи могут быть использованы для актуализации поставленной проблемы в сознании всех участников образовательного процесса в высшей школе, а также для проведения практикумов со студентами и аспирантами.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ; ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ; ДИСЦИПЛИНЫ; РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА; НАУЧНЫЙ ТЕКСТ; ЯЗЫКОВАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ; НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА; ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ.

Вопросы гуманизации и гуманитаризации образования уже не одно десятилетие находятся в центре внимания современной педагогической науки. Точнее было бы сказать, что обращение к ним в России переживает второе рождение: гуманизирующая роль общего образования и его воздействие на умственное и нравственное развитие молодого поколения активно обсуждались русскими общественны-

ми деятелями, учеными и писателями еще в 40–50-х гг. XIX в.

Квинтэссенция этого вопроса отразилась в знаменитой статье Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», опубликованной в 1856 г. в журнале «Морской сборник», издававшемся Морским министерством. В ней выдающийся хирург и педагог выдвигал идею образования из учащегося прежде всего истинного человека и гражд-

данина, а потом уже специалиста в конкретной области знания.

Философ-славянофил А.С. Хомяков предлагал первые два года университетского курса посвящать только тем предметам, которые одинаково необходимы образованному человеку, независимо от выбранной профессии, а в остальное время изучать специальные предметы: «Таковы знания русского языка и русской словесности, история словесности всемирной и понятие об ее образцовых произведениях; история всеобщая в широких очерках, без мелких подробностей, начала математики в их отношениях к мыслительной способности человека и естественных наук в их отношениях к системе мира...» [1, с. 367].

Практически в унисон с точкой зрения общественных деятелей XIX в. звучат и мнения современных ученых. В статье доктора технических наук К.К. Колина читаем: «В современных условиях большое значение приобретают гуманитарные цели образования: воспитание граждан и патриотов, высоконравственных и творческих личностей. Ведь только эти качества и могут обеспечить реальный успех в борьбе с криминализацией общества, коррупцией, предательством национальных интересов страны... Нельзя дальше мириться с расщеплением сознания российского общества и подменой его традиционных духовных ценностей» [2, с. 17–18].

Однако к настоящему моменту признание роли гуманитарного знания как фундамента формирования личности профессионала из аксиомы постепенно превратилось в общее место – не в значении «места риторического» (топоса), а в значении «триумфа», избитой истины.

Эта мысль лучше всего демонстрируется тем противоречием, которое заложено в учебные планы практически по всем направлениям бакалавриата и специалитета: между признанием универсальности гуманитарного знания и временем, отводимым на адекватное его усвоение студентами. Ограниченное по времени воздействие гуманитарного знания на обучающихся влечет за собой и утрату тех возможностей, которыми оно обладает в плане формирования речевой культуры студентов. Это оборачивается, в свою очередь, противоречием между требованиями общества к уровню речевой культуры выпускников высших учебных заведений и его фактическим состоянием.

Последнее положение усугубляется катастрофическим снижением уровня речевой культуры общества в силу целого комплекса хорошо известных специалистам негативных причин, обернувшихся наступлением на русский язык – основу национальной идентичности. К числу негативных факторов добавилось и постепенное исключение речевых дисциплин из учебных планов специалистов и бакалавров. Сопоставление государственных образовательных стандартов второго поколения – ГОС-2 ВПО, третьего поколения – ФГОС ВПО и ФГОС ВО 3+, а также основных образовательных программ, реализуемых вузами по данным стандартам, как нельзя лучше отражает данный процесс.

Несмотря на присутствие в последних стандартах среди требований к освоению программ бакалавриата и специалитета таких компетенций, которые предполагают включение в образовательные программы дисциплин, напрямую формирующих речевую культуру учащихся (готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском языке для решения задач межличностного взаимодействия и профессиональной деятельности; способность представлять результаты научной деятельности в устной и письменной формах, оформлять научно-исследовательскую работу в письменном виде, излагать в устной форме и участвовать в различных формах дискуссий), они либо вводятся в число дисциплин по выбору, либо исключаются из новых планов, даже если ранее в них присутствовали.

Представим динамику изменений в учебных планах по двум направлениям обучения в одном из московских вузов – Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации. По направлению обучения «Государственное и муниципальное управление» в плане на 2012/13 учебный год в число обязательных дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла (ГСЭ) входила дисциплина «Риторика» (108 ч), а в число дисциплин по выбору (в блоке с культурологией) была включена дисциплина «Русский язык и культура речи» (также в объеме 108 ч). В плане на 2015/16 учебный год в социально-гуманитарном подмодуле (модуль дисциплин по выбору) в числе четырех дисциплин (из которых выбираются две) была представлена дисциплина «Риторика». В плане же на 2016/17 учебный год дисциплины кафед-



ры русского языка не представлены вообще. По направлению обучения «Туризм» в плане на 2012/13 учебный год дисциплина «Русский язык и культура речи» входила в базовую часть ГСЭ, а в числе дисциплин по выбору были дисциплины «Устная коммуникация в профессиональной деятельности» / «Письменная коммуникация в профессиональной деятельности». В планы на 2015/16 и 2016/17 учебные годы как дисциплина по выбору включена только дисциплина «Риторика» (в модуле четыре дисциплины, из которых выбираются две). Аналогичная ситуация наблюдается в большинстве российских вузов.

На этом фоне часть вузов продолжает развивать традиции широкого гуманитарного образования студентов, предполагающего и развитие культуры профессиональной и научной речи. К их числу относится, например, Ивановский государственный химико-технологический университет (ИГХТУ) (занимает 21-ю позицию в рейтинге востребованности инженерных вузов в России 2015 г., включающем 140 учебных заведений). В учебные планы бакалавров (2015/16 и 2016/17 уч. гг.) по всем направлениям обучения в ИГХТУ на первом курсе как обязательная включена дисциплина «Русский язык и культура речи», а по экономическим направлениям – дисциплина «Культура речи и деловое общение». Кроме того, по некоторым направлениям обучения (например, по направлению «Химия») на втором курсе читается также курс «Стилистика научной речи». Для аспирантов предусмотрена дисциплина «Язык научной работы».

В Академии труда и социальных отношений (г. Москва) по всем направлениям обучения (2015/16 и 2016/17 уч. гг.) также предусмотрена одна из речевых дисциплин: в большинстве случаев это дисциплина «Русский язык и культура речи», по направлению обучения «Государственное и муниципальное управление» – дисциплина «Риторика», по направлению обучения «Управление персоналом» – дисциплина «Культура речи и деловое общение». По направлениям обучения «Социальная работа» и «Реклама и связи с общественностью», помимо обязательного изучения дисциплины «Русский язык и культура речи», в числе дисциплин по выбору предлагается «Риторика» или «Культура речи и деловое общение» (в обязательную часть

программы подготовки бакалавров по направлению «Реклама и связи с общественностью» входит также дисциплина «Стилистика русского языка и литературное редактирование»). По всем направлениям подготовки бакалавров ведется факультатив «Культура официально-делового письма», по всем направлениям подготовки магистров – факультатив «Культура научной речи».

Внимание к русскому языку и словесности в учебных заведениях нефилологического профиля находится в традициях отечественной высшей школы. Доказательство этому мы находим в истории деятельности Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства, в котором на всех факультетах первокурсникам еженедельно читались в осеннем семестре три лекции по русской литературе, в весеннем – две [3, с. 12].

Другим примером может служить обязательное изучение русского языка офицерами в Николаевской военной академии Генерального штаба и в Военно-юридической академии. В период обучения в Академии Генерального штаба русский язык, входивший в число вспомогательных предметов обучения, на всех экзаменах по количеству баллов приравнивался к главным: на переводном экзамене из младшего в старший класс академии необходимо было получить не менее 9 баллов, при выпуске по первому разряду – не менее 10, по второму разряду – не менее 9 (при этом по другим дисциплинам допускались 6 баллов) [4, с. 9].

Конференция (аналог современного учебного совета) Военно-юридической академии 30 января 1876 г. постановила отказаться от введения в курс римского права и политической экономии, чтобы ограничить продолжительность обучения тремя годами, но ввела занятия языками – русским и иностранными. На этом настаивал военный министр Д.А. Милютин, а также первый Главный военный прокурор русской армии В.Д. Философов, который на докладе комиссии А.И. Проворова собственноручно пометил: «...опыт указывает на то, что кончившие курс в средних учебных заведениях нередко оказываются слабыми в познании русского языка; я полагаю бы полезным оставить этот предмет в курсе» [5, с. 57]. Временное положение, которое было принято в связи с проведенными преобразованиями в структуре

учебного заведения в 1878 г., определило среди предметов преподавания в Военно-юридической академии место русского языка, выделив часы для упражнения в нем с целью усовершенствования учащихся.

Просматривается достаточно четкая историческая параллель между проблемами, которые волновали педагогов и руководство высших учебных заведений в XIX в., и проблемами, тревожащими современную педагогическую общественность. Основным фактором, который в прошлом определял высокое языковое развитие выпускников высших военных учебных заведений, было именно преподавание русского языка, получившего статус важнейшего общеобразовательного предмета с самого начала формирования взгляда на систему обучения в военном заведении. Каждый раз, когда русский язык утрачивал этот статус, в основном в связи с реорганизацией, пересмотром планов, отсутствием квалифицированных преподавателей, приходилось прилагать усилия по его восстановлению в связи с теми пробелами в речевом развитии учащихся, которые достаточно быстро давали о себе знать.

И сегодня, как показывает практика, отсутствие серьезной работы по развитию речевой культуры студентов и аспирантов, в том числе культуры научной речи, оборачивается тем, что создаваемые ими сочинения нередко демонстрируют недостаточный уровень грамотности и отсутствие необходимых компетенций, что отражается на построении, оформлении, способах выражения мысли и в несоблюдении языковых норм разнообразного типа. Это относится в том числе к публикациям в научных журналах и авторефератам диссертаций, как магистерских, так и кандидатских, что подтверждается проведенным нами анализом значительного числа таких текстов.

Ошибки, присутствующие в проанализированных текстах, напрямую соотносятся с теми, которые перечислены в аналитических материалах Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) и обнаружены при анализе итоговых сочинений, предъявленных абитуриентами в приемные комиссии в качестве личных достижений [6, с. 28]. Это свидетельствует о том, что уровень подготовки в области русского языка в процессе вузовского и послевузовского обучения практически не меняется.

К числу таких ошибок добавляются еще и специфические, связанные, например, с подготовкой библиографического аппарата текста (и это при том, что все материалы ГОСТа находятся в открытом доступе). Более того, несмотря на имеющийся опыт написания курсовых и дипломных работ, многие магистранты и аспиранты заново (или впервые) осваивают науку подготовки и оформления библиографического аппарата научного текста, как и процессы аннотирования и реферирования.

Значительная часть материалов, использованных в нашем исследовании, была получена через национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ) на платформе Национальной электронной библиотеки (НЭБ). В процессе исследования были проанализированы тексты научных статей, авторефераты и метаданные диссертаций, имеющиеся в НЭБ, а также электронные библиоданные Российской государственной библиотеки (РГБ). Наиболее многочисленный кластер составили тексты аннотаций к научным статьям.

Приведем несколько примеров, чтобы затем представить результат анализа указанных текстов в суммарном виде.

Начнем с анализа актуальной в рамках проводимого исследования статьи «Развитие умений академического письма магистров неязыкового вуза» (журнал «Молодой ученый», 2014; автор – старший преподаватель кафедры английского языка). Остановимся сначала на списке цитируемой литературы, поскольку в нем обращает на себя внимание фактическая ошибка, обусловленная отсутствием у автора статьи элементарной культуры работы с источниками. Ошибка эта, скорее всего, «заимствована» из статьи «Жанр эссе в современном литературоведении» (журнал «Гуманитарные исследования», 2010; автор – докторант), а из этих работ перешла в учебную программу «Академическое письмо», разработанную в Казанском (Приволжском) федеральном университете в 2015 г.

Во всех указанных работах в списке литературы значится: «*Эльянвис, А. Урок русского языка по теме „Сочинение в жанре эссе“ [Электронный ресурс]...*». Указанная далее ссылка выводит на материал, который размещен на странице сайта «Фестиваль педагогических идей. Открытый урок» (<http://festival.1september.ru/>



articles/313350/) и автором которого является учитель русского языка и литературы А.Г. Шайхлисламова, в качестве эпиграфа использовавшая цитату с указанием на автора: «А. Эльянъявис». В 2006 г. учитель допустила ошибку в фамилии (надо: А. Эльяшевич), и виртуальная фамилия перекочевала в работы преподавателей вузов, к тому же получив еще и статус автора материала на педагогическую тему. Думается, если поставить перед собой цель проанализировать более обстоятельно списки цитируемых источников, примеров, подобных этому, можно будет найти немало.

Переходя к нарушениям норм литературного языка, имеющимся в первой из названных статей, выделим ошибки орфографические и пунктуационные (например: *Но, с начала, давайте рассмотрим...*; *Когда вы пишете эссе...*; *Кроме того, студенты будущие инженеры*), грамматические (*...приводят примеры, о том, как она проводила свои дни; Мы работаем со студентами инженерных направлений, для которых английский язык является не просто иностранным языком, но и не является основным или ведущим предметом в профессиональной подготовке*) и лексические (*Возникла необходимость в обучении написанию более сложных письменных продуктов, таких как эссе; Мы выбрали этот вид письменного продукта для изучения, т. к. ...*).

Нарушение орфографических и пунктуационных норм, к нашему удивлению, представлено в научных сочинениях весьма широко, чаще всего в тех, которые не проходят редакторскую обработку. Лидером среди орфографических ошибок является написание союза «также» в два слова (*Так же подчеркивается значимость...*; *И в полном его отсутствии оно так же не может действовать; Обобщив мнения... а так же материалы европейского проекта TUNING...*; *...освещает не только социальный аспект распространения новшеств, но так же скорость...* и др.). На втором месте по частотности — употребление / неупотребление мягкого знака в формах возвратных глаголов (*...расширяются при нагревании и сжимаются при охлаждении; Тепловая волна устремиться из точки 1 к точке 2; Учится общению нужно общаясь; Он стремиться к высшему подъему* и др.).

Нередки ошибки в правописании: производных предлогов (*Не смотря на огромную популярность темы инноваций в экономике...*; *В те-*

чении года нами проводился эксперимент и др.); сложных слов и составных наименований (*Немало важным считается присутствие...*; *фаст фуд / Фаст Фуд* — в одной статье, нормативно — фастфуд; *Глобального Экологического Фонда, Национальный План Действий, Поволжский Центр Экологических Оценок* — из статьи кандидата биологических наук; *радио-приемника; информационно коммуникационных* — из статьи аспиранта кафедры иностранных языков; Интернет / интернет); в непроверяемых написаниях (*медицинский; потология; гостиничный; учреждение; апелляция* и производные от него — последнее в диссертациях по юриспруденции, причем в некоторых случаях многократно, и др.).

Орфографические и грамматические ошибки можно встретить даже в заголовках статей, например: *«Использование мультимедийных технологий при обучении и повышении мотивации студентов медицинских вузов к изучению английского языка»* (автор — аспирант кафедры иностранных языков); *«Новый ресурс в Интернет»* (автор — кандидат биологических наук); *«Основания возникновения права на реабилитацию и возмещение вреда в уголовном процессе»*; *«Апелляционное производство в уголовном процессе»* (автор двух последних статей — студентка 4-го курса, в РИНЦ имеются 27 ее публикаций за 2014–2015 гг.) и др.

Среди пунктуационных ошибок лидирует нарушение постановки знаков препинания при деепричастных оборотах; далее по степени частотности — постановка запятой после союза «однако», который смешивается с вводным словом (*Однако, стоит разобраться, может ли современное государство...*; *Однако, среди их богатого разнообразия...* и др.); пунктуация в сложносочиненном предложении и при слове «как» (*...воспринимать естественное право не только, как отголосок прошлого; ...требуют пересмотра, как общей методологии обучения, так и конкретных методов и приемов...* и др.).

Удивляют также и многочисленные грамматические ошибки, причем не только в проблемной для современной речи группе слов — в именах собственных (*...осуществлялось в городе Комсомольск-на-Амуре; ...на территории Саратова и крупных городов области — Энгельс, Балаково, Балашов, Вольск, Ртищево, Маркс и других; ...1 сентября 2002 года в интернет по адресу...*), но и при управлении (*...в основе было положе-*

но...; ...важность о значении игры для детей...; ...потребность к игре...; ...применение персонального компьютера в обучении иностранного языка) и согласовании / грамматической координации (...и тех людей, которые непосредственно производит продукцию; ...группу... российской интеллигенции, играющую огромную роль в жизни общества и формирующей...; В 11-ом классе к ЕГЭ ученики относятся более нейтрально и привычно. Но оно вызывает у них чувство нерешительности...; ...овладения учебным материалом и умениями, необходимых в повседневной жизни и др.).

Часто встречаются в научных текстах и грамматико-синтаксические ошибки. Здесь первенствует нарушение построения предложения с градационными (сопоставительными) союзами, самый активный из которых союз «не только... но и...» (...требует не только изменения содержания изучаемых предметов, но и методов и форм организации образовательного процесса; Инновации служат не только толчком и источником эволюционных изменений в социально-экономических системах, но и сами являются частью эволюционного процесса; ...характеризуют не только параметры существующих в сети рефер, но и дают представление...; ...характеризуется не только пространственным параметром, но так же разворачивается во времени и др.).

Нередки ошибки в построении предложения с деепричастным оборотом (*Просмотрев записи о хронических болезнях учащихся, большая часть их связана с желудочно-кишечным трактом; Проведя исследование «Предпочтение школьников в выборе продуктов питания», было выявлено...; Анализируя результаты, представленные в таблице, у большинства старшеклассников 9-ого и 11-ого классов отмечают...*), а также в построении ряда однородных членов предложения, в том числе с обобщающим словом (*Выделяют следующие принципы использования технических средств обучения: обусловленности, необходимости, информативности, надежности и др.*).

Среди лексических ошибок преобладают лексическая недостаточность (*Дистанционное образование является компромиссом для всех вышеперечисленных проблем*) и избыточность (...делано людьми в различных видах деятельности), смешение паронимов (*Электронная система документооборота E-invoicing представляет собой дистанционное управление*) и

нарушение лексической сочетаемости (...догнать и перегнать уровень зарубежных стран).

Остановимся на последнем типе ошибки и представим результаты исследования аннотаций научных статей, опубликованных в научных журналах и сборниках материалов международных и всероссийских конференций.

Нами были проанализированы с применением сплошной выборки (в нее попали работы, написанные с 2005 по 2015 г.) тексты, где использованы два типичных словосочетания – «иметь значение» и «играть роль». Синонимия данных выражений является причиной того, что нередко происходит контаминация выражений, результатом которой становится сочетание «играть значение». Из 100 аннотаций, где используются данные выражения, ошибка допущена в 21 (21 %).

Вот лишь несколько конкретных примеров: «*Важное значение в реализации функций и принципов ликвидности региональных банков играет учет способности банка нивелировать риски*»; «*Ресурсоэффективная стратегия развития не будет играть существенного значения*»; «*Существенное значение играют ООПТ и в связи с развитием...*»; «*Не менее важное положительное значение играют факторы, связанные с системой здравоохранения*»; «*Большое значение играет внедрение на предприятиях экологического менеджмента*»; «*Люпин играет важное значение...*» и др.

Абсолютное большинство статей, в которых выявлена данная ошибка, – статьи, опубликованные в научных журналах (16, или 76,2 %); 5 статей – из сборников материалов конференций.

В табл. 1 и 2 суммированы данные, фиксирующие отрасли науки и отражающие квалификацию авторов статей, в которых выявлено нарушение лексической сочетаемости.

Можно сделать вывод, что практически во всех отраслях науки обнаруживается общая проблема – низкий уровень речевой культуры. Собственно, процент работ с выявленной ошибкой мог бы быть и выше, если бы в выборку не вошли работы, написанные филологами (около 30 %), качество речи которых заметно отличается от качества речи представителей других научных областей.

Часть работ была выполнена в соавторстве: 7 работ, или 33 % от общего числа, из них в соавторстве с аспирантами – 3 (14,3 %). Данные

Таблица 1

Распределение работ, в которых выявлено нарушение лексической сочетаемости, по отраслям науки

Науки	Количество работ
Экономика	6 (28,6 %)
Педагогика	3 (14,3 %)
История, социология, философия	3 (14,3 %)
Медицина и ветеринария	3 (14,3 %)
Естественно-научные	3 (14,3 %)
Юриспруденция	2 (9,5 %)
Технические	1 (4,8 %)

Таблица 2

Квалификация авторов статей, в которых выявлено нарушение лексической сочетаемости

Квалификация	Количество авторов статей
Доктор наук	7 (33 %)
Кандидат наук	8 (38 %)
Преподаватель без ученой степени	2 (9,5 %)
Аспирант	3 (14 %)
Иное (воспитатель детского сада)	1 (4,8 %)

об этих работах указаны по автору, имеющему более высокую квалификацию.

Абсолютное большинство работ, которые были проанализированы, написаны не студентами и даже не аспирантами, а преподавателями, в основном с научными степенями. На работы многих из них ориентируются учащиеся, которые усваивают негативные модели речевого поведения, поскольку вполне добросовестно

могут следовать примерам учителей. Это один из результатов речевой небрежности / распушенности / безграмотности авторов. А другим результатом становится квалификационная рекламация в глазах научной общественности и студентов, ведущая к формированию неуважения к преподавателям, снижению мотивации к обучению и научно-исследовательской работе.

Всё это является следствием необдуманного исключения из образовательного пространства дисциплин, которые актуализируют в сознании учащихся проблемы, связанные с владением родным языком, формируют активное языковое сознание, вырабатывают конструктивную позицию в отношении существующих в современной речевой практике негативных тенденций и развивают осознанный подход к языковой самореализации.

Полученные в результате исследования данные позволяют прийти к выводу, что повышение уровня речевой культуры всех участников образовательного процесса в высшей школе является насущной проблемой, уход от решения которой усугубляет сложившуюся ситуацию. Преодоление противоречия между требованиями общества к уровню речевой культуры выпускников высших учебных заведений и его фактическим состоянием возможно при условии, что формирование перечисленных в стандартах речевых компетенций студентов будет возложено на профессиональных филологов, а не на преподавателей нефилологических дисциплин; русскому языку и культуре речи будет возвращен статус базовой учебной дисциплины; будет осознана необходимость повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений в части владения речевой культурой, а цель формирования речевой культуры студентов получит статус интегративной межпредметной цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хомяков А.С.** Полное собрание сочинений. В 8 т. Изд. 3-е. Т. 1. М.: Университетская тип., 1900. 408 с.
2. **Колин К.К.** О концепции модернизации российского образования // *Alma mater*. 2002. № 12. С. 15–18.
3. **Отчет** о состоянии и деятельности Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства за 1903/04 учеб. г. СПб., 1905. 140 с.
4. **Положение** о Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1880. 34 с.
5. **Военно-юридическая академия.** 1866–1891 гг. Краткий исторический очерк / сост. В. Кузьмин-Караваев. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. 93 с.
6. **Бондаренко М.А.** Речевая культура в зеркале итогового сочинения // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 11-2. С. 26–29.

БОНДАРЕНКО Марина Анатольевна – кандидат педагогических наук, профессор Академии труда и социальных отношений.

Россия, 119454, Москва, ул. Лобачевского, 90

e-mail: marbondina@mail.ru

M.A. Bondarenko

SPEECH DISCIPLINES IN THE SYSTEM OF STUDENTS' HUMANITARIAN EDUCATION

The article considers the topical problem – formation of students' speech culture. The topicality of this problem is connected with the fact that speech disciplines are excluded from the curriculum of most universities. The author analyzes scientific publications and identifies mistakes. An objective method of analysis is used and violation of standard Russian is found. Abstracts of scientific articles constitute the most numerous cluster. It is studied in detail to find violation of lexical compatibility. Method of continuous sampling was used to collect factual material. Statistical analysis was used for the results processing. The violation of lexical compatibility was found in 21 out of 100 summaries. Presented in the summary is the data that defines the sphere of science and reflects the qualification of the authors who have committed these mistakes. The articles on economic sciences are most numerous and constitute 28.6 %. Over 30 % of the authors who violated lexical collocation rules are the doctors of sciences; about 40 % are candidates of sciences (Ph.D.). The list of other typical mistakes is accompanied by the examples from various scientific genres. The findings were compared with the results of analysis of school graduates' speech competencies. The author concludes that the level of proficiency in Russian is almost unchanged even after university and post-graduate education. The article draws attention to the problem of speech culture of all those involved in the educational process. Contents of this article can be used for training students and postgraduates.

HUMANITIES; EDUCATION STANDARDS; DISCIPLINES; SPEECH CULTURE; SCIENTIFIC TEXT; LANGUAGE SELF-REALIZATION; NORMATIVE RUSSIAN LANGUAGE; LEXICAL COMPATIBILITY.

REFERENCES

1. Khomyakov A.S. [Complete works]. In 8 vol. Of vol. 1. Moscow, University Publ., 1900. 408 p. (In Russ.)
2. Kolin K.K. [About the Concept of Russian Education Modernization]. *Alma mater*, 2002, no. 12, pp. 15–18. (In Russ.)
3. *Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Novo-Aleksandriyskogo instituta sel'skogo khozyaystva i lesovodstva za 1903/04 uchebnyy god* [The report on the status and activities of Novo-Alexandria Institute Agriculture and Forestry for the 1903/04 academic year]. St. Petersburg, 1905. 140 p. (In Russ.)
4. *Polozheniye o Nikolayevskoy akademii General'nogo shtaba* [Regulations on Nicholas General Staff Academy]. St. Petersburg, A.M. Kotomin Publ., 1880. 34 p. (In Russ.)
5. *Voyenno-yuridicheskaya akademiya. 1866–1891 gg. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Military Law Academy. 1866–1891 years. A Brief Historical Overview]. St. Petersburg, V.S. Balashev Publ., 1891. 93 p. (In Russ.)
6. Bondarenko M.A. [Speech Culture in the Mirror of Final Composition]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2015, no. 11-2, pp. 26–29. (In Russ.)



BONDARENKO Marina A. – *Academy of Labor and Social Relations.*

Ul. Lobachevskogo, 90, Moscow, 119454, Russia

e-mail: marbondina@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.255.17

УДК 378.046.4

П.В. Сысоев

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО СЕТЕВОЙ ФОРМЕ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена обсуждению дискуссионных аспектов разработки и реализации сетевых образовательных программ в России. Под сетевой образовательной программой понимается модель организации образовательного процесса, которая позволяет привлекать ресурсы разных организаций для освоения слушателями образовательной программы. Обозначена актуальность внедрения сетевых образовательных программ. Рассмотрены их преимущества. Определены и аргументированы дискуссионные вопросы, связанные с реализацией сетевых образовательных программ на современном этапе. К таким вопросам автор относит: распределение обязанностей между вузами-партнерами; университет-рекрут vs выпускающий университет; современные сетевые университеты; сопряжение учебных планов; низкий уровень подготовки студентов в регионах; требование резиденции и финансовый аспект. Материалы статьи могут быть использованы при разработке сетевых образовательных программ.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ; СЕТЕВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА; СЕТЕВОЕ ОБУЧЕНИЕ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

В последней редакции закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. [1] дистанционная форма обучения, которая де-факто существовала и функционировала в России уже несколько лет, получила официальный статус. Это дало стимул к интенсивной разработке и внедрению сетевых образовательных программ. Такие программы реализуются одновременно несколькими организациями, что позволяет обучающимся использовать значительно больше ресурсов для формирования профессиональных компетенций и, как результат, способствует повышению качества образования. Однако, несмотря на очевидные преимущества, реализация сетевых образовательных программ поднимает ряд спорных дискуссионных вопросов, которые во многом определяют «быть или не быть» сетевой программе. Рассмотрим наиболее актуальные из таких вопросов.

Согласно закону «Об образовании в РФ», сетевая форма реализации образовательной программы – это методическая система организации образовательного процесса, которая позволяет привлекать ресурсы разных организаций для освоения слушателями образовательной программы. Законом не ограничивается перечень и ведомственная принадлежность

организаций, принимающих участие в реализации сетевой образовательной программы. Таковыми организациями могут выступать учреждения высшего образования, научно-исследовательские центры, организации социально-культурного, медицинского, физкультурно-спортивного и любого другого профиля.

Следует заметить, что сама идея привлечения ресурсов другой организации для реализации образовательной программы не нова. На протяжении десятилетий студенты разных направлений подготовки (медики, педагоги, юристы, экономисты и т. п.) всегда проходили производственную практику во внешних профильных заведениях согласно специализации. В настоящее время такие отношения между учреждением высшего образования и другой организацией могут быть формально узаконены на более высоком уровне и получить новый статус: «сетевая образовательная программа». Для этого необходимо всем организациям – участникам образовательного процесса заключить договор на совместную реализацию образовательной программы. Договор должен содержать следующие сведения:

«1) вид, уровень и (или) направленность образовательной программы (часть образова-



тельной программы определенных уровня, вида и направленности), реализуемой с использованием сетевой формы;

2) статус обучающихся в организациях; правила приема на обучение по образовательной программе, реализуемой с использованием сетевой формы; порядок организации академической мобильности обучающихся (для обучающихся по основным профессиональным образовательным программам), осваивающих образовательную программу, реализуемую с использованием сетевой формы;

3) условия и порядок осуществления образовательной деятельности по образовательной программе, реализуемой посредством сетевой формы, в том числе распределение обязанностей между организациями, порядок реализации образовательной программы, характер и объем ресурсов, используемых каждой организацией, реализующей образовательные программы на основе сетевой формы;

4) выдаваемые документ или документы об образовании и (или) о квалификации, документ или документы об обучении, а также сведения об организациях, осуществляющих образовательную деятельность и выдающих указанные документы;

5) срок действия договора, порядок его изменения и прекращения» [2].

Для реализации сетевой образовательной программы организациями-участницами совместно разрабатывается учебный план программы. Сетевая форма реализации образовательных программ, официальное появление которой ждали и образовательные учреждения, и сами обучающиеся, имеет ряд преимуществ. *Во-первых*, она направлена на повышение качества предоставляемых образовательных услуг и конкурентноспособности выпускников. Безусловно, привлечение к образовательному процессу ресурсов не одной, а двух или нескольких организаций значительно расширяет спектр возможностей дидактического плана. У обучающихся появится дополнительный доступ к современным образовательным технологиям и средствам обучения, которыми располагают организации — участницы образовательного процесса; слушателям может быть предложен более широкий спектр профилей подготовки и специализаций, возможность углубленного изучения дисциплин и модулей.

Во-вторых, сетевая форма обучения при создании межвузовских образовательных программ позволит большему числу желающих получить образование. Особенно актуальна данная проблема при подготовке квалифицированных кадров в регионах страны, где высшие учебные заведения не в состоянии самостоятельно предложить широкую палитру востребованных и необходимых для региона направлений подготовки.

Безусловно, всё это ведет к более эффективному формированию и совершенствованию профессиональных компетенций студентов, подготовке высококвалифицированных специалистов, которые будут востребованы на современном российском и международном рынке труда.

Вместе с тем практика разработки и реализации сетевых образовательных программ поднимает ряд спорных вопросов, которые, наряду с очевидными достоинствами, констатируют дискуссионные или негативные аспекты данной формы обучения. Особенно это касается вариантов, когда одна образовательная программа реализуется несколькими *образовательными учреждениями*. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Университет-рекрут vs выпускающий университет. Для реализации образовательной программы в сетевое взаимодействие могут вступить два и более образовательных учреждения. При этом создавать сетевую образовательную программу будут явно не центральные вузы между собой. По сложившимся причинам у центральных вузов страны (национально-исследовательских, федеральных университетов, а также крупных вузов мегаполисов) нет таких сложностей в разработке и реализации образовательной программы, какие есть у менее крупных региональных университетов. При реализации сетевой образовательной программы между крупным столичным и региональным университетом, безусловно, последний будет заниматься рекрутингом абитуриентов в регионе. Ведь именно региональный вуз будет заинтересован в первую очередь в такой программе, так как самостоятельно реализовать ее не сможет. В современной действительности такое распределение ролей между двумя вузами — это единственная возможность для регионального университета сохранить образовательную про-

грамму и продолжать заниматься подготовкой кадров для региона и в регионе. Для многих жителей регионов России наличие необходимой образовательной программы в своем городе — единственная возможность получить образование. Кроме того, последнее десятилетие в России наблюдается проявление второй негативной стороны академической мобильности. Уехав из регионального центра на обучение в столичный вуз и получив затем степень бакалавра или магистра, молодые люди в большинстве случаев не стремятся вернуться обратно в регион. Многие из них хотят продолжить трудовую деятельность, завести семью и жить именно в том месте, где они учились в университете и где прошли первые годы их самостоятельной жизни по окончании средней школы. Возникает логичный вопрос: если все квалифицированные и образованные специалисты уедут из регионов, кто же там останется, кто будет развивать региональную экономику? В этой связи сетевые образовательные программы по не имевшимся до этого, но востребованным в регионе направлениям подготовки — это реальная возможность жителям регионов получить достойное образование.

По завершении образовательной программы слушатели должны получить диплом. По всей видимости, это будет диплом центрального вуза, который, вступая в сетевую программу, продвигает и позиционирует свой бренд. Слушатели также будут заинтересованы в получении диплома именно центрального, а не регионального университета. По объективным причинам имя регионального вуза будет постепенно нивелироваться, он начнет уступать рынок образовательных услуг гиганту.

Современные сетевые университеты. Уже на протяжении десятка лет в СМИ достаточно часто говорится про сетевые университеты. У многих на слуху сетевые университеты Содружества Независимых Государств (СНГ), стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС, которые объединяют ведущие вузы России и других государств-участников. Студенты центральных вузов РФ, входящих в международные сетевые университеты, могут пройти предлагаемые образовательные программы в вузах-партнерах. С одной стороны, это уникальная возможность получить международное образование, одновременно обучаясь

в отечественном вузе. С другой стороны, сетевые университеты — это не что иное, как элитарные клубы университетов, в которые входят Высшая школа экономики, Московский государственный институт международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и некоторые другие центральные вузы страны. Это российские вузы, которые и сами предоставляют студентам качественное и конкурентоспособное образование международного уровня. Доступ же к программам сетевых университетов студентам из других университетов, не членов элитарного клуба, невозможен. В этой связи заинтересованность центрального вуза, который входит в сетевые университеты СНГ, ШОС или БРИКС, в создании и реализации сетевой образовательной программы совместно с региональным вузом, скорее всего, будет минимальной. В качестве исключения совместные образовательные программы между вузами могут разрабатываться по приоритетным направлениям при государственной поддержке, а также на основе научных контактов преподавателей вузов.

Сопряжение учебных планов. Многие практики считают, что одним из самых сложных аспектов разработки сетевой образовательной программы является сопряжение учебных планов или разработка одного общего учебного плана с распределением соотношений по трудоемкости и дисциплинам, которые будут предлагаться слушателям обоими вузами. В идеале, например, сетевая двухлетняя магистерская программа, предлагаемая двумя вузами, включает 50 % курсов, предлагаемых одним университетом, и 50 % — другим. При разработке сетевой программы бакалавриата и магистратуры такое соотношение может быть и другим за счет квалификационной работы. Такие детали обсуждаются и согласовываются к моменту заключения договора на реализацию сетевой образовательной программы.

Низкий уровень подготовки студентов в регионах. По сложившимся объективным причинам, когда ЕГЭ открыл двери столичных и центральных вузов тысячам выпускников средних общеобразовательных школ страны, региональные вузы стали выбирать лишь абитуриенты со значительно низкими баллами ЕГЭ. Всё это,



безусловно, отражается на уровне подготовки студентов и формировании их компетенций в вузе. Несмотря даже на наличие федерального компонента учебного плана, задача которого сводится к универсализации содержания образования по одному и тому же направлению подготовки в различных вузах страны, разный исходный уровень абитуриентов приводит к тому, что уровень подготовки выпускников в региональных вузах ниже, чем в центральных университетах. В этой связи не все студенты, зачислившиеся на сетевую программу и прошедшие часть срока обучения в региональном вузе, смогут продолжить обучение в вузе-партнере, где уже не будет личностного фактора преподавателя и «родных стен».

Требования резиденции и финансовый аспект.

Сетевая образовательная программа предполагает, что часть времени студенты должны проучиться в одном вузе, а остальную часть – в другом. Вузы-партнеры будут сами договариваться

насчет минимальных требований резиденции. Чаще всего при реализации магистерской сетевой программы это 50 и 50 % (1 и 1 год). При реализации сетевой программы бакалавриата это 3 года в региональном вузе, 1 год в центральном и защита квалификационной работы в центральном вузе. Данные цифры могут меняться в зависимости от договоренности сторон и от требований минимальной резиденции центрального вуза. В любом случае студенты должны заранее представлять себе финансовую сторону обучения и резиденции в вузе-партнере. Многие студенты по финансовым соображениям не смогут обучаться по сетевой программе.

Можно обозначить и другие вопросы, связанные с разработкой и реализацией сетевых образовательных программ. Мы рассмотрели лишь некоторые спорные аспекты реализации сетевых образовательных программ, актуальность внедрения и преимущества таких программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Об образовании** в Российской Федерации: федер. закон РФ № 273-ФЗ от 29.12.2012. URL: <http://base.garant.ru/70291362/>.

2. **Сысоев П.В.** Перспективы и проблемы реализации сетевых образовательных программ // Язык и культура. 2015. № 3. С. 116–125.

СЫСОЕВ Павел Викторович — доктор педагогических наук, заведующий лабораторией, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

Россия, 392000, Тамбов, Интернациональная, 33
e-mail: psysoyev@yandex.ru

P.V. Sysoyev

CONTROVERSIAL ISSUES IN IMPLEMENTATION OF THE NETWORK EDUCATION PROGRAMS

The paper addresses controversial aspects of the implementation of the network educational programs. Under network educational program the author means the model for organization of the educational process,

which allows students to use resources of various organizations enrolled. In the paper the author defines the importance of network educational programs; discusses advantages of network educational programs in the modern Russia; discusses controversial issues of application of network educational programs. To the controversial issues the author refers the following: roles of partner-universities in education; recruiting university vs graduating university; modern network universities; curricula adjustment; low level of regional students' proficiency; residence requirement and financial aspect. The results of the study can be used in the development of network educational programs.

INFORMATIZATION OF EDUCATION; NETWORK EDUCATIONAL PROGRAM; NETWORK EDUCATION; HIGHER EDUCATION.

REFERENCES

1. Federalnyy zakon RF "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" № 273-FZ ot 29.12.2012 [Federal law on Education in the Russian Federation № 273-FZ from 29.12.2012]. Available at: <http://base.garant.ru/70291362/>.
2. Sysoyev P.V. [Perspectives and problems from implementation of network educational programs]. *Language and Culture*, 2015, no. 3, pp. 116–125. (In Russ.)

SYSOYEV Pavel V. – *Derzhavin Tambov State University.*

Internatsional'naya ul., 33, Tambov, 392000, Russia

e-mail: psysoyev@yandex.ru



DOI 10.5862/JHSS.255.18

УДК 378.4:811.111:159.9

Т.Е. Землинская, Н.Г. Ферсман

МЕТОДИКИ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

В статье рассмотрен вопрос об эффективности методик обучения в контексте возникшего конфликта между современным индивидуальным стилем усвоения информации у студентов (клиповое мышление) и традиционной (линейной) подачей учебной информации. С разных точек зрения трактуется такая форма познания, как мышление в новом социокультурном контексте; анализируется современный, клиповый, вид мышления. В рамках современных инновационных технологий обучения авторы обращаются к вопросам поиска эффективных методик профессионального обучения, позволяющих развивать у студентов с клиповым мышлением навыки анализа и классификации информационного потока.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ; ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ; КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ УСВОЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ; КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ; СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО; ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА.

Клиповое мышление как социально-психологический феномен современного информационного общества стало предметом изучения широкого круга ученых: психологов, лингвистов, философов, социологов, педагогов. Столь пристальное внимание к нему объясняется прежде всего тем, что изменились способы получения, переработки, хранения и использования информации/знаний. Современная информационно-коммуникативная среда характеризуется, с одной стороны, постоянным возникновением в ней абсолютно новых феноменов (СМС-общение, блоги, различные социальные сети и др.), позволяющих сегодня практически каждому отправителю информации вступать в коммуникацию одновременно как с одним, так и со многими получателями, с другой – очень быстрым и легким доступом к огромным массивам информации.

Возникновение новых, прежде всего аудиовизуальных, средств передачи информации, скорость ее поступления, необходимость переработки большого объема информации привели к изменению механизма ее восприятия: на смену линейному чтению пришло чтение непоследовательное, фрагментарное. Изменение же механизма чтения, в свою очередь, приводит к

изменению когнитивных структур личности – восприятия, категоризации, анализа получаемой информации. С изменением когнитивного стиля усвоения информации и связывают появление нового, клипового, типа мышления (ср.: понятийное мышление).

Появлению поколения людей с клиповым мышлением способствует не только бурное развитие IT-технологий, но и современная система школьного образования. По мнению Р.М. Грановской, школа, провозглашая принцип линейной подачи информации, на деле ориентируется на фрагментарное усвоение материала, без развития у учеников навыков анализа получаемой информации, выстраивания связей между разделами того или иного предмета [1]. Согласно результатам многих исследований, для современных российских школьников характерен низкий уровень таких навыков, как упорядочение собственных познавательных процессов, определение их направленности, выбор соответствующих письменных источников, работа с ними. Выпускники средних общеобразовательных учреждений, как правило, плохо подготовлены к решению типичных задач, связанных с оперированием письменной информацией: не владеют навыками поис-

ка нужных текстов, их отбора и организации в соответствии с определенной темой, их адекватного прочтения и интерпретации, устной и письменной репрезентации прочитанного [2]. В дальнейшем, во время учебы в вузе, наблюдается конфликт между индивидуальным когнитивным стилем усвоения студентом информации (клиповым) и традиционной, линейной, подачей информации, преимущественно лекционной. Всё вышесказанное может привести к снижению качества образования, в то время как современный рынок наукоемких технологий выдвигает повышенные требования к уровню общей образованности людей и качеству их профессиональной подготовки [3].

Таким образом, предметом нашего исследования стал вопрос о поиске принципиально новых, эффективных методик и технологий преподавания в высшей школе в контексте клипового мышления современного студента. В этой связи необходимо рассмотреть ключевые, с нашей точки зрения, понятия исследования: «мышление», «клиповое мышление», «инновационные педагогические технологии».

Как отмечают многие исследователи, проблематика мышления как особого предмета исследования имеет большое значение в определении фундаментальных законов интеллектуальной деятельности человека в новых социокультурных условиях [См., например: 4]. В современной науке такая форма познания, как мышление, трактуется с различных точек зрения: это и «познавательный психический процесс, завершающий обработку информации, получаемой из внешнего мира» (курсив наш. – Т. З., Н. Ф.) [5, с. 317], и «процесс сознательного отражения действительности в таких ее свойствах, связях и отношениях, в которые включаются и недоступные непосредственно чувственному восприятию объекты» (курсив наш. – Т. З., Н. Ф.) [6].

Суть механизма процесса мышления как общего закона всякого познания состоит в том, что человек вначале ухватывает суть в общей форме на феноменологическом уровне и, если полученный результат представляется ему значимым, переходит к этапу его дальнейшей конкретизации, уже по другим критериям [7]. С точки зрения А.А. Леонтьева, человеческое мышление представляет собой психическую активность, направленную на удовлетворение

познавательной потребности, и начинается с проблемной ситуации, когда человеку надо понять, что происходит, и принять определенное решение [8].

Понимание природы мышления невозможно без рассмотрения закономерностей работы различных компонентов мыслительной способности человека и способов переработки им информации [9]. Как отмечает Р.М. Грановская, элементами, которыми оперирует мышление, являются образы, представления, понятия, суждения и умозаключения; основными мыслительными операциями становятся *анализ – синтез, выявление сходства – различия, обобщение – классификация, абстрагирование – конкретизация*, помогающие человеку продуктивно решать возникающие перед ним задачи [10].

В самых общих чертах механизм клипового мышления заключается во фрагментарном восприятии окружающего мира, которое позволяет перерабатывать огромное количество информации без ее критического осмысления. Владелец клипового мышления воспринимает мир как череду практически не связанных между собой событий и фактов, не анализируя их и не стремясь к получению целостной картины, при этом обладая высокой скоростью переключения с одного фрагмента на другой, с одной задачи на другую. Человек с клиповым мышлением усваивает информацию в виде образов, образцов, клипов (от *англ. clip* – вырезка, например из документа, газеты или журнала, фрагмент) без учета связей между ними, сосредоточиваясь главным образом на переработке получаемой информации.

Неизбежность появления человека с клиповым мышлением предсказали в своих работах канадский теоретик коммуникации М. Маклюэн и американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества Э. Тоффлер. Рассуждая о средствах коммуникации и их влиянии на человека, Маклюэн отмечал, что развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестает быть базой культуры [11]. Тоффлер в своем знаменитом труде «Шок будущего» (“Future Shock”, 1970) писал о том, что ускорение изменений в современном обществе требует от человека непрерывного разрыва мыслительных свя-



зей, отражающих положение вещей в реальном мире. Информация приобретает имидж-содержащий, спроектированный характер — «мы создаем и используем идеи и образы всё быстрее и быстрее, и знания, как люди, места, предметы и организационные формы, приобретают всё менее устойчивый характер» [12, с. 186].

Исследователь К.Г. Фрумкин выделил пять ключевых факторов, способствовавших появлению мышления нового типа. Первый фактор — ускорение темпов жизни и, как следствие, возрастание объемов информационного потока. Всё это повлекло за собой проблематику концентрации и сокращения информации, фильтрации информационного «мусора» и выделения главного в информационном сообщении.

Второй фактор — увеличение требовательности к актуальности информации, скорости ее поступления. «Сама по себе актуальность неплоха, но она сокращает время на обобщение поступающей информации, на актуализацию в тексте причинно-следственных цепочек, в которые вписывается новость. Актуальный текст просто не успевает стать длинным и включить в себя интерпретационную часть» [13, с. 32].

Третий фактор — увеличение разнообразия поступающей информации.

Четвертый фактор — увеличение количества дел, которыми человек занимается одновременно. Еще несколько лет назад занятие какой-либо одной деятельностью занимало всё время человека и требовало от него полного погружения и самоотдачи. Сегодня, по мнению К.Г. Фрумкина, произошла подмена сути понятий: вместо «занятия», «дела» появилось понятие «проект». Важно, что, с одной стороны, проект имеет ограничение по времени и по истечении срока его исполнения может быть заменен другим, а с другой стороны, выполнение проекта не монополизирует время и внимание человека. Выполнение различных по содержанию проектов вынуждает человека пользоваться различными информационными потоками.

Пятый фактор — фактор роста диалогичности на разных уровнях социальной системы. Как отмечает К.Г. Фрумкин, линейный текст представляет собой монолог автора, тогда как реплики собеседника разбивают его на фрагменты. Таким образом, по мнению исследователя, к основным характеристикам клипового мышления относятся:

- высокая фрагментарность информационного потока;
- высокое разнообразие и разнородность поступающей информации;
- навык быстрого переключения между фрагментами информации.

Американский психолог Л. Розен отмечает, что сильной стороной «носителей» клипового мышления является их возросшая способность к многозадачности. У них высокая скорость переключения с одного фрагмента информации на другой, с одной задачи на другую. Однако платой за многозадачность становятся, по мнению исследователя, рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст [14].

В свете вышесказанного перед преподавателями высшей школы остро стоит вопрос о поиске инновационных технологий преподавания в контексте клипового мышления современного студента.

Современная система обучения в вузе характеризуется использованием передовых, инновационных педагогических технологий обучения наряду с традиционными. Анализ основных отличий традиционного и инновационного обучения позволяет сделать вывод о том, что «основным смыслом инноваций в образовании является формирование профессиональной школой инновационной способности мышления специалиста» [4, с. 55] (см. таблицу).

Хотелось бы отметить, что поиск инновационных технологий обучения студентов с клиповым мышлением ни в коем случае не направлен на изменение самого типа мышления. Основная цель таких технологий заключается в развитии у студентов мыслительных навыков анализа и синтеза информации, выявления сходства/различия, обобщения и классификации информационного потока.

Принимая во внимание то, что сегодня в вузах традиционно сохраняется лекционная форма подачи материала, обратимся к поиску более эффективных методик проведения лекций и практических занятий в свете нашего исследования.

Лекция-визуализация. В оригинальной классификации средств коммуникации М. Маклюэна лекция относится к так называемым «холодным» средствам с низкой определенностью, поскольку, по мнению исследователя, слуша-

Основные отличия традиционного и инновационного обучения

Традиции	Инновации
В основе – технократическая модель образования	В основе – гуманистическая модель подготовки высококвалифицированных специалистов, осознающих смысл своей деятельности
Квалифицированный подход к профессиональному образованию («знаниевый»)	Компетентностный подход, учитывающий ЗУНы и личностные качества, мотивацию к профессиональной деятельности, степень усвоения культурных и этических норм
Познаваемое декларируется преподавателем	Познаваемое конструируется с участием обучающихся
Основной акцент – на развитии интеллекта и мышления	Основной акцент – на развитии личностно-смысловой сферы обучающихся, на развитии таких интеллектуальных умений, которые в дальнейшем дадут возможность самостоятельного получения новых знаний
Основная дидактическая категория – монолог	Дидактическая категория понимания и взаимопонимания; обучение строится на основе сотрудничества и диалогового общения
Темп обучения и способ предъявления учебного материала всегда фиксированы	Объяснения и требования даются так, как будто перед нами один обучающийся, а не десятки с различными особенностями восприятия, осмысления, запоминания

телю передается очень мало и очень много ему приходится додумывать самому [15]. В этой связи перед преподавателем стоит задача поиска принципиально новых форм проведения лекций, одной из которых является лекция-визуализация. В ходе такой лекции аудиовизуальная информация сопровождается показом различных рисунков, графических схем, клипов, ассоциирующихся у студентов с определенными образами. Такая подача материала компенсирует некую зрелищную скудность учебного процесса. Основной акцент в лекции-визуализации делается на более активном включении в процесс мышления зрительных образов.

Данная методика позволяет увеличить объем передаваемой информации за счет ее систематизации, концентрации и выделения наиболее значимых элементов. Как известно, в восприятии материала трудность вызывает представление абстрактных (не существующих в зримой форме) понятий, процессов, явлений, особенно теоретического характера. Визуализация позволяет в значительной степени преодолеть эту трудность и придать абстрактным понятиям наглядный, конкретный характер. Процесс визуализации лекционного матери-

ала, а также декодирования его слушателями всегда порождает проблемную ситуацию, решение которой связано с анализом, синтезом, обобщением, развертыванием и свертыванием информации, т. е. с операциями активной мыслительной деятельности [16].

Методика коллективного анализа конкретных ситуаций, или кейс-метод (от *англ.* case study). Кейс-метод позволяет практически применить теоретические знания, полученные студентами в процессе изучения конкретной дисциплины. Несомненный *междисциплинарный характер* данного метода дает возможность актуализировать и собрать воедино полученные теоретические знания из смежных предметов. При использовании метода коллективного анализа конкретных ситуаций акцент обучения смещается не только на совместную деятельность по линии «преподаватель – студент», но и на совместную творческую деятельность студентов. Являясь *интерактивным методом*, кейс-метод формирует и развивает навыки и умения студентов работать в команде, аргументированно высказывать свою позицию и одновременно выслушивать и учитывать альтернативную точку зрения. Данный метод носит несомненный *профессионально-при-*



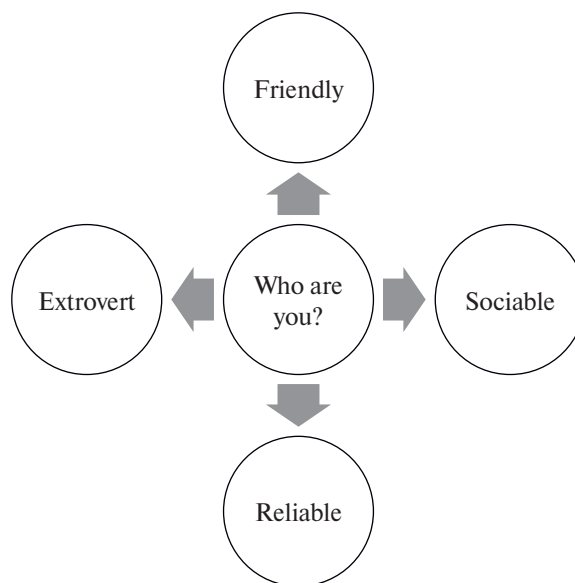
кладной характер, поскольку ставит своей целью не только получение студентами готовых знаний, но и развитие у них навыков практической профессиональной деятельности. Метод коллективного анализа конкретных ситуаций обладает высоким *воспитательным потенциалом*, позволяя сформировать позитивную мотивацию к учебе, способствуя развитию навыков самостоятельной деятельности студентов, их взрослению как специалистов.

Составление кластера. Данная методика обучения заключается в графической организации информации, показывающей смысловые поля того или иного понятия или явления. Составление кластера по иностранному языку показано на рисунке.

Методика шести мыслительных шляп Э. де Боно. Данная методика позволяет полностью отойти от аргументов, чтобы сделать обсуждение более продуктивным. Шесть шляп – это шесть различных точек зрения, разных подходов к рассматриваемой проблеме:

- белая шляпа – это информационная база, она нейтральна, содержит информацию и данные;
- красная – апеллирует к чувствам, интуиции, прозрениям, эмоциям;
- черная – «судья в черной мантии», «предостережение», осторожность и логически обоснованная критика, она обсуждает возможные опасности;
- желтая – рассматривает достоинства, выгоды и ценность идей; предназначена для оптимизма и логически обоснованного позитивного взгляда на жизнь;
- зеленая – шляпа творческого мышления и творческого усилия, открывает новые возможности, выдвигает гипотезы, занимается поиском дополнительных альтернатив;
- синяя – предназначена для управления процессом, думает о программе поиска решения, определяет, каким должен быть следующий шаг в мышлении, просит обобщить, сделать выводы и принять решение; обычно надевается председателем или организатором встречи.

Участники «надевают» шляпы, обозначая тем самым свою позицию в обсуждении; после небольшой подготовки они проводят первый раунд дискуссии. Через 10 мин участники меняются шляпами и соответственно меняют свою линию аргументации. Для остальных слушателей, следящих за дискуссией из внешнего



Составление кластера по иностранному языку

круга, ставится задача наблюдения за воздействием смены шляп, качеством аргументации. Достоинство этого метода – в возможности мгновенно переключать мышление без опасения кого-либо обидеть. Методика инициирует смену перспектив, множественность точек зрения и способов мышления и применяется как каркас для ведения дискуссии [4, с. 122–123].

Информационно-коммуникативная среда вуза позволяет широко использовать в процессе обучения информационные технологии. Главная задача преподавателя при этом сводится к научению студентов фильтровать «информационный мусор». Оформление текста в виде выделения ключевых моментов, подача материала в графическом виде, характерном для фрагментарного/клипового усвоения информации, будут способствовать его запоминанию, что должно учитываться разработчиками электронных учебников.

Таким образом, особенность вузовского образования должна заключаться в формировании и развитии у студентов навыков и умений не просто извлекать и воспринимать необходимую информацию, но и анализировать, критически осмысливать и рационально применять ее в своей профессиональной и повседневной практике.

Исследователи феномена клипового мышления (М. Маклюэн, Э. Тоффлер, К.Г. Фрум-

кин, Р.М. Грановская, Ф. Гиренок, Т. Семеновских, А. Фельдман и др.) отмечают, что данный тип мышления – это адаптация мышления к ускорившемуся темпу обмена информацией, возросшая способность поколений последних лет к многозадачности. По нашему мнению, поиск современных интерактивных

методов и технологий обучения, применение мультимедийных средств, новый, образный, формат подачи материала (в виде клипов, презентаций и т. п.), наряду с традиционными методами, будут способствовать современной динамике познавательной деятельности интернет-поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Грановская Р.М.** Люди с клиповым мышлением элитой не станут. URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/03/28/1382125.html> (дата обращения: 30.06.2016).
2. **Орлова Э.А.** Рекомендации по повышению уровня читательской компетентности в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. М.: МЦБС, 2008. 72 с.
3. **Родионов Д.Г., Ялунер Е.В., Кушнев О.А.** Гонка за лидером: правительственная программа «5-100-2020» // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 6, № 2. С. 69–86.
4. **Ферсман Н.Г.** Формирование и развитие инновационного (творческого) мышления специалистов в системе постдипломного образования (в рамках курса иностранного языка). СПб.: Астерион, 2014. 180 с.
5. **Гуревич П.С.** Психология и педагогика: учебник для вузов. М.: Проект, 2004. 352 с.
6. **Леонтьев А.Н.** Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
7. **Образование взрослых: цели и ценности** / под ред. Г.С. Сухобской, Е.А. Соколовской, Т.В. Шадринной. СПб.: Изд-во ИОВ РАО, 2002. 188 с.
8. **Леонтьев А.А.** Психология общения. М.: Смысл : Академия, 2008. 368 с.
9. **Бескова И.А.** Как возможно творческое мышление? М., 1993. 198 с. URL: <https://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=1120000828&p=0> (дата обращения: 29.06.2016).
10. **Грановская Р.М.** Элементы практической психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 560 с.
11. **Маклюэн М.** Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.
12. **Тоффлер Э.** Шок будущего [пер. с англ.]. М.: АСТ, 2002. 557 с.
13. **Фрумкин К.Г.** Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // INETERNUM. 2010. Т. 1. С. 26–36.
14. **Rosen L.D.** Me, My Space and I: Parenting the Net Generation. Palgrave Macmillan, 2007. 272 p.
15. **Маклюэн М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.
16. **Реутова Е.А.** Применение активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе вуза. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2012. 58 с.

ЗЕМЛИНСКАЯ Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: zem-tat1@yandex.ru

ФЕРСМАН Наталия Геннадиевна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: natdia@list.ru



T.Ye. Zemlinskaya, N.G. Fersman

TEACHING METHODS AND TECHNIQUES IN THE CONTEXT OF TEACHING STUDENTS WITH CLIP THINKING COGNITIVE STYLE

The article deals with the methods of learning due to the changes in thinking (clip thinking) and thus with the individual style of information perception of modern students. Different issues of clip thinking are under consideration. The authors address the matters of the effective innovative methods of learning that will help to develop clip-thinking students' skills of analyses and classification of information.

VOCATIONAL EDUCATION AND TRAINING; TEACHING TECHNIQUES; INNOVATIVE TEACHING TECHNIQUES; COGNITIVE STYLE OF INFORMATION PERCEPTION; CLIP THINKING; MODERN INFORMATION SOCIETY; INFORMATION AND COMMUNICATIVE ENVIRONMENT.

REFERENCES

1. Granovskaya R.M. *Lyudi s klipovym myshleniyem elitoy ne stanut* [People With Clip Thinking Are Not To Be Social Elite]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/03/28/1382125.html> (accessed 30.06.2016).
2. Orlova E.A. *Rekomendatsii po povysheniyu urovnya chitatel'skoy kompetentnosti v ramkakh Natsional'noy programmy podderzhki i razvitiya chteniya* [Recommendations on Improving the Level of Reading Competence in the Frame of the National Programme of Reading Support and Development]. Moscow, MCBS Publ., 2008. 72 p. (In Russ.)
3. Rodionov D.G., Yaluner Ye.V., Kushneva O.A. [Race to the Top: the government programme "5-100-2020"]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 69–86. (In Russ.)
4. Fersman N.G. *Formirovaniye i razvitiye innovatsionnogo (tvorcheskogo) myshleniya spetsialistov v sisteme postdiplomnogo obrazovaniya (v ramkakh kursa inostrannogo yazyka)* [The Formation and Development of Innovative (Creative) Thinking within the System of Post-Grade Studies (by Means of Foreign Language Learning)]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2014. 180 p. (In Russ.)
5. Gurevich P.S. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and Pedagogy: textbook for higher education institutions]. Moscow, Proyekt Publ., 2004. 352 p. (In Russ.)
6. Leontyev A.N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Mind development problems]. Moscow, MSU Publ., 1981. 584 p. (In Russ.)
7. *Obrazovaniye vzroslykh: tseli i tsennosti* [Adult education: Learning Goals and Values]. St. Petersburg, IOV RAE Publ., 2002. 188 p. (In Russ.)
8. Leontyev A.A. *Psikhologiya obshcheniya* [Communication Psychology]. Moscow, Smysl Publ., Academia Publ., 2008. 368 p. (In Russ.)
9. Beskova I.A. *Kak vozmozhno tvorcheskoye myshleniye?* [Is It Possible to Develop Creative Thinking?]. Moscow, 1993. 198 p. Available at: <https://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=1120000828&p=0> (accessed 29.06.2016).
10. Granovskaya R.M. *Elementy prakticheskoy psikhologii* [Elements of practical psychology]. Leningrad, Leningradskiy Univ. Publ., 1988. 560 p. (In Russ.)
11. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvoreniye cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kiev, Nika-Centre Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)
12. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p. (In Russ.)
13. Frumkin K.G. [Global Changes in Thinking and Fate of the Textual Culture]. *INETERNUM*, 2010, vol. 1, pp. 26–36. (In Russ.)
14. Rosen L.D. *Me, My Space and I: Parenting the Net Generation*. Palgrave Macmillan, 2007. 272 p.
15. McLuhan M. *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: the Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskiy, KANON-press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p. (In Russ.)
16. Reutova Ye.A. *Primeneniye aktivnykh i interaktivnykh metodov obucheniya v obrazovatelnom protsesse vuza* [Active and Interactive Training Methods in the Learning Process]. Novosibirsk, Novosibirsk SAU Publ., 2012. 58 p. (In Russ.)

ZEMLINSKAYA Tatyana Ye. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: zem-tat1@yandex.ru

FERSMAN Nataliya G. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: natdia@list.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016



DOI 10.5862/JHSS.255.19

УДК 378+811.111

Н.Ю. Гришина

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

Актуальность темы обусловлена развитием знаний о структуре мозга человека. В последнее десятилетие, благодаря современным технологиям, появилась возможность не только получить подробные сведения о природе и характеристиках когнитивных процессов, происходящих в мозге человека, но и выработать методики для повышения эффективности процессов познания и обучения. Анализ когнитивных стилей студентов гуманитарного и технического профилей, предложенный в статье, позволяет разработать методики успешного обучения иностранному языку с учетом когнитивных характеристик студентов гуманитарного профиля. Инструментом анализа явился индекс когнитивного стиля Дж. Аллинсона и К. Хейза, представляющий собой континуум, в рамках которого можно рассматривать когнитивные категории и их параметры. Предложен ряд упражнений, разработанных с учетом когнитивных стилей студентов гуманитарного профиля.

КОГНИТИВНОСТЬ; КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ; ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ; ИНДЕКС КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ; СТИЛЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ; СТУДЕНТЫ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ.

В эпоху глобализации потребность в изучении иностранного языка (ИЯ) постоянно возрастает. Обучение языковым компетенциям — процесс достаточно сложный, так как основывается на многочисленных когнитивных характеристиках. Несмотря на наличие огромного количества разработанных образовательных технологий, основанных на современных методиках с использованием новейших технологий, необходимость в новых методах обучения ИЯ постоянно возрастает. Целью нашего исследования является систематизация знаний о когнитивных стилях человека и применение их при разработке упражнений для эффективного обучения студентов ИЯ.

Теоретическая база исследования. Когнитивные стили относятся к психологическим характеристикам личности, которые формируются у человека с момента рождения под влиянием семьи, культуры, социальной среды и относятся к способу мышления. С высокой долей вероятности можно утверждать, что собственный когнитивный стиль практически невозможно изменить. Он может меняться лишь частично при затрате больших усилий и времени.

Для оценки когнитивных стилей студентов в качестве инструмента анализа мы используем *индекс когнитивного стиля*, предложенный Дж. Аллинсоном и К. Хейзом [1]. Он основывается на идее континуума, в рамках которого можно рассматривать любую когнитивную категорию. Понятие *когнитивный стиль* определяется как индивидуальный способ получения, обработки и оценки информации [2]. Наряду с распространенным пониманием *стиля* как операционной характеристики способов получения и переработки информации, в когнитивной психологии возникло объяснение стилевого феномена, который рассматривается в контексте влияния на получение информации об окружающей действительности, ее организации и переработки и особенностей интеграции полученных данных в ментальные модели и субъективные оценки, руководящие поведением человека [3].

В зарубежной и отечественной научной литературе встречаются различные описания стилевых параметров. К. Хейз и Дж. Аллинсон выделяют следующие основные конструкторы: полезависимость — полenezависимость, кон-

вергенция – дивергенция, рефлексивность – импульсивность, сериализм – холизм, аналитичность – интуитивность [1]. С. Армстронг выделяет 54 когнитивных измерения, а Ф. Коффилд насчитывает 71 когнитивный стиль, рассматривая различные теоретические модели. При переработке информации и извлечении знаний особенно важны такие когнитивные параметры, как:

- импульсивность – рефлексивность,
- полезависимость – полenezависимость,
- когнитивная эквивалентность,
- ригидность – гибкость познавательного контроля,
- аналитичность – синтетичность.

Полезависимость – полenezависимость. Полenezависимость рассматривается как умение преодолевать видимое поле, структурировать и дифференцировать его, а также расчленять ситуацию и более точно и быстро выделять элементы из общего поля. При ярко выраженной полenezависимости все элементы видимого поля жестко привязаны, а детали трудноотделимы от их пространственного восприятия. Полenezависимыми людьми объект воспринимается вне контекста, в котором он находится. В психологическом смысле этот параметр является показателем имеющихся внутренних познавательных критериев, без ориентации на внешние характеристики. Он указывает также на степень «свободы, с которой человек преодолевает окружающий контекст с целью выявления релевантного элемента» [4].

Если рассматривать категорию «полезависимость – полenezависимость» в рамках теории когнитивного множества, то данное измерение будет анализироваться как мыслительные способности полenezависимости или полenezависимости и как способность индивида к выполнению заданий [Там же].

Рефлексивность – импульсивность. Данный когнитивный параметр определяет тип реагирования и подразумевает наличие у человека стабильной тенденции в ситуации неопределенности обнаруживать либо медленную реакцию при аналитически более подготовленном ответе, либо быструю реакцию при меньшей степени «обследования стимульного поля и, следовательно, большем числе ошибок» [5]. О рефлексивности можно говорить тогда, когда человек склонен к рассудительности, в отли-

чие от импульсивности. При импульсивности решение принимается быстро. Людям с более развитыми рефлексивными особенностями свойственен замедленный темп реагирования при принятии решений на основе тщательного предварительного анализа. Кроме того, такие люди практически всегда стараются уточнить гипотезы с учетом степени их правдоподобия. Импульсивные люди, наоборот, не склонны тщательно обдумывать проблемную ситуацию [6]. Импульсивность характеризуется следующими особенностями:

- при возникновении проблемной ситуации реагирование замедлено;
- анализ качества принятого решения носит обобщенный характер;
- полenezависимость.

Данный стилевой параметр влияет на процесс обучения и его эффективность. При чтении текста на ИЯ полenezависимые студенты испытывают трудности, так как они более эмоционально реагируют на идею, метафору или отдельные слова в тексте. Импульсивные студенты имеют недостаточно зрелый уровень саморегуляции и недостаточную выраженность вербального контроля за своим поведением. Такие студенты гораздо хуже решают проблемные задачи, особенно если в предложенной проблеме нет альтернативных вариантов выбора. При обучении, в условиях высокого контроля, импульсивные студенты лучше справляются с заданиями.

Ригидность – гибкость познавательного контроля. Данный параметр определяет степень жесткости в организации познавательных процессов, которая может проявляться в трудностях, связанных со сменой деятельности. Ригидным студентам также сложно переключаться с одной информации на другую. Такие студенты менее терпеливы в проблемных ситуациях, хотя у них стремление преодолеть эти препятствия сильнее, чем у студентов с гибким познавательным контролем.

Студенты, для которых характерен ригидный познавательный контроль, скорее всего будут переоценивать внешние признаки стимульного поля, в отличие от студентов с гибким контролем, которые более дифференцированно рассматривают внешнюю ситуацию. Анализируя данный параметр, следует принимать во внимание многие социальные, психологические и культурные факторы.



Широкий – узкий диапазон эквивалентности. Этот параметр говорит о различиях в масштабе, используемом субъектом для оценки сходства и различия объектов [7]. Когнитивная эквивалентность характеризует способность человека к различению понятий и разбиению их на классы и подклассы. Подразделение знакомых объектов на большее число групп малого объема характерно для человека с узким диапазоном эквивалентности. При широком диапазоне когнитивной эквивалентности групп образуется меньше, но с большим объемом. Если диапазон узкий, то человек способен провести более тонкую классификацию и сможет выделить большее количество признаков понятий. Некоторые исследователи утверждают, что величина диапазона эквивалентности зависит от гендерной принадлежности.

Аналитичность – синтетичность. Параметр «аналитичность» ориентируется на выявление различий, а «синтетичность» – на выявление сходства в ряду объектов. В большинстве случаев синтетичность способствует проявлению любознательности, оригинальности, способности оперировать обобщенными понятиями. Аналитичность же, наоборот, апеллирует к точности. При развитых аналитических свойствах студенты опираются в основном на явные физические особенности объектов. Синтетики анализируют дополнительные значения и нюансы объектов [8]. Когнитивный стиль, при котором человек ориентируется на различия в процессе восприятия и мышления, оказывается эффективным при технологии обучения, когда учебная информация предъявляется в низком темпе, присутствуют большое количество повторений, малая вариативность учебных заданий, акцент на произвольное запоминание и саморегуляцию функционального состояния [9]. Данный параметр также связан с особенностями понимания текста. При составлении плана текста студенты с развитой синтетичностью склонны использовать более обобщенные понятия. Как правило, синтетики результативнее в этом виде деятельности [Там же].

С данным стилевым параметром коррелируют точность и успешность понимания текста при составлении плана, что позволяет выявить индивидуальные особенности по числу выделенных в тексте смысловых опор [Там же].

Высокая – низкая когнитивная сложность. Дж. Келли выделяет этот когнитивный параметр, который может характеризоваться как мера понятийной дифференциации, многообразия и упорядоченности категорий. Данные категории применяются человеком для классификации объектов внешнего мира и окружения [10].

Таким образом, систематизировав знания о когнитивных стилях, можно сделать вывод, что студенты технических и гуманитарных специальностей имеют определенные когнитивные предпочтения. Одними из наиболее часто наблюдаемых характеристик когнитивного стиля студентов технических специальностей являются аналитичность, полнезависимость, рефлексивность, гибкость познавательного контроля, узкий диапазон эквивалентности, высокая когнитивная сложность, а студентов гуманитарного профиля – синтетичность, полезависимость, импульсивность, ригидность познавательного контроля, широкий диапазон эквивалентности, низкая когнитивная сложность (см. таблицу). Сведения о различиях в когнитивных стилях студентов позволяют разработать эффективные технологии в обучении ИЯ.

Характеристика студентов технического и гуманитарного профилей в соответствии с когнитивными стилями

Когнитивные параметры	Студенты	
	технического профиля	гуманитарного профиля
Полнезависимость	+	
Полезависимость		+
Рефлексивность	+	
Импульсивность		+
Гибкость познавательного контроля	+	
Ригидность познавательного контроля		+
Широкий диапазон эквивалентности		+
Узкий диапазон эквивалентности	+	
Аналитичность	+	
Синтетичность		+
Высокая когнитивная сложность	+	
Низкая когнитивная сложность		+

Следует отметить, что характеристики, свойственные одним стилевым параметрам, могут перетекать в другие; это позволяет соотносить их друг с другом. Кроме того, существует сходство основных стилевых параметров. Рефлексивность, ригидность, абстрактность, толерантность к нереалистическому опыту изменяются в зависимости от возраста и уровня образования. Полезависимость, синтетичность изменить достаточно сложно. Они зависят от таких характеристик, как время, обязательное развитие аналитических навыков, формирование осознанности выполняемых действий.

Методика проведения исследования. Исследование проводилось в осеннем семестре 2015/16 учебного года. В нем участвовали 108 студентов-третьекурсников кафедры «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Когнитивный стиль студентов определялся на основе индекса когнитивного стиля Аллинсона и Хейза. Студентам был предложен ряд упражнений, основанных на знании о когнитивных стилях студентов гуманитарного профиля, для усвоения нового словаря и грамматических конструкций.

Оценка заданий и их выполнения. В соответствии с предпочтениями студентов разных когнитивных стилей нами была разработана методика организации упражнений для студентов гуманитарных специальностей.

Рассматривая связь параметра «полезависимость – полнезависимость» с характеристиками обучения, нужно отметить, что при устойчивых различиях в стилях мышления наблюдаются различия и в учебной деятельности. Полезависимые студенты вовлечены в процесс как пассивные участники: они готовы слушать, но не желают участвовать в аналитической деятельности здесь и сейчас. Эффективность их обучения зависит не от наличия или отсутствия аналитической работы, а от атмосферы в группе и наличия эмоционального контекста. Это особенно заметно у студентов гуманитарного профиля. Внутренняя мотивация помогает в процессе обучения, но не является решающим фактором для усвоения материала на занятии.

Работа с текстом – это один из важнейших аспектов проявления полезависимости или полнезависимости. Полезависимые студенты с трудом выполняют различного рода трансфор-

мации текста, например переструктурирование или реорганизацию. В зависимости от языка предъявления текста и его специализации процесс анализа и переструктурирования информации может проходить медленнее или быстрее. Например, у студентов кафедры «Международные отношения» наблюдается высокий уровень общего понимания текста. При наличии заданий или вопросов умозаключающего типа эффективность резко падает. Если полезависимых студентов попросить рассказать, о чем текст, то в общем и целом они могут это сделать довольно легко. Если же предложить таким студентам найти в тексте слова, подтверждающие их умозаключения, то это задание может занять у них большое количество времени.

Кроме того, задание проанализировать текст и пересказать каждый параграф в одном предложении может оказаться неэффективным для полезависимых студентов, так как на его выполнение они потратят намного больше времени на занятии, чем планировалось. Если же попросить студентов гуманитарного профиля дать общую характеристику текста и определить его метафору, то полезависимые студенты делают это достаточно легко, они могут обосновать основную идею текста, опираясь на ключевые слова. Можно попросить студентов найти в тексте слова, характерные для данной метафоры. После этого запоминание слов становится более эффективным, так как они эмоционально привязаны к тексту. Например, в тексте статьи из учебника по деловому английскому студентами легко обнаруживается метафора «конкуренция – война – борьба», что позволяет им запоминать слова гораздо быстрее и на более длительный период, потому что они связаны с метафорой текста.

У студентов когнитивного профиля достаточно выражен такой параметр, как «синтетичность». Для синтетиков обязательно наличие упражнений на формирование аналитических способностей. Необходимо организовать задания, где информация будет перерабатываться активно. Должно быть не просто пассивное прослушивание материала, а активное вовлечение студентов в переработку полученной информации. Лучше всего усваиваются задания, построенные на аутентичных ситуациях, предполагающих наличие подлинного опыта, полученного непосредственно человеком. Такие ситуации



могут основываться на ситуациях общения на конференции, со сверстниками, с коллегами и т. д. Тогда студенты, делая упражнение, учатся анализировать и действовать в соответствии с предложенной ситуацией. Кроме того, эта ситуативность формирует определенные ассоциации, связанные с данной грамматической или лексической конструкцией и ее выполнением. Например, можно одной группе студентов предложить составить вопросы на отработку определенной грамматической конструкции для учеников 7-го класса, а другой группе – для профессора, специалиста в области физики. Они составляют вопросы, анализируя возраст, специализацию, социальный статус предложенной аудитории и т. д.

Импульсивным студентам необходимо давать задания, носящие более обобщенный характер. Если студенты должны прочитать текст, то лучше, если они сделают это задание дома, подкрепляя чтение упражнениями на общее понимание текста (например, можно попросить студентов написать несколько предложений о том, какое впечатление на них произвел текст, какие слова или идеи вызывают в них эмоциональный отклик). Таким студентам достаточно сложно сосредоточиться на чтении во время занятия, особенно если текст специализированный или объемный. Кроме того, им необходимо видеть прогресс. В связи с этим преподавателю предлагается в конце каждого занятия проводить контроль усвоенного материала. Это формирует положительную эмоциональную составляющую для их последующей работы в классе. Например, в начале каждого занятия со студентами кафедры «Международные отношения» преподавателем ставятся определенные цели и задачи, а в конце занятия обязательно обсуждается выполнение поставленных задач. Контроль выполнения можно проводить как в устной, так и в письменной форме. Для импульсивных студентов эффективным методом обучения является осуществление контроля пройденного на предыдущем занятии. Это позволяет им видеть общую картину содержания изучаемой дисциплины. Для таких студентов представляется эффективным разъяснение о необходимости изучения той или иной темы. Представление о месте и ценности предлагаемой темы в общей картине изучаемой дисциплины формирует

у импульсивных студентов положительную мотивацию.

На основе данных, полученных при изучении данного параметра, можно сделать вывод, что только в некоторых ситуациях обучения можно говорить о функциональных проявлениях определенных когнитивных параметров. Например, если на занятии попросить импульсивных студентов поучаствовать в ролевой игре, в которой необходимо принимать стратегически важные решения в короткий срок, то для большинства таких студентов задание может оказаться полностью неэффективным.

Группе студентов кафедры «Международные отношения» на занятии по теме «Дипломатические переговоры» была предложена ролевая игра, в которой «журналист», одна из предложенных ролей, должен был задать любой вопрос дипломату, например С. Лаврову. Данное задание изначально было воспринято отрицательно, так как импульсивные студенты не готовы принимать стратегически важное решение сразу. Они могут представить ситуацию, но эмоционально не готовы работать с ней здесь и сейчас. В течение нескольких минут студенты пытались осознать предлагаемое задание, что снизило эффективность его выполнения. Они готовы были работать только индивидуально. В другой группе студентам было предложено поработать в группах из нескольких человек. Задание было переформулировано, т. е. предъявлялось в виде не обобщенной ситуации, а конкретного вопроса. В задании не требовалось разделение по ролям. Студентам предлагалось ответить на вопрос: «Какой вопрос Вы задали бы Сергею Лаврову при встрече?». Задание было выполнено в достаточно короткий срок.

Студенты с широким диапазоном эквивалентности быстро и с удовольствием рисуют когнитивные карты, в отличие от студентов с узкой эквивалентностью, для которых они неэффективны. Кроме того, данный параметр коррелирует с большей оригинальностью рассказов и обобщенностью их воспроизведения.

Таким образом, студентам с широким диапазоном эквивалентности рекомендуется больше писать эссе на широкие темы. Если требуется детально обсудить рассказ, то задание на аналитическое чтение лучше давать им на дом и попросить сначала сделать обобщенный пересказ. Если преподаватель хочет обратить вни-

мание таких студентов на новые слова и обсудить их, то желательно делать это только после обобщенного пересказа. Пересказывать студенты могут поочередно. Студентам, у которых преобладает синтетичность, можно предложить попробовать догадаться о значении незнакомого слова по контексту, можно попросить их объяснить, на каком основании они пришли к данному выводу.

В процессе обучения необходимо учитывать когнитивные стили студентов технического и гуманитарного профилей. Не стоит забывать, что эти стили могут изменяться в силу разных причин. Преподаватель должен учитывать особенности студентов различных профи-

лей обучения и планировать процесс обучения с учетом их когнитивных стилей. Развивая тот или иной когнитивный параметр, нужно понимать, каким образом следует это делать. Кроме того, необходимо учитывать, что есть и другие переменные (привыкание, волнение при выполнении тестовых заданий, посещаемость и т. д.), которые в значительной степени влияют на эффективность обучения. Основной задачей преподавателя является оказание помощи студентам в адаптации к специфике предъявляемого материала на ИЯ. Кроме того, знание о наличии у студентов гуманитарного профиля того или иного когнитивного параметра поможет сделать занятия по ИЯ более эффективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allinson J., Hayes C. The Cognitive Style Index, a measure of intuition-analysis for organizational research // J. of Management Studies. 1996. No. 33. Pp. 119–135.
2. Gardner R.W. Cognitive styles in categorizing behavior // J. of Personality. 1953. No. 22. Pp. 214–233.
3. Gardner R.W., Holzman P.S., Klein G.S. et al. Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychological Issues. 1959. Vol. 4. Madison, CT: International Universities Press.
4. Гришина Н.Ю. Обучение студентов технических вузов профессиональной иноязычной коммуникации на основе когнитивной технологии: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 197 с.
5. Witkin H.A. Origins of cognitive style // Cognition: Theory, research, promise / C Scheerer (ed.). N. Y.: Harper & Row, 1964. 345 p.
6. Kagan J. Reflection – impulsivity: The generality and dynamics of conce tempo // J. of Abnormal. Psychology. 1966. Vol. 71. Pp. 123–129.
7. Klein G.S., Schlesinger H.J. Where is the perceiver in perceptual theory // J. of Personality. 1949. Vol. 18. Pp. 32–47.
8. Колга В. Когнитивные стили. Таллин: ТПедИ, 1986. 324 с.
9. Holzman P.S., Gardner P.W. Leveling – sharpening and memory organization // J. of Abnorm. and Soc. Psychol. 1960. Vol. 61. No. 2. Pp. 176–180.
10. Kelle G.A. Common-sense psychology and scientific psychology // A Review of Psychology. 1992. Vol. 43. Pp. 1–23.

ГРИШИНА Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: grishinan@list.ru



METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING BASED ON COGNITIVE STYLES OF HUMANITARIAN STUDENTS

The article considers the issues on cognitive styles and tools to analyze humanitarian and engineering students' styles. The author considers Cognitive Style Index of Allinson and Hayes as a tool for analyzing cognitive styles. Cognitive Style Index is the analysis of continuum of different cognitive categories. The research results can help to develop effective technologies in teaching foreign languages for humanitarian and technical students. Moreover, in the article we give the number of exercises based on cognitive styles of humanitarian students. The method of organizing the exercises based on the research may be a helpful tool for the lectures of any foreign language.

COGNITION; COGNITIVE STYLE; ANALYSIS TOOL; COGNITIVE STYLE INDEX; STYLISTIC CHARACTERISTICS; HUMANITARIAN STUDENTS.

REFERENCES

1. Allinson J., Hayes C. The Cognitive Style Index, a measure of intuition-analysis for organizational research. *Journal of Management Studies*, 1996, no. 33, pp. 119–135.
2. Gardner R.W. Cognitive styles in categorizing behavior. *Journal of Personality*, 1953, no. 22, pp. 214–233.
3. Gardner R.W., Holzman P.S., Klein G.S., Linton H.B., Spence D.P. Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive behavior. *Psychological Issues*, 1959, vol. 4. Madison, CT: International Universities Press.
4. Grishina N.Yu. *Obuchenije studentov tekhnicheskikh vuzov professional'noy inoyazychnoy kommunikatsii na osnove kognitivnoy tekhnologii*. Kand. dis. [Teaching polytechnical students the foreign language based on cognitive technologies. Cand. diss.]. St. Petersburg, 2006. 197 p. (In Russ.)
5. Witkin H.A. Origins of cognitive style. *Cognition: Theory, research, promise* / C Scheerer (ed.). New York, Harper & Row, 1964. 345 p.
6. Kagan J. Reflection – impulsivity: The generality and dynamics of conce tempo. *Journal of Abnormal Psychology*, 1966, vol. 71, pp. 123–129.
7. Klein G.S., Schlesinger H.J. Where is the perceiver in perceptual theory. *Journal of Personality*, 1949, vol. 18, pp. 32–47.
8. Kolga V. *Kognitivnyye stili* [Cognitive styles]. Tallin, TPedI Publ., 1986. 324 p. (In Russ.)
9. Holzman P.S., Gardner P.W. Leveling – sharpening and memory organization. *Journal of Abnorm. and Soc. Psychol.*, 1960, vol. 61, no. 2, pp. 176–180.
10. Kelle G.A. Common-sense psychology and scientific psychology. *A Review of Psychology*, 1992, vol. 43, pp. 1–23.

GRISHINA Natalya Yu. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politeknicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: grishinan@list.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.20
УДК 316.3

Ю.О. Обухова, А.Г. Танова

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИНТЕРЕСЫ И ОЖИДАНИЯ (на примере студентов СПбПУ)

Статья написана на основе анализа результатов исследования ожиданий студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого в отношении внеучебной деятельности в вузе. Опрос проводился методом анкетирования, в нем приняли участие 540 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Опросник включал вопросы об отношении учащихся к различного рода внеучебной активности, деятельности профсоюза студентов, об их интересах, ожиданиях, проблемах и потребностях. В ходе исследования использовался подсчет распределения ответов респондентов. В итоге была выявлена слабая включенность учащихся в студенческие организации и внеучебные мероприятия при выдвигании ими высоких требований к организационной деятельности вуза и работе профсоюзной организации студентов, а также отмечена высокая распространенность мнения, что организационной деятельностью в вузе должны заниматься студенты, хотя лишь половина респондентов включены в различные студенческие организации.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ; ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ; ОЖИДАНИЯ И ПОТРЕБНОСТИ СТУДЕНТОВ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; МОТИВАЦИЯ.

Высшее образование в России за последние 10–15 лет претерпело изменения. В частности, возросла доля платных образовательных услуг, предоставляемых вузами. В связи с этим стало актуальным рассматривать студента как клиента, получающего образовательные услуги.

Соответственно растет и количество исследований, направленных на выявление восприятия учащимися вузов предоставляемых им услуг, ожиданий студентов от высших учебных заведений, их потребностей. При этом немаловажной составляющей является внеучебная деятельность студентов, возможность развиваться в разных направлениях, участвовать в конкурсах, мероприятиях, соревнованиях, своевременно узнавать о них и т. д.

Еще не так давно, в начале 2000-х гг., при рассмотрении потребностей студентов не учитывалась их потребность в досуге и общении с соучениками во внеучебное время, речь шла лишь о таких мотивах, как получение диплома, приобретение профессиональных знаний и навыков [1]. Однако с ростом конкуренции на рынке образовательных услуг отношение к

студентам и их потребностям изменилось. Например, в 2009 г. на конференции «Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности» высшее образование обсуждалось как специфическая услуга и ставился вопрос о выявлении ожиданий студентов от высшего образования. Так, О.П. Меркуловой, использовавшей метод репертуарного интервью и биполярных шкал, удалось выяснить, что по шкале «Вуз – место только для учебы студентов – В вузе есть возможности для общения студентов вне учебы, организации их досуга» средняя оценка составляла 2,03 (при вариациях от –3 до +3) [2].

Таким образом, можно заключить, что внеучебная творческая и досуговая деятельность в рамках вуза – один из явных приоритетов для студентов, наряду с повышением разнообразия программ и практико-ориентированных предметов [3], исследовательских стратегий [4] и мн. др. Хотя образовательный потенциал современной молодежи иногда и вызывает вопросы, представляется, что организация досуговой деятельности учащихся в рамках университета



должна косвенно способствовать его повышению, включению студентов в жизнь университетского сообщества и погружению в учебу [5].

Следовательно, для того чтобы студенты высоко оценивали свой вуз, необходимо не только проводить мониторинг качества образования, но и постоянно отслеживать, как организована вузом внеучебная деятельность студентов, чего ожидают от нее учащиеся, насколько реализуются их потребности в творческой, научной и досуговой деятельности. Нужно следить за тем, хорошо ли работают коммуникативные каналы в вузе, т. е. насколько студенты удовлетворены уровнем своей информированности о том, что происходит в университете. Наличие всевозможных творческих, спортивных и научных организаций, коллективов и секций, проведение мероприятий – это лишь первый этап. Важно не только создать возможности для удовлетворения творческих, интеллектуальных и досуговых потребностей студентов, но и оповестить их об этом. Отслеживание направленности коммуникативных потоков, эффективности взаимодействий в организации, наличия средств информирования и уровня удовлетворенности учащихся степенью информированности является важной частью внутреннего мониторинга университета.

По инициативе студенческого профсоюза Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого среди его учащихся было проведено исследование методом очного анкетирования с целью выяснить их отношение к внеучебной деятельности вуза и активности студенческого профсоюза.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

1) выяснить степень информированности студентов о возможностях внеучебной деятельности, предоставляемых Политехническим университетом;

2) выявить каналы получения студентами информации о разнообразных вариантах проведения досуга;

3) определить наиболее значимые проблемы, стоящие перед студентами;

4) узнать, кому студенты отводят роль главного организатора внеучебной деятельности в вузе;

5) выяснить, как, по мнению студентов, администрация университета способствует их участию в общественной жизни и культурно-массовых мероприятиях;

6) выявить уровень участия студентов в научных и культурно-массовых мероприятиях университета и в деятельности студенческих общественных организаций.

Гипотезами исследования выступили следующие предположения:

1. Студенческие общественные организации занимают лидирующую роль в формировании студенческой активности во внеучебное время.

2. Учащиеся в достаточной степени информированы о возможности участия в студенческой жизни во внеучебное время представителями профсоюзной организации студентов и других общественных объединений, а также администрацией вуза и института, кураторами и преподавателями.

3. Студенты во внеучебное время активно участвуют в деятельности различных организаций вуза, они положительно относятся к идее существования студенческих общественных организаций.

Методика. Опрос студентов Политехнического университета проводился в ряде институтов гуманитарной и технической направленности, в частности в институте гуманитарного образования, а также в ИИТУ, ИСИ, ИЭиТС, ИММиТ, ИВТОб и ИФНиТ. Всего было опрошено 540 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Использовался метод анкетного опроса.

Результаты опроса показали следующее:

1. Более половины опрошенных студентов полагают, что они информированы о возможностях внеучебной деятельности в вузе недостаточно, треть учащихся указали, что информированы в полном объеме, 14 % учащихся считают, что они никак не информированы (см. рис. 1).



Рис. 1. Степень информированности учащихся о возможностях проведения досуга

Среди студентов технических специальностей это распределение выглядит соответственно как 47, 40 и 13 %, а среди гуманитарных – соответственно как 27, 15 и 58 %.

2. Информацию о разнообразных вариантах проведения досуга учащиеся получают в первую очередь из общения с другими студентами, а также из объявлений, рекламы, от преподавателей, благодаря личной наблюдательности. Пожаловались на отсутствие источников информации 6 % опрошенных (см. рис. 2).

Таким образом, гипотезы 1 и 2 можно считать неподтвердившимися. Студенты получают информацию о возможности участия в студенческой жизни во внеучебное время не из официальных источников, а друг от друга,

большинство из них не удовлетворены уровнем информированности (хотя анализ доступных информационных источников вуза, таких как сайт университета, сайты ряда институтов, газета «Политехник», рекламные плакаты в корпусах, показывает, что информационное обеспечение внеучебных событий со стороны администрации присутствует).

3. Более трети опрошенных студентов в качестве самой значимой проблемы, стоящей перед ними, выделили материальные трудности, недостаток денежных средств. Такую же высокую значимость имеет проблема недостатка свободного времени (см. рис. 3). Для студентов институтов технической направленности первостепенной проблемой является не-

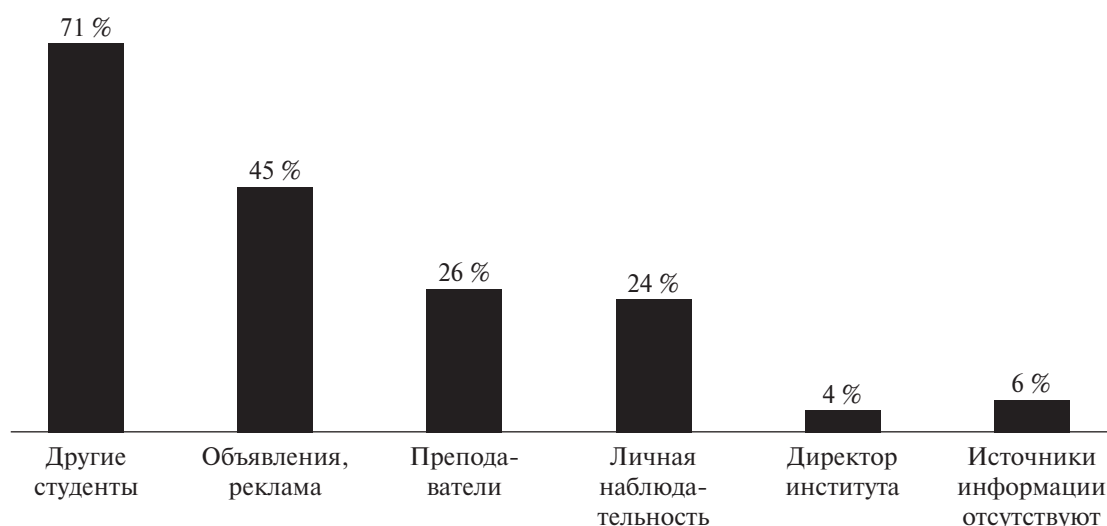


Рис. 2. Источники информации о вариантах проведения досуга



Рис. 3. Наиболее значимые проблемы, с которыми сталкиваются студенты в повседневной жизни

достаток свободного времени: ее назвали 52 % таких учащихся.

Выявленные проблемы студентов, связанные с недостатком свободного времени, могут быть обусловлены тем, что материальные трудности иногда толкают их к участию в трудовой деятельности до окончания вуза. Действительно, недостаток свободного времени и денежных средств представляется объективной и достаточно серьезной проблемой, стоящей перед современными студентами и препятствующей их творческой активности.

4. Более 64 % опрошенных студентов считают, что в вузе необходимы студенческие общественные организации, причем 57 % из них указали, что нужны досуговые организации. Для учащихся важны также организации поддержки (это отметили почти треть опрошенных), правовые, экономические, политические организации. Лишь 6 % респондентов считают, что все необходимые организации в вузе уже существуют (см. рис. 4).

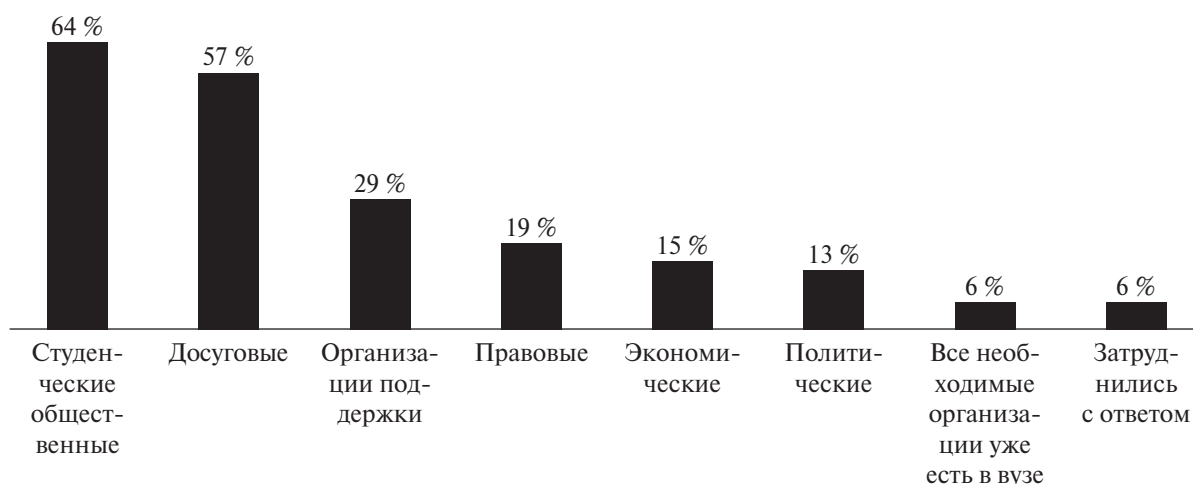


Рис. 4. Организации, необходимые студентам в вузе

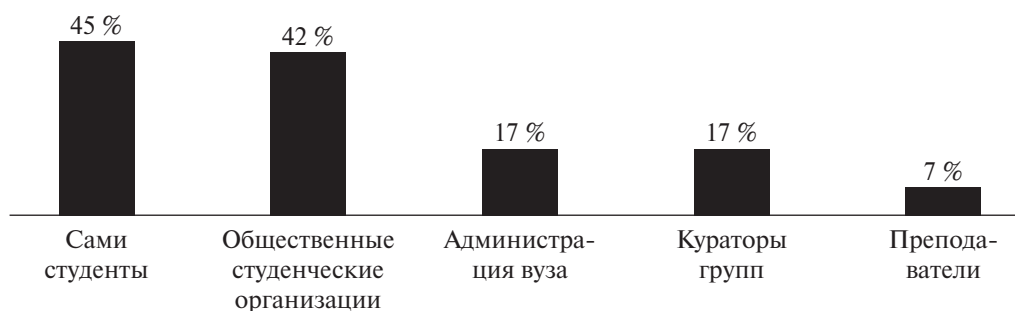


Рис. 5. Кто, по мнению студентов, должен быть главным организатором их внеучебной деятельности

Эти данные отчасти подтверждают третью гипотезу в той части, где мы предполагаем, что студенты позитивно относятся к идее студенческих общественных организаций.

5. В роли главного организатора внеучебной деятельности 45 % опрошенных студентов видят самих себя, 42 % – общественные организации студентов (см. рис. 5). Отметим, что под внеучебной деятельностью подразумевается спортивная, научная, культурная деятельность студентов в рамках университетских мероприятий и организаций, не связанная непосредственно с учебным процессом (т. е. происходящая вне аудиторных занятий и самостоятельной работы по подготовке к лекциям, семинарам, зачетам и экзаменам). Эта деятельность, по сути дела, является досуговой.

Как мы увидим далее, между идеями и их реализацией имеется определенный разрыв. Так, 45 % опрошенных видят себя в качестве организатора внеучебной деятельности и заявляют о необходимости приоритета студенчест-

ва в организации внеучебной активности в вузе, но лишь 53 % участников опроса упоминают хотя бы о своем членстве в той или иной организации (не говоря уже об организаторской или руководящей роли в них), чуть более половины респондентов принимали участие в каком-либо внеучебном мероприятии (и большинство тоже только в роли участника). При этом 47 % опрошенных не состоят ни в одной организации, даже в профсоюзе, а это означает, что почти половина студентов не имеет и, можно предположить, не стремится создать для себя возможности быть организаторами событий и мероприятий в рамках внеучебной деятельности. Членство в каких-либо организациях тоже часто бывает формальным и не имеет отношения к активной организационной деятельности.

Именно поэтому представляется правомерной и заслуживающей дальнейшей проверки гипотеза о том, что существует разрыв между декларированием стремлений студентов и их реализацией. Впрочем, это утверждение носит пока характер именно гипотезы, так как возможно и противоположное объяснение: студенты, указавшие на высокую роль студенчества в организации внеучебной деятельности в вузе (почти половина опрошенных), относятся к наиболее активно участвующим в мероприятиях и имеющим членство в студенческих организациях, но существует разрыв между их позицией и ожиданиями и позицией и ожиданиями тех, кто предпочел бы передать все полномочия и ответственность администрации вуза.

Таким образом, администрация оказывается в сложной ситуации: с одной стороны, речь идет о потребностях студентов, которые необходимо удовлетворять, с другой – потребности учащихся противоречивы (кому-то из студентов хочется больше собственного участия, кто-то считает, что организаторами их внеучебной деятельности должны быть студенческий профсоюз и администрация; учащиеся выдвигают запрос на внеучебную деятельность, но не участвуют в ней; они считают, что студенческие организации необходимы, но не только не создают новые, но и не очень активно участвуют в существующих).

Всё это планируется изучить в ходе дальнейших исследований с применением качественных методов, позволяющих выявить глубинные мотивации студентов.

6. Подавляющее большинство респондентов полагает, что студенческое самоуправление необходимо (58 %), и разделяет точку зрения, что создание совета студенческого самоуправления позволит студентам активно участвовать в жизни вуза (54 %).

7. По вопросу удовлетворенности студентов работой студенческих общественных организаций оценки распределились следующим образом: 1 и 2 балла – по 11 %, 3 балла – 25 %, 4 балла – 30 %, 5 баллов – 23 %.

Из этих данных видно, что безусловно позитивную оценку студенческие общественные организации получили более чем у половины опрошенных. При этом работой студенческих организаций учащиеся удовлетворены в большей степени, чем работой администраций институтов.

8. При оценке того, как администрация института и университета способствует участию студентов в общественной жизни и культурно-массовых мероприятиях, получены следующие результаты: 1 балл – 15 %, 2 балла – 11 %, 3 балла – 26 %, 4 балла – 23 %, 5 баллов – 13 %.

Таким образом, получается, что явно позитивно оценивают действия администрации чуть более трети студентов, а очевидно негативную оценку дают четверть опрошенных. Можно сделать предположение, что у студентов присутствуют очень высокие ожидания относительно культурно-массовой составляющей университетской жизни и они не всегда сбываются. При этом студенты либо затрудняются ответить на прямой вопрос о содействии администрации института и университета их участию в общественной жизни и культурно-массовых мероприятиях (47 %), либо считают, что она этому содействует (36 %).

9. Продолжая тему участия студентов в различных мероприятиях в вузе, следует отметить, что лишь 19 % опрошенных в прошлом и текущем учебном году принимали участие в студенческих научных конференциях и 34 % – в культурно-массовых мероприятиях. Почти половина респондентов не участвовали ни в каких мероприятиях (см. рис. 6).

10. Нельзя сказать, что студенты активно участвуют в деятельности студенческих общественных организаций: лишь треть опрошенных являются членами студенческого профсоюза, 6 % – студенческого клуба. Большинство респондентов (47 %) вообще не принимают

участия в деятельности студенческих организаций (см. рис. 7). Требовательность учащихся к администрации институтов, вуза, студенческих организаций высокая, а их собственная активность низкая.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Студенческие общественные организации играют одну из ведущих ролей в управлении студенческой активностью во внеучебное время. Так, 42 % опрошенных считают, что они должны быть организатором внеучебной деятельности учащихся (при этом 45 % респондентов видят организатором своей внеучебной жизни самих себя) и оценивают деятельность этих организаций на «4» по 5-балльной шкале

(30 %). Подавляющее большинство респондентов (64 %) считают необходимыми студенческие общественные организации. При этом можно отметить невысокую степень вовлеченности опрошенных в различные мероприятия университета: почти половина (47 %) студентов не принимали в них участия, лишь 19 % учащихся были задействованы в научных конференциях, 13 % – в спортивных мероприятиях. Больше всего опрошенных (34 %) принимали участие в культурно-массовых мероприятиях.

2. Данные, полученные в результате исследования, свидетельствуют о недостаточной работе студенческой профсоюзной организации по информированию учащихся о возможностях внеучебной деятельности. Так, 68 % студентов

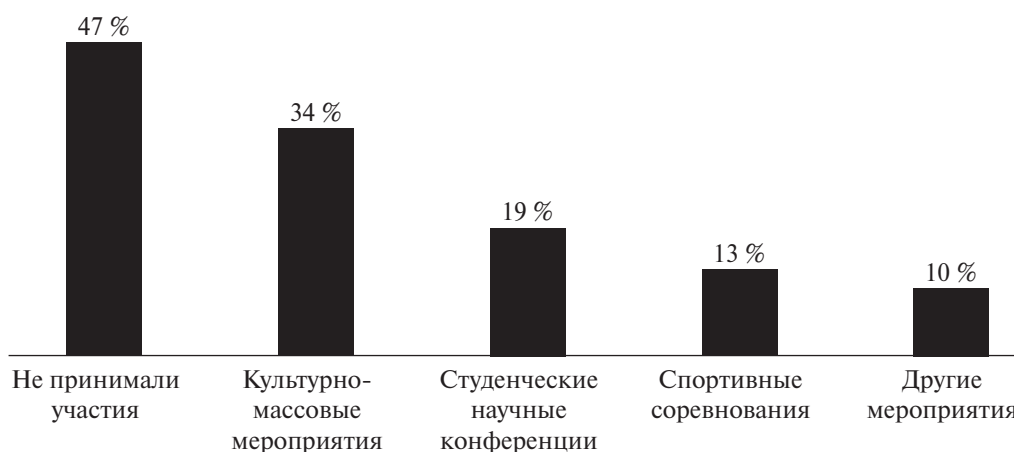


Рис. 6. Активность участия студентов в вузовских мероприятиях

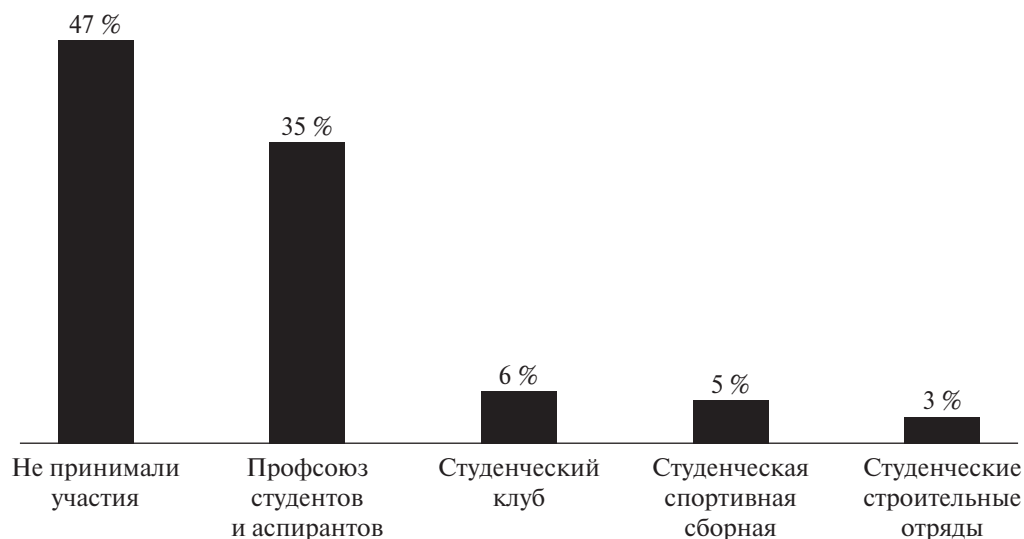


Рис. 7. Активность участия учащихся в деятельности вузовских организаций

указывают на недостаточную степень информированности о возможностях проведения досуга (54 % информированы недостаточно и 14 % никак не информированы). При этом основным источником такой информации являются сами студенты, т. е. информация передается по каналам межличностной коммуникации (71 % опрошенных информацию о внеучебной студенческой жизни получают из общения с друзьями учащимися).

3. В то же время результаты исследования демонстрируют низкую внеучебную активность студентов в сочетании с повышенными требованиями к студенческому профсоюзу, админи-

страции институтов и вуза. Учащиеся не участвуют в деятельности имеющихся студенческих организаций, не занимаются организацией интересных им мероприятий, при этом половина опрошенных считают, что этой организацией должны заниматься официальные подразделения и общественные организации вуза. Однако последний факт приводит нас к выдвижению дополнительных гипотез, которые должны быть проверены в дальнейших исследованиях.

Выводы, сделанные по результатам исследования, проведенного в СПбПУ, могут быть использованы в качестве гипотез для более масштабных исследований студенческой молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зборовский Г., Шуклина Е., Тейгельман Н. Образовательные потребности студентов в малом городе // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 18–29.

2. Меркулова О.П. Высшее образование как услуга: исследование структуры и содержания ожиданий студентов и преподавателей о его качестве // Проф. самосознание и экон. поведение личности. Тр. III Междунар. науч. интернет-конф., март – июнь 2009 г. / отв. ред. М.Ю. Семёнов. Омск: Полиграф. центр КАН, 2009. С. 64–84.

3. Дягилева В.В. Диверсификация образовательных услуг как фактор формирования индиви-

дуальных образовательных потребностей студента вуза // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5. С. 181–182.

4. Васильев И.А. Научно-исследовательская деятельность студентов: диагностика проблем // Мониторинг обществ. мнения: экон. и социальные перемены. 2015. № 6. С. 164–169.

5. Голубев И.А. Образовательный потенциал современной студенческой молодежи // Мониторинг обществ. мнения: экон. и социальные перемены. 2015. № 5. С. 68–73.

ОБУХОВА Юлия Олеговна – кандидат социологических наук, ассистент кафедры социально-политических технологий института гуманитарного образования Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: julie_ob@mail.ru

ТАНОВА Анна Гераклитовна – кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: tanovaann@mail.ru



Yu.O. Obukhova, A.G. Tanova

**STUDENTS' NON-LEARNING ACTIVITIES IN MODERN UNIVERSITY:
INTERESTS AND EXPECTATIONS**

The article is based on results of the SPbPU students' research. The survey was carried out through questionnaires of 540 students at the age of 17–23. The questionnaire included questions about students attitude to different extracurricular activities, to students union and questions about their expectations, problems and needs. Students distribution of answers calculation became the basis of the research. We identify the weak involvement of student in non-learning activities and the fact, that at the same time they nominate their high requirements for the organizational activities of the university and the student union. Also it was find high prevalence of opinion that organizational activities should engage students, despite the fact that only half of the respondents included in the student unions and other student organizations.

SOCIOLOGICAL SURVEY; QUESTIONNAIRE; VALUE ORIENTATION; STUDENTS' NEEDS AND EXPECTATIONS; HIGHER EDUCATION; MOTIVATION.

REFERENCES

1. Zbrovskiy G., Shuklina E., Teytel'man N. [Educational needs of students in small town]. *High education in Russia*, 2004, no. 9, pp. 18–29. (In Russ.)
2. Merkulova O.P. [Higher Education as a Service: a study of the structure and content of the expectations of students and teachers about the quality]. *Trudy III Mezhdunarodnoy nauchnoy internet-konferentsii "Professional'noe samosoznanie i ehkonomicheskoe povedenie lichnosti"* ["Professional consciousness and the economic behavior of personality". Proc. of the III Int. Scientific Internet Conf.]. Omsk, 2009. Pp. 64–68. (In Russ.)
3. Dyagileva V.V. [Diversification of educational services as a factor in the formation of student's individual educational needs]. *The world of science, culture, education*, 2011, no. 5, pp. 181–182. (In Russ.)
4. Vasilyev I.A. [Students' research work: problem recognition]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2015, no. 6, pp. 164–169. (In Russ.)
5. Golubev I.A. [Educational potential of the modern students]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2015, no. 5, pp. 68–73. (In Russ.)

OBUKHOVA Yuliya O. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: julie_ob@mail.ru

TANOVA Anna G. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: tanovaann@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРАТОРА УЧЕБНОЙ ГРУППЫ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

В статье представлено авторское видение деятельности куратора в современных условиях развития высшего образования в медицинском вузе. Дан анализ содержания понятий «куратор» и «кураторская деятельность», рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются кураторы, даны предложения по их преодолению. Особое внимание уделено проблеме воспитания студентов медицинских вузов в свете современных подходов к организации высшего профессионального образования в связи с его модернизацией. Предложены педагогические условия осуществления кураторской деятельности, рассмотрены нормативно-правовое обеспечение работы и функциональные обязанности куратора. Проанализированы содержание и технология деятельности куратора студенческой группы. Разработанная система автоматизации учета и обработки информации предлагается к внедрению в повседневную деятельность преподавателей.

КУРАТОР; ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ; СТУДЕНЧЕСКАЯ ГРУППА.

В последнее десятилетие предпринят ряд шагов по содержательной модернизации профессионального образования, повышению его качества. Прежде всего меняются требования, предъявляемые к личности профессионала. В государственной программе «Развитие образования» (подпрограмма «Развитие профессионального образования»), утвержденной правительством РФ на 2013–2020 гг., отмечаются новые требования к выпускнику вуза, предусматривающие адекватные меры образовательной политики, – формирование компетенций, востребованных в современной социальной жизни и экономике. Это значит, что выпускник, получив ту или иную профессию, должен уметь продемонстрировать не только определенный уровень знаний, умений, владений и их практическую реализацию, но и свою мобильность, активность, самостоятельность, психологическую гибкость, стрессоустойчи-

вость, коммуникабельность, т. е. способность соответствовать постоянно меняющимся социальным условиям [3].

Рассматривая проблему воспитания студентов в медицинском вузе, следует помнить, что понятие личности врача комплексное и многоплановое. Наиболее сложным и важным является становление личностно-профессиональной позиции будущего специалиста, которая характеризует феномен духовности человека, вносящий смысл в многогранное пространство его бытия. Духовность понимается как более высокий уровень развития сознания и самосознания. Культура врача – это стержень его деонтологически и психологически грамотного клинического мышления и поведения, нравственного самосознания [9].

В настоящее время перед медицинским вузом стоит задача не только дать студентам полноценные знания в области медицины, обучить



их постоянному пополнению своих знаний, но и ориентировать учащихся на самосовершенствование в выбранной ими специальности [5].

Парадигма образования меняется. Теперь уже не *человека учат*, а *человек учится*. Логика образования направлена на самостоятельную работу личности, переход ее на новый уровень творческого развития. Формирование парадигмы образования с ориентацией на критерии болонского процесса предъявляет новые требования к качеству образовательной системы, развитию профессиональной компетентности личности. Эффективность процесса преподавания в медицинском вузе определяется не только уровнем компетентности в области медицинских знаний, но и уровнем владения элементами коммуникативной компетенции — одной из общих компетенций, на основе которой строится профессиональная компетентность педагога, обучающего будущего специалиста. Необходимо формировать навыки личностно ориентированных интерактивных проектных форм обучения с учетом нормативной модели требований, отражающих профессиональную компетентность педагога [11].

При подготовке будущих специалистов в медицинском вузе преподаватели сталкиваются с определенными проблемами субъективного и объективного характера, такими как недостаточность навыков самостоятельной работы у студентов, большой объем учебной информации, пренебрежительное отношение у части студентов к неклиническим дисциплинам и низкая мотивация к их изучению, слабая информационная база учебного процесса, неразвитость осознанного стремления к наращиванию профессионально-личностного потенциала у значительной части студентов, особенно на младших курсах медицинского вуза [1].

По наблюдениям многих преподавателей, современных студентов отличает всё возрастающий инфантилизм. Получив «телевизионное» воспитание, они имеют завышенные и ничем не обоснованные потребности, хотя часто не ориентируются даже в элементарных вещах. Большинство студентов далеко не сразу привыкают к новой системе обучения и требованиям высшей школы. Вчерашний школьник, придя в вуз, сталкивается с совершенно новой для него системой образования, отличающейся от школьного обучения и организационно,

и методически, и содержательно, и по своим основным целям и направлениям. Иным является и «качество территории». Молодые люди находятся уже не среди 25 одноклассников, а в поточной аудитории, рассчитанной на 100–150 человек, что производит на них разное впечатление — от чувства восторга до ощущения затерянности [10].

Более того, студенты медицинского вуза по сравнению со студентами других вузов находятся в более сложном положении, так как их будущая профессия не только требует достаточно высокого уровня подготовки, но и связана с ответственностью за жизнь и здоровье пациентов. Сложность врачебного труда обусловлена и требованиями непрерывности процесса профессионализации, выполнения различных структурированных видов деятельности, манипуляций. Как справедливо отмечают современные отечественные психологи, учебная деятельность вообще и в системе профессионального образования в частности несет в себе многие черты трудовой деятельности, отличаясь от профессионального труда, может быть, только продуктом [2].

Вопросы личностного развития студента и формирования его готовности к будущей профессиональной деятельности являются ключевыми, так как именно в процессе обучения в вузе определяются жизненная и мировоззренческая позиция, ценностные приоритеты, происходят глубокое знакомство с профессией, ее освоение, осуществляется выбор и этапность получения будущей специальности (в медицинских вузах — интернатура, ординатура) [Там же].

Успешная адаптация, сроки ее протекания во многом определяют то, как быстро и эффективно студенты включаются в образовательный процесс. Перед преподавателями, работающими со студентами младших курсов, стоит ответственная психолого-педагогическая задача формирования студента как субъекта учебной деятельности, что предполагает прежде всего необходимость обучить его умению планировать и организовывать свою деятельность [13, с. 130].

Именно в процессе кураторской работы происходит формирование личностных качеств студента, повышающих конкурентоспособность будущего специалиста. Как показывает наш многолетний опыт воспитательной рабо-

ты со студентами младших курсов, куратор – это преподаватель, помогающий прежде всего успешной адаптации вчерашних школьников к особенностям вузовского процесса обучения. Многие студенты младших курсов не могут самостоятельно принять правильное решение, им трудно рационально организовать самообразование и самовоспитание. В связи с этим задача куратора – помочь каждому первокурснику осознать важность и необходимость самостоятельной регуляции своего поведения, научиться эффективно распределять свои усилия во времени, пользоваться новой степенью свободы, ведь в средней школе всегда был постоянный контроль за ходом учебных занятий как со стороны учителей, так и со стороны родителей [14].

Успешность нравственного воспитания учащихся неотделима от личности преподавателя, его морально-нравственных качеств, норм поведения, стиля педагогического общения и такта. Высокий уровень нравственной и профессиональной культуры преподавателей медицинского вуза является необходимым педагогическим условием эффективности развития нравственной культуры у будущих врачей [7]. Нравственные качества личности преподавателя, которые непосредственно проявляются по отношению к студентам в процессе контактов с ними, имеют большое воспитательное значение. На наш взгляд, повышение нравственной культуры преподавателей – одно из необходимых условий модернизации российской системы медицинского образования.

Куратор – это полномочный представитель администрации вуза в студенческой группе. Он назначается распоряжением декана факультета из числа ассистентов, старших преподавателей и доцентов, имеющих учебно-педагогический опыт. Но важно, чтобы подбор кураторов производился из числа молодых преподавателей, которые в силу возраста легче понимают учебные и житейские трудности студентов. При этом большое значение в налаживании контактов между наставниками и студентами имеет личное желание куратора. Непосредственно руководит деятельностью кураторов заместитель декана по воспитательной работе. С целью повышения эффективности работы куратор назначается не более чем в две группы. Данная деятельность является частью учебно-воспитательной работы кафедры,

вносится в индивидуальный план работы преподавателя и рассматривается как важнейшее поручение деканата.

Роль куратора особо значима на младших курсах, поскольку от того, как в этот период сложится жизнедеятельность студенческой группы, насколько она сможет при помощи куратора стать и почувствовать себя целостным субъектом, в немалой степени зависит ее дальнейшее субъектное развитие в вузе.

Куратор должен начинать свою работу с тщательного изучения группы, определения ее социально-психологических особенностей, способных служить основой для формирования субъектности группы, таких как наличие лидерского актива, способности к самоорганизации и самоуправлению, наличие общих интересов, мотивов, ценностей у студентов [4].

Применительно к Читинской государственной медицинской академии (ЧГМА) куратор в своей работе должен руководствоваться следующими нормативными документами: законом РФ «Об образовании», Стратегией государственной молодежной политики в РФ до 2016 г., Концепцией воспитательной работы ЧГМА, Положением о кураторе ЧГМА, Этическим кодексом студента ЧГМА. Документацией куратора являются: план работы на год, отчет работы за год, дневник куратора (содержит информацию о составе и активе группы, портфолио студентов, даты, темы и порядок проведения кураторских часов и внеучебных мероприятий). В обязанности преподавателя входят составление плана кураторских часов и регулярное их проведение, заполнение дневника куратора, учет посещаемости студентов (кураторские часы по согласованию с заместителем декана по воспитательной работе могут быть проведены как целенаправленные походы в театры, на концерты, выставки, конференции и другие мероприятия).

Знакомство куратора с группой начинается с первого семестра обучения. У каждого учащегося формируется портфолио, включающее сведения о базовом образовании и другие данные, помогающие оценить уровень подготовки, степень развития и профессиональную мотивацию студента, данные о составе семьи, общие сведения о личности, увлечениях, социальном положении учащегося, форме обучения, месте жительства студента, телефон, e-mail учащегося.



ся и его родителей. В сентябре выбирается актив группы, в который входят староста, физорг, профорг и культорг. Их работа координируется на ежемесячных собраниях.

До 2015 г. в ЧГМА дневник куратора заполнялся в традиционном бумажном формате, по завершении отчетного периода он подписывался и передавался помощнику декана по воспитательной работе. Даная форма работы была давно известна и привычна кураторам, но имела ряд недостатков, в том числе невозможность оперативно получить информацию о результатах внеучебной деятельности конкретного студента. Поэтому в практику была введена компьютерная программа, которая позволяет вносить в информационную базу результаты воспитательных мероприятий с указанием даты, содержания, участников, дает возможность прикрепить файлы (фото, видео) для архива. Информация, занесенная куратором в электронный дневник, автоматически фиксируется у студентов-участников, что позволяет сформировать портфолио учащихся из фактически проведенных мероприятий, не требующее дополнительной проверки и подтверждения преподавателем. Все внесенные данные отражаются в поисковой системе программы, поэтому можно быстро отыскать нужные сведения.

Регулярное проведение кураторских часов входит в обязанности куратора. Тематика их различна: знакомство с Уставом академии, правилами распорядка, формами организации учебного процесса в вузе, вопросы профилактики асоциальных явлений в студенческой среде и др. На собраниях студенческих групп регулярно обсуждаются актуальные вопросы студенческой жизни и студенческого самоуправления.

Совет по воспитательной работе ежемесячно организует заседания, где присутствуют деканы и их помощники по воспитательной работе, кураторы групп и студенческих общежитий. На них обсуждаются итоги мероприятий, согласовываются и планируются предстоящие шаги.

В конце учебного года по традиции в академии проводится семинар кураторов, на котором участники представляют результаты своей работы за год, освещают и обсуждают состоявшиеся мероприятия, обмениваются опытом, представляют фото и видеосюжеты, тем самым создают банк методических разработок по организации

внеучебной деятельности, который доступен для всех кураторов. Семинар позволяет успешно сочетать коллективный характер деятельности и самостоятельную работу его участников, предоставляет возможности для профессионального роста и самореализации кураторов.

Формирование культуры молодого специалиста тесно связано со сферой досуга. Повышение уровня общения молодежи, ее культуры — это две стороны единого педагогического процесса в вузе. Культура досуга характеризуется отношением личности к использованию своего свободного времени. Поэтому важно направить усилия молодежи на формирование у нее активного стремления к «встрече» с культурой, к постоянному духовному росту [12].

Система профессионального воспитания в вузе призвана помогать выстраивать стратегию развития личности студента на весьма значимом этапе его жизни. С целью оказания психологической помощи учащимся в ЧГМА успешно функционирует «Центр развития личности студента», деятельность которого направлена на развитие личностного, интеллектуального и профессионального потенциала учащегося и психологическую поддержку преподавателей и кураторов в обучении и воспитании студентов. Деятельность молодежного волонтерского движения «Ты не один» помогает развитию и самореализации студентов путем ознакомления с различными видами социальной активности. Волонтеры занимаются пропагандой здорового образа жизни, оказывают помощь людям в трудной жизненной ситуации, проводят экологические акции, развивают свои творческие способности.

Официальной пресс-службой студенческого совета ЧГМА является студенческая газета «Медицинская академия», обеспечивающая распространение информации о жизни академии, новостей сферы образования, медицины, города, страны и мира, объявлений, а также пропаганды здорового образа жизни.

Важный инструмент развития личностных качеств обучающихся, по нашему мнению, представляя собой самодеятельные общественные объединения студентов. Традиционно такие формирования в вузе выполняют функцию организации студенческой жизнедеятельности и выстраивания взаимодействия между руководством, профессорско-преподаватель-

ским составом и учащимися. Они дают возможность молодому человеку проявить инициативу, реализовать свои способности, самоутвердиться в среде сверстников. Немаловажную роль в воспитании студентов играют творческие коллективы, успешно действующие в ЧГМА уже много лет. Среди таких коллективов, в работе которых активное участие принимают жильцы общежития, особой популярностью пользуются: КВН, театр-студия «На тихой улице», академический студенческий хор «Gaudeamus», бурятский национальный ансамбль «Ургы». Летом на базе ЧГМА «Медик», расположенной на озере Арахлей, работает смена лагеря студенческого актива «ПРОдвижение». Гордостью академии является ее спортивный клуб, где созданы все условия для занятий физической культурой и спортом.

Поскольку большинство учащихся ЧГМА проживают в общежитиях, куратору академической группы необходимо с определенной периодичностью посещать студентов, интересоваться условиями быта, взаимоотношениями в комнате между жильцами, возможностью и качеством подготовки к занятиям. Желательно получить отзывы о курируемом студенте от старосты этажа, куратора или коменданта общежития. Ведь с момента поселения студента в общежитие у него начинается «испытание свободой», которую он получает, уехав от родителей. В студенческом возрасте впервые происходит знакомство с жизнью ночных клубов, дискотек и баров, где имеются опасные соблазны, такие как алкоголь или наркотики. Поэтому в случае необходимости именно куратору предстоит донести до студента понимание того, что свобода – это ответственность и самостоятельность.

Учащимся часто требуется помощь в организации рационального режима труда и отдыха. У молодых людей, не умеющих правильно распределять время, возникают проблемы с учебной, успеваемость снижается. Значительное увеличение объема преподаваемых предметов, доли самостоятельной работы в учебной деятельности, появившиеся новые заботы по самообслуживанию, самостоятельному ведению бюджета требуют от учащегося умения рационально планировать и организовывать свое учебное и свободное время. Подобными умениями большинство первокурсников еще не обладает, и

куратор может научить студентов эффективно планировать свой распорядок. Особое внимание необходимо уделять адаптации студентов из сельской местности, а также учащихся, слабо подготовленных к учебе и жизнедеятельности в академии. Ведь добросовестное, ответственное отношение студента к учебе будет проецироваться как на его профессиональную, так и на любую другую деятельность.

Серьезной проблемой современного общества является потребление молодежью психоактивных веществ (ПАВ) [6]. В вуз приходят учиться молодые люди с разными социальными и морально-нравственными устоями, часть из них имеют пагубные привычки. Среди старшекурсников, благодаря воспитательной работе, деятельности кураторов студенческих групп на основе нормативно-правовой базы, факты курения и употребления алкоголя встречаются реже, чем среди студентов младших курсов. Это объясняется и тем, что учащиеся, получая высшее медицинское образование, осознают пагубность данных привычек и отказываются от них добровольно либо, обладая социальным опытом, ведут себя аккуратнее, не попадая в поле зрения администрации и кураторов.

Вступление в силу закона Забайкальского края «Об отдельных вопросах реализации Федерального закона „О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” на территории Забайкальского края» регламентировало в регионе продажу алкоголя с 11 до 20 часов, что, на наш взгляд, весьма благоприятно повлияло на профилактику употребления спиртного в крае, в том числе и среди молодежи. Повышение цен на алкогольную продукцию также играет позитивную роль в том плане, что данные товары становятся менее популярными в студенческой среде.

Особая составляющая работы куратора – это общение с родителями студентов. При первом знакомстве с группой куратор рекомендует учащимся сообщить его телефон родителям. Практика показывает, что чаще звонят родители куратору, нежели наоборот, и причиной тому являются проблемы у их детей. Несмотря на многообразие существующих у студенческой молодежи трудностей, они не всегда заметны внешне, но часто отражаются на результатах



учебы. Общение с родителями помогает взглянуть на ситуацию с другой стороны и найти эффективные пути решения возникших проблем.

Обычно нерадивые студенты, представляя родителям результаты своей учебы, пытаются скрыть либо приукрасить показатели успеваемости, вводя их в заблуждение. Поэтому общение куратора с родителями не только помогает представить объективную картину успеваемости, но и является эффективным методом стимулирования учащихся к решительным действиям по ликвидации возникшей академической задолженности. В результате отстающие прилагают больше усилий к сдаче сессии.

В процессе поиска педагогических приемов кураторской деятельности некоторые сотрудники, наряду с традиционной, опробовали студенческую модель кураторства в рамках движения помощников кураторов групп, которые работают с преподавателем-куратором. По отзывам коллег, при взаимодействии студентов младших и старших курсов такие личностные качества, как самостоятельность, свобода творческого осмысления и ответственность за поступки, толерантность, взвешенность решений, активность и креативность, воспитываются действительно легче. Вообще, интеграция различных моделей кураторства в условиях современного медицинского вуза реально расширяет возможности профессорско-преподавательского состава и студентов в самопознании и самореализации, активно стимулирует процессы самоорганизации и самообразования.

Успешность решения воспитательных задач в вузе определяется уровнем готовности куратора к реализации лично ориентированных воспитательных технологий во взаимодействии со студентами. Технологическая готовность куратора, являющаяся качественным результатом теоретического, методического и практического освоения воспитательной деятельности, предполагает способность мобилизовать психолого-

педагогические знания, умения в конкретной педагогической ситуации, личностное и профессиональное самосовершенствование [8].

Среди основных проблем, затрудняющих полноценную реализацию кураторских функций, преподаватели выделяют относительно низкую оплату труда кураторов. Эта проблема лежит в основе другой важнейшей проблемы — дефицита времени преподавателей-кураторов, поскольку в ситуации, когда другие виды трудовой деятельности (научная, преподавательская и др.) оплачиваются выше, они делают рациональный выбор в пользу получения максимального дохода [Там же]. В качестве решения этой проблемы предлагается включение кураторской деятельности в основную нагрузку преподавателя, а кураторских часов — в учебное расписание. В таком случае возможно и повышение требований к кураторам, что позволит избежать формального отношения к этому, несомненно, очень важному элементу образовательного процесса.

На современном этапе идет активный поиск новых эффективных форм организации воспитательной деятельности в вузе. Для этого требуются наставники, обладающие комплексом необходимых знаний, имеющие организаторские, педагогические и психологические умения и навыки.

Таким образом, кураторская работа в современной высшей школе должна быть понята как одно из важных направлений деятельности вуза, так как она помогает воспитанию нравственного человека, способного осваивать нормы и ценности окружения, формировать свои убеждения.

Данная публикация не претендует на полноту отражения всех направлений и возможностей в воспитательной деятельности куратора. Несомненно, полезным был бы обмен опытом по данному вопросу с преподавателями других вузов на страницах журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Артюхина А.И.** Образовательная среда медицинского вуза как фактор личностно-профессионального развития специалиста // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. 2007. № 1. С. 73–78.
2. **Бисалиев Р.В., Куц О.А.** Психологические аспекты адаптации студентов медицинского вуза // Современ. наукоемкие технологии. 2007. № 4. С. 97–98.
3. **Великанова А.Е., Третьякова В.С.** Куратор академической группы как социальный продюсер // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Педагогика. 2013. № 3. С. 5–9.
4. **Гайдар К.М.** Учебная группа как субъект совместной деятельности и учет ее субъектных особенностей в работе куратора // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. Проблемы высш. образования. 2012. № 1. С. 55–58.

5. **Галимова А.И.** Мотивация студентов при поступлении в медицинский вуз // *Соврем. наукоемкие технологии*. 2013. № 7. С. 22–23.
6. **Говорин Н.В., Сахаров А.В., Ступина О.П., Кичигина И.В.** Психическое здоровье призывного контингента. Чита: Экспресс-изд-во, 2011. 204 с.
7. **Игнатъева Т.С.** Педагогические условия развития нравственной культуры у студентов медицинских вузов // *Вестн. Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева*. 2011. № 4 (72). С. 51–56.
8. **Исаев И.Ф., Ерошенкова Е.И., Кролевецкая Е.Н.** Личностно ориентированные технологии воспитательной деятельности куратора студенческой группы // *Международ. журн. прикл. и фундам. исслед.* 2012. № 6. С. 39–40.
9. **Кульбах О.С., Зинкевич Е.Р.** К проблеме воспитания студентов медицинских вузов как неотъемлемой части профессионального образования // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 4. С. 178–181.
10. **Мартынова М.Д.** Роль куратора академической группы в системе высшего образования // *Интеграция образования*. 2004. № 4 (37). С. 90–93.
11. **Мельникова И.Ю., Романцов М.Г.** Особенности медицинского образования и роль преподавателя вуза в образовательном процессе на современном этапе // *Международ. журн. эксп. образования*. 2013. № 11. С. 47–52.
12. **Оконешникова Н.В.** Воспитательная работа в общежитии по реализации поликультурного компонента профессионально-педагогической подготовки студентов // *Наука и школа*. 2012. № 6. С. 135–137.
13. **Семенчук И.В., Децик И.В.** Взаимозависимость направленности личности преподавателя и адаптации студентов-первокурсников к медицинскому вузу // *Журн. Гродненского гос. мед. ун-та*. 2009. № 3 (27).
14. **Черноморченко С.И.** Инновационные методы работы преподавателя – куратора студенческой группы в высшем учебном заведении // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. 2012. Т. 3, № 4. С. 107–116.

ЛЮБИН Антон Викторович – кандидат медицинских наук, доцент Читинской государственной медицинской академии.

Россия, 672090, Забайкальский край, г. Чита, ул. Горького, 39а

e-mail: paginacia@mail.ru

A. V. Lyubin

CURATOR'S WORK WITH STUDENT GROUP IN A MEDICAL ACADEMY

Curator's work in a Medical Academy is represented. The idea of "curator" and "curator work" is analyzed in the article; the problems to solve are considered; solutions are proposed. Main attention is paid to the problem of upbringing of students in a Medical Academy in the terms of contemporary approaches in the organization of higher professional education in the context of modernization. Some pedagogical cases of curator's activity are introduced; regularity support and curator's functional duties are reviewed. The authors analyze the content and technology of a student group curator. The discovered system of automatic control and information processing are suggested.

CURATOR; EDUCATIONAL WORK; GRADUATE MEDICAL EDUCATION; HIGHER EDUCATION INSTITUTE; STUDENT GROUP.



REFERENCES

1. Artyukhina A.I. [Learning Environmental in Medical Academy as a factor of a specialist's personal and professional development]. *Volgograd State Teachers Univ. Bulletin*, 2007, no. 1, pp. 73–78. (In Russ.)
2. Bisaliev R.V., Kuts O.A. [Psychological aspects of students in Medical Academy]. *Present-day science technologies*, 2007, no. 4, pp. 97–98. (In Russ.)
3. Velikanova A.E., Tretyakova V.S. [Professor in charge of a student group as a social producer]. *Bulletin of Moscow State Regional Univ. Ser. Pedagogy*, 2013, no. 3, pp. 5–9. (In Russ.)
4. Gaydar K.M. [Educational group as the subject of joint activity and registering of its subject features in a curator work]. *The Bulletin of Voronezh State Univ. Iss. Problems of higher education*, 2012, no. 1, pp. 55–58. (In Russ.)
5. Galimova A.I. [Students' motivation in entering Medical Academy]. *Present-day science technologies*, 2013, no. 7, pp. 22–23. (In Russ.)
6. Govorin N.V., Sakharov A.V., Stupina O.P., Kichigina I.V. *Psikhicheskoye zdorov'ye prizyvnogo kontingenta* [Mental health of an army draft contingent]. Chita, Ekspress-izdatel'stvo Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)
7. Ignatyeva T.S. [Pedagogical conditions of moral cultu]. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical Univ. Bulletin*, 2011, no. 4 (72), pp. 51–56. (In Russ.)
8. Isaev I.F., Eroshenkova E.I., Krolevetskaya E.N. [Learner-centered technologies in a curator's educational activity in a student group]. *Int. magazine of Applied and Basic researches*, 2012, no. 6, pp. 39–40. (In Russ.)
9. Kul'bah O.S., Zinkevich E.R. [Problem of education of students in medical high institutions as an integral part of vocational training]. *The World of science, culture, formation*, 2012, no. 4, pp. 178–181. (In Russ.)
10. Martynova M.D. [Role of Tutors in Higher Educational System]. *Integration of Education*, 2004, no. 4 (37), pp. 90–93. (In Russ.)
11. Mel'nikova I.Y., Romantsov M.G. [Features of medical education and role of university level teacher in the educational process today]. *Int. J. of experimental education*, 2013, no. 11, pp. 47–52. (In Russ.)
12. Okoneshnikova N.V. [Educational work in a hostel in realization of a polycultural component of vocational pedagogical training of students]. *Science and school*, 2012, no. 6, pp. 135–137. (In Russ.)
13. Semenchuk I.V., Detsik I.V. [Interrelations of teacher's personality and Medical Academy first year students' adaptation]. *J. of Gtodnensk State Medical Univ.*, 2009, no. 3 (27). (In Russ.)
14. Chernomorchenko S.I. [Innovative methods of teacher-tutoring of student groups in higher educational establishment]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State Univ.*, 2012, vol. 3, no. 4, pp. 107–116. (In Russ.)

LYUBIN Anton V. – *Chita State Medical Academy.*

Ul. Gor'kogo, 39a, Chita, 672090, Russia

e-mail: paginacia@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.255.22
УДК [94(47)+327+332.1](985)(08)

*С.В. Кулик, С.Г. Лагушкин,
Е.А. Самыловская, К.Ю. Эйдемиллер*

АРКТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (Обзор международной научной конференции)

В статье представлен обзор Международной научной конференции «Арктика: история и современность», проходившей в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого 20–21 апреля 2016 г.

АРКТИКА; АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ; КОНФЕРЕНЦИЯ; БЕЗОПАСНОСТЬ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА; ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

За последнее десятилетие значительно возросла роль Арктики – региона с богатейшими ресурсами и экономическим потенциалом. Согласно данным экспертов Международного энергетического агентства, к середине XXI в. запасы газа в Арктике смогут обеспечить 40–45 % его мирового потребления [1, с. 12]. Для экономического развития России этот регион имеет ключевое значение: в Арктической зоне РФ добывается и производится более 90 % никеля и кобальта, 96 % платиноидов, 60 % меди [2]. Кроме того, в современных реалиях растет хозяйственно-экономическое и культурное значение Северного морского пути. Поэтому неудивительно, что именно Арктика стала одним из приоритетных направлений социально-общественных исследований как в России, так и за рубежом.

20–21 апреля 2016 г. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) совместно с Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Арктической общественной академией наук и Санкт-Петербургским Советом мира и согласия успешно

провел Международную научную конференцию «Арктика: история и современность», которая была организована кафедрой «История» СПбПУ.

Целью конференции являлось осмысление исторических процессов, связанных с изучением и освоением Арктики, а также междисциплинарное обсуждение широкого круга вопросов по актуальным проблемам развития региона. В ее работе приняли участие представители разных наук: общественных, естественных, военных и технических. В рамках конференции проведено восемь секций, в том числе молодежная секция, в работе которой участвовали студенты, аспиранты и молодые ученые. Участниками конференции стали более 250 ученых и специалистов из различных регионов Российской Федерации, а также из Франции, Норвегии, Швеции и Китая.

На пленарном заседании конференции с приветствием к ее участникам обратились: директор гуманитарного института СПбПУ д-р пед. наук, профессор *Н.И. Алмазова*; проректор, пресс-секретарь, заведующий кафедрой «Философия» СПбПУ д-р филос. наук, про-



фессор *Д.И. Кузнецов*; вице-президент Русского географического общества, директор института наук о Земле СПбГУ д-р геогр. наук, профессор *К.В. Чистяков*; генеральный консул Королевства Норвегия в Санкт-Петербурге *Хейди Олуфсен*; генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге *Фуррьер Тибо*; академик, почетный профессор СПбПУ, председатель ученого совета Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией Университета Цинхуа в Пекине *Ни Вэйдоу*.

Ведущими заседания выступили научный руководитель СПбПУ академик РАН *Ю.С. Васильев* и заведующий кафедрой «История» СПбПУ д-р истор. наук, доцент *С.В. Кулик*.

В ходе пленарного заседания были заслушаны восемь докладов.

Н.М. Максимов, адмирал, начальник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» (ВМА), в своем докладе «Анализ конфликтного потенциала Арктики» показал процесс апробации научно-теоретического знания в практической плоскости, выявил наиболее значимые проблемы настоящего и будущего в развитии освоения арктического пространства.

Н.И. Диденко, д-р экон. наук, профессор кафедры «Мировая экономика и промышленная политика регионов» СПбПУ, выступил с докладом «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации» и обратил внимание слушателей на полизадачность и многоуровневость поднятой им проблематики, описав цели исследования проблем и задач комплексного развития Арктической зоны РФ.

А.А. Сергунин, д-р полит. наук, профессор кафедры «История международных отношений» факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), в своем докладе «Перспективы международного сотрудничества в Арктике: российские подходы», исходя из целей исследования проблем и задач комплексного развития Арктической зоны РФ, отразил патристический взгляд на сложившиеся возможности и перспективы сотрудничества в Арктике, роль в них международных отношений и концептуального диалога с Россией.

Приглашенный гость из Китая, *Ван Ци*, профессор, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Ки-

таем и Россией Университета Цинхуа в Пекине, выступил с докладом «Анализ стратегии китайско-российского сотрудничества в Арктике».

В.С. Соболев, д-р истор. наук, заведующий сектором истории Академии наук Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН), сделал доклад на тему «Из истории гидрографии Северных морей России (первая половина XX века)».

Проблемам и перспективам развития туризма и рекреационного природопользования в Арктическом регионе был посвящен доклад *Д.В. Севастьянова*, д-ра геогр. наук, профессора, заведующего кафедрой «Страноведение и международный туризм» института наук о Земле СПбГУ.

Современные геополитические проблемы Арктического региона были рассмотрены в докладах *В.Б. Митько*, д-ра техн. наук, профессора, президента Арктической общественной академии наук, и *И.Ф. Кефели*, д-ра филос. наук, профессора, заведующего кафедрой «Глобалистика и геополитика» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, ответственного секретаря редакции журнала «Университетский научный журнал» СПбПУ.

В рамках конференции состоялись восемь секционных заседаний и три «круглых стола», которые проходили в Главном учебном и Научно-исследовательском корпусах, Гидрокорпусе СПбПУ и Доме ученых в Лесном.

На *секции № 1 «История исследования и освоения Арктики с древнейших времен до XX века»* (руководители: *С.В. Ульянова*, д-р истор. наук, профессор СПбПУ, и *Д.А. Щеглов*, канд. истор. наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН) рассматривался широкий круг вопросов: от истории исследования Северного Ледовитого океана в античной географии до участия российского императора Александра III в освоении Арктики. Особый интерес вызвал доклад *А.В. Гринева* на тему «Американская Арктика и российская колонизация в XVII–XVIII веках», в котором он представил анализ попыток русских исследовать острова и берега Американской Арктики в районе Берингова пролива.

Тематика секции № 1 была продолжена и развита на *секции № 5 «История исследования*

и освоения Арктики в XX и XXI веках» (руководители: А.А. Бочаров, канд. истор. наук, доцент кафедры «История» СПбПУ, и Д.А. Щеглов). Так, Е.Г. Пивоваров в своем докладе «Архивные материалы, посвященные русскому освоению Аляски, в библиотеке конгресса США» рассказал о Рукописном отделе Библиотеки конгресса США, в котором хранится значительное число материалов, связанных с историей колонизации Аляски: документы Российско-американской компании (Н.П. Резанова, Г.И. Шелихова), Русской православной церкви в Америке и др.

Секция № 2 «Современные геополитические проблемы освоения Арктики» (руководители: В.Б. Митько, д-р техн. наук, советник генерального директора Крыловского государственного научного центра, и В.Н. Половинкин, профессор, научный руководитель Лаборатории высоких технологий ВМА им. Н.Г. Кузнецова) рассмотрела различные аспекты геополитических проблем региона: арктические интересы глобальных игроков (С.В. Короткий); проблемы развития системы обеспечения комплексной безопасности в Арктической зоне РФ (А.Г. Нестеренко); законодательное обеспечение функций государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике (С.Б. Немченко); транспортная безопасность северных морских портов (А.Н. Пивоваров); развитие методов пространственного планирования в Арктической зоне РФ (М.В. Минина); диффузные геоинформационные системы в гибридных арктических войнах (А.В. Митько); кадровая обеспеченность арктических проектов (И.В. Костылев); направления развития федеральной системы поисково-спасательного обеспечения морской деятельности в Арктике (В.Н. Илюхин); особенности построения системы связи на мобильных платформах в Арктике и Антарктике и предложения по построению сети коротковолновой радиосвязи для мобильных платформ в Арктике и Антарктике (В.В. Комашинский, А.И. Осадчий, С.А. Осадчий, А.К. Петриченко, С.Г. Попов); методология и теория обоснования управленческих решений в области морской техники и практики (А.В. Кульменко) и конфессионально-религиозные проблемы в Арктическом секторе (С.В. Кулик, Е.А. Самылова, К.Ю. Эйдемиллер).

Секция № 3 «Коренные народы Арктики и проблема их устойчивого развития» (руководители:

У.А. Винокурова, д-р социол. наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института искусств и культуры, и Т.А. Шрадер, канд. истор. наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) осветила проблемы коренных народов, проживающих в Арктической зоне РФ. Так, К.Б. Клоков и В.В. Михайлов в своем докладе «Оценка климатических параметров для устойчивого развития различных типов традиционного оленеводства в тундровой зоне России» предъявили результаты проведенного исследования (его цель – выявление в пределах Арктической зоны РФ областей, которые по климатическим условиям в наибольшей степени благоприятствуют ведению традиционного оленеводства северных народов).

Секция № 6 «Проблемы и перспективы экономического развития Арктической зоны РФ» (руководители: Н.И. Диденко, д-р экон. наук, профессор кафедры «Мировая экономика и промышленная политика регионов» СПбПУ, и А.Е. Череповицын, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Организация управления» Санкт-Петербургского горного университета) в своей работе была сосредоточена на обсуждении отраслевых вопросов и связанных с ними процессов администрирования.

Работа секции № 7 «Проблемы экологической безопасности в Арктическом регионе» (руководители: А.А. Алимов, канд. истор. наук, доцент кафедры «Мировая политика» факультета международных отношений СПбГУ, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные науки» Российского государственного гидрометеорологического университета, и А.И. Альхименко, д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Водохозяйственное и гидротехническое строительство» СПбПУ) была посвящена проблемам экологии и изменению климата в Арктике. В ходе работы секции особый интерес вызвал доклад М.Ю. Кононовой и А.А. Кирманова на тему «Возможности обеспечения геоэкологической безопасности территорий развития Арктики с использованием данных дистанционного зондирования», в котором было представлено использование визуализации ЛТБМ с интерпретацией ДДЗ через картирование для целей обеспечения геоэкологической безопасности территорий Арктики.



Секция № 8 «Историко-культурное наследие Арктики, туризм и перспективы его развития в регионе» (руководители: *А.Н. Кашеваров*, д-р истор. наук, профессор кафедры «История» СПбПУ, и *Д.В. Севастьянов*, д-р геогр. наук, профессор, заведующий кафедрой «Страноведение и международный туризм» института наук о Земле СПбГУ) была представлена широкой палитрой рассматриваемых тем: проблемы презентации историко-культурного наследия Арктики (*Е.Е. Герасименко*); мезенская роспись (*А.С. Гузев*); легендарные города Заполярья как форпосты освоения северного пространства России в VII в. (*О.А. Благодетелева*); культурные ландшафты Арктики в условиях вынужденной адаптации к изменениям природной и социокультурной среды (*Д.А. Дирин*); проблема эклектичности культуры Арктической зоны РФ (*К.Ю. Эйдемиллер*); народная географическая терминология в говорах русского старожильческого населения Арктики как объект культурного наследия (*А.А. Соколова*); внутренний строй жизни Соловецкого монастыря (*А.Н. Кашеваров*); образ Арктики и полярных экспедиций в художественной литературе (*Н.П. Таньшина*); уникальный морской арктический научно-исторический проект Ямало-Ненецкого автономного округа «Карские экспедиции» (*В.А. Пушкарев*); создание Музея истории метеорологических наблюдений в поселке Пирамида (арх. Шпицберген) (*Б.В. Иванов*); геоэкологический маркетинг территорий развития туристско-рекреационных зон Арктики (*М.Ю. Кононова*); подходы к моделированию туристско-рекреационных систем Арктического региона (*Е.Н. Гук*) и др.

Секция № 4 «Молодежная» (руководители: *К.Ю. Эйдемиллер*, канд. геогр. наук; *К.А. Артамонов*, канд. геогр. наук; *Д.С. Тулунов*, канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры «Теория и история международных отношений» факультета международных отношений СПбГУ; *А.Ю. Скрыдлов*, канд. истор. наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН; *А.В. Митько*, канд. техн. наук, доцент, председатель Совета молодых ученых Севера, член президиума Арктической общественной академии наук; *Д.Д. Смирнова*, канд. истор. наук, ассистент кафедры «История» СПбПУ) послужила площадкой для докладов только вступивших на научную стезю молодых ученых из разных реги-

онов России (Таганрог, Саратов, Петрозаводск, Москва, Санкт-Петербург и др.).

Как отдельные мероприятия в рамках общей программы проходили «круглые столы», каждый из которых был тематически локализован и работал согласно индивидуальному плану:

- «круглый стол» на тему «Военная безопасность и стратегическая стабильность в Арктике» (руководители: *Э.Л. Коршунов*, полковник, начальник НИО (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (ВАГШ); *А.А. Михайлов*, д-р истор. наук, доцент, научный сотрудник НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ, профессор кафедры «История» СПбПУ). Особый интерес у участников секции вызвал доклад *Н.В. Ершова* на тему «Основные факторы, воздействующие на морально-психологическое состояние военнослужащих частей и подразделений связи, действующих в условиях Арктической зоны», в котором на основе анализа исторического опыта освоения Арктики, ведения боевых действий и проведения учений в северных условиях были проанализированы основные факторы, воздействующие на морально-психологическое состояние военнослужащих частей и подразделений связи, действующих в условиях Арктической зоны РФ;

- «круглый стол» на тему «Международное сотрудничество в Арктике» (руководители: *С.Н. Погодин*, д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» СПбПУ; *А.А. Сергунин*, д-р полит. наук, профессор кафедры «История международных отношений» факультета международных отношений СПбГУ; *Д.Д. Тулунов*). Рассмотрены основные проблемы современных международных отношений членов и наблюдателей Арктического совета, а также государств, стремящихся принимать активное участие в освоении региона;

- «круглый стол» на тему «Правовые аспекты освоения Арктики» (руководитель – *В.Н. Снетков*, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» СПбПУ), посвященный проблемам правового регулирования освоения Арктического региона.

На подведении итогов конференции выступили руководители секций, а ее президиумом была принята и утверждена резолюция, в которой подчеркивается необходимость проведения

на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого регулярных научных мероприятий, посвященных проблемам исследования и освоения Арктики.

Следует отметить, что обсуждение всех докладов сопровождалось самой заинтересованной дискуссией, показавшей актуальность и многовекторность арктической проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пономарев В.** Сабетту «распечатали» // ЯмалАрктика. 2013. № 2 (3). С. 11–16.
2. **Королёв В.И.** Военно-морская деятельность России в Арктике // Тр. науч.-исслед. отд. Ин-та воен. истории. Т. 9, кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб.: Политехника-сервис, 2014.

КУЛИК Сергей Владимирович — доктор исторических наук, директор высшей школы общественных наук гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kulik54@mail.ru

ЛАГУШКИН Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, помощник председателя Попечительского совета Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: slagushkin@mail.ru

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна — ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

ЭЙДЕМИЛЛЕР Константин Юрьевич — кандидат географических наук, преподаватель, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: keidemiller@gmail.com

S. V. Kulik, S. G. Lagushkin,
E. A. Samylovskaya, K. Yu. Eidemiller

THE ARCTIC: HISTORY AND PRESENT (Review of the international scientific conference)

The article provides an overview of the International Scientific Conference “The Arctic: history and modernity”. The Conference held from 20 to 21 April 2016 in the walls of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

ARCTIC; ARCTIC ZONE OF RUSSIAN FEDERATION; CONFERENCE; SECURITY OF THE ARCTIC REGION; HISTORY OF ARCTIC EXPLORATION; PETER THE GREAT ST. PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY.



REFERENCES

1. Ponomarev V. [Sabetta “unpacked”]. *Yamal-Arctic*, 2013, no. 2 (3), pp. 11–16. (In Russ.)
2. Korolev V.I. [Naval activity of Russia in the Arctic]. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo otdela Instituta voennoy istorii* [Proc. of the Research Department of the Institute of Military History]. Of vol. 9, b. 2. [Provision of the national interests of Russia in the Arctic]. St. Petersburg, Politehnika Servis Publ., 2014. (In Russ.)

KULIK Sergey V. — *Higher School of Social Sciences, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Director.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kulik54@mail.ru

LAGUSHKIN Sergey G. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: slagushkin@mail.ru

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

EIDEMILLER Konstantin Yu. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: keidemiller@gmail.com

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 4 (255) 2016

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 24.01.2017 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,62. Уч.-изд. л. 23,62. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru